РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

Двадцать вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
27–29 ноября 2025 г.

Институт Лингвистических Исследований Российской академии наук

Санкт-Петербург
2025

УДК 81
ББК 81.2
Д22

Утверждено к печати Ученым советом
Института лингвистических исследований РАН

Рецензенты:
д.ф.н. Е. Л. Вилинбахова (СПбГУ, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)
к.ф.н. М. Ю. Князев (ИЛИ РАН, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Двадцать вторая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 27–29 ноября 2025 г.). / Ред. Е. А. Забелина. СПб.: ИЛИ РАН, 2025.

doi 10.30842/97856054902272025
ISSN 2686-9845
ISBN 978-5-6054902-2-7

© Коллектив авторов, 2025
© ИЛИ РАН, 2025
© Редакционно-издательское оформление. ИЛИ РАН, 2025

А. В. Алхазова*, Д. А. Парамонова*,**

МГУ, Москва — ГосИРЯ им. А. С. Пушкина, Москва***

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ГЛАГОЛА *EDI* В ТЕРСКОМ ДИАЛЕКТЕ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА[1]

Введение. В настоящем исследовании рассматриваются глагольные формы с показателем *-A-dI-* (< **-A-* + *edi-*) в терском диалекте кумыкского языка (< кыпчакские < тюркские). Данные были собраны в ходе экспедиции в с. Предгорное республики Северная Осетия — Алания в 2025 г. Анализируемые формы описывают продолжительное действие в прошлом: *bar-a-di-q* идти-CVB-PST-1PL ‘мы шли’. В докладе мы построим типологическую перспективу морфологического статуса данной конструкции в родственных тюркских языках, а также определим степень грамматикализации показателя, восходящего к *edi*, в терском диалекте кумыкского языка с учётом данных именной предикации.

Глагол *edi* в других тюркских языках. Вспомогательный глагол *edi* в сочетании с деепричастием на *-A* в тюркских языках маркирует хабитуальную или прогрессивную ситуацию в прошлом (ср. ногайский [Kelepir 2021], западный караимский [Németh 2015], балкарский [Лютикова и др. 2006] и др.).

Грамматикализация *edi* в терском кумыкском. В отличие от других тюркских языков, в терском кумыкском у вспомогательного глагола *edi* наблюдается процесс грамматикализации, когда лексическая составляющая не эксплицируется, а оставшийся показатель прошедшего времени присоединяется к деепричастию и подчиняется гармонии, заданной его корневым гласным. Свидетельство в пользу того, что для вспомогательного глагола *edi* в терском кумыкском ещё не завершился процесс грамматикализации, мы находим в контекстах с именной предикацией.

[1] Исследование поддержано грантом РНФ №25-18-00222.

Пример (1) показывает, что наличие временной глагольной морфологии на существительном допустимо для контекстов с показателем длительного прошедшего *-A-dI-*, но не для контекстов с показателем простого прошедшего *-dI-*.

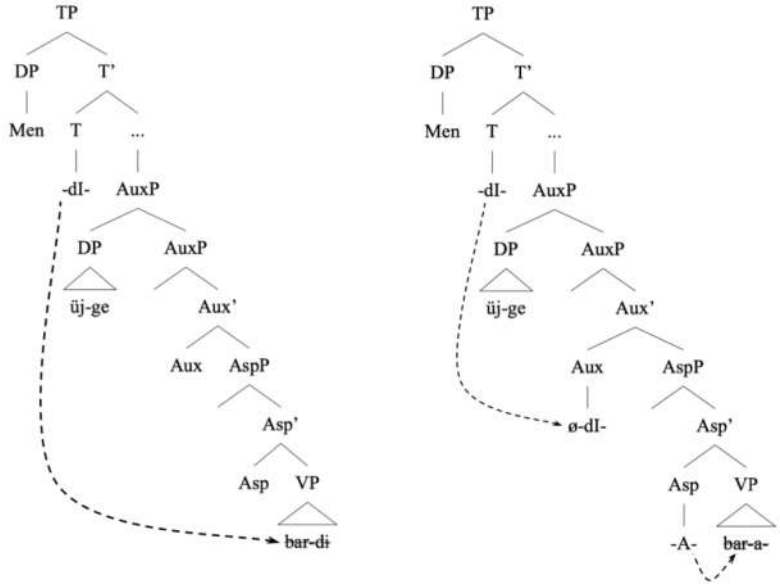
(1) а. — *Sen qajda bar-di-ŋ?*
ты куда идти-PST-2SG
'Ты куда сходил?'
— *Men üj-ge*(-**di-m*).
я дом-DAT(-PST-1SG)
'Я — домой'.

б. — *Sen qajda bar-a-di-ŋ?*
ты куда идти-CVB-PST-2SG
'Ты куда шёл?'
— *Men üj-ge*(*-di-m*).
я дом-DAT(-PST-1SG)
'Я — домой'.

Таким образом, позиция окончания *-dI-* в (1а) отличается от его позиции в (1б), что объясняет наблюдаемый контраст и свидетельствует в пользу различий в морфологическом статусе *dI-* в (1а) по сравнению с (1б). В контексте простого прошедшего времени показатель *-dI-* — это аффикс, который порождается в T и объединяется с глагольной основой с помощью механизма *Affix Hopping* (ср. [Chomsky 1981]) в позиции VP, которая в дальнейшем эллидируется. В случае с показателем *-A-dI-*, позиция порождения морфемы *-A-* определяется как одна из расширенных проекций TP — AspP (ср. [Travis 1991]), она также присоединяется к основе глагола в VP. При этом при заполненном Asp (см. вопросительный контекст в (1б), в докладе мы также покажем, что материал в Asp может отличаться) происходит прыжок аффикса *-dI-* из T к группе вспомогательного глагола, имеющего нулевую реализацию в терском кумыкском (строгое определение природы данной проекции в настоящий момент остаётся за пределами исследования, поэтому назовём её AuxP), а лексический глагол передвигается в позицию спецификатора данной проекции. При глагольном эллипсисе (см. ответ в (1б)) группа VP эллидируется

до передвижения в позицию спецификатора AuxP, в результате чего происходит озвучивание (*Spell-out*, ср. [Chomsky 1993]) вспомогательного глагола вместе с предшествующим адъюнктом, задающим гармонию гласных (2).

(2)



Имеющиеся данные убедительно показывают, что показатель *dI-* в формах длительного прошедшего сохраняет свою синтаксическую автономность и исходную позицию в структуре клаузы, а значит не является полноценным аффиксом [Плунгян 2011], несмотря на доказательства из области фонологии и морфологии (например, гармония гласных; другие свидетельства будут подробно описаны в докладе).

Выводы. В работе обсуждается степень грамматикализации вспомогательного элемента конструкций с *-A-dI-* (< **-A-* + *edi-*) в терском диалекте кумыкского языка. Показатель *-dI-* в таких контекстах подчиняется гармонии, что говорит о высокой степени его грамматикализации — превращении в аффикс. Однако данные именной предикации демонстрируют его синтаксическую самостоятельность и наличие отдельной проекции, в которой этот вспомогательный компонент порождается.

Список условных сокращений

1, 2 — 1, 2 лицо; CVB — конверб; DAT — датив; PL — множественое число; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Лютикова и др. 2006 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Б. Шлуинский, А. Г. Пазельская. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011.

Chomsky 1981 — N. Chomsky. Lectures on government and binding (Studies in generative grammar, Vol. 9). Dordrecht, Holland & Cinnaminson, NJ: Foris, 1981.

Chomsky 1993 — N. Chomsky. A minimalist program for linguistic theory // K. Hale, S. J. Keyser (eds.). The view from Building 20: essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger. Cambridge, MA: The MIT Press, 1993. P. 1–52.

Kelepir 2021 — M. Kelepir. Matters of size and deficient functional categories in three Turkic languages: Turkish, Turkmen, and Noghay // S. Laszakovits, Zh. Shen (eds.). The size of things I. Structure building (Open Generative Syntax 12). Berlin: Language Science Press. P. 25–44.

Németh 2015 — M. Németh. A historical morphology of Western Karaim: The-p edi-past tense in the South-western dialect // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2015. Vol. 68. № 2. P. 215–228.

Travis 1991 — L. Travis. Inner Aspect and the Structure of VP. Ms., Toronto: McGill University, 1991.

А. В. Алхазова, В. А. Яровая

МГУ, Москва

СЕРИАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ОТРИЦАНИЕМ В ТЕРСКОМ ДИАЛЕКТЕ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА

Введение. Цель настоящего исследования — описание семантики и структуры сериальных конструкций с отрицанием, состоящих из вспомогательных глаголов, передающих видо-временные и модальные значения [Baker 1989; Гращенков 2015], и лексических глаголов в виде *p*-конверба, в терском диалекте кумыкского языка (< кыпчакские < тюркские). Исследовалось положение показателя отрицания в структуре конструкций [Sugar 2017] для 12 вспомогательных [Гаджиахмедов (ред.) 2014] и 10 лексических глаголов разных акциональных классов [Gruzdeva et al. 2014] в типологической перспективе, а также его взаимодействие с аспектуальными характеристиками глаголов. Данные были собраны методом анкетирования носителей в ходе экспедиции в с. Предгорное республики Северная Осетия — Алания.

Одиночное отрицание. Потенциально, в структуре сериальной конструкции возможны два положения отрицания — на смысловом глаголе и на сериализаторе [Sugar 2017]. Среди рассматриваемых вспомогательных глаголов в терском кумыкском обе позиции допускают только конструкции со стативным сериализатором (*tur-* ‘стоять’, *oltur-* ‘сидеть’, (1)), приобретая аспектуальную хабитуальную интерпретацию, нестативные сериализаторы либо не допускают присоединения отрицания (пр. *al-* ‘брать’, (2)), либо не различают интерпретации с разной позицией отрицания (пр. *ürü-* ‘ходить’, (3)).

(1) а. *o* *bar-ma-j* *tur-a*
он идти-NEG-CONV стоять-PRS
‘Он не ходит’.

б. *o bar-ıp tur-ma-j*
он идти-CONV стоять-NEG-PRS
‘Он не ходит сейчас (а обычно ходит)’.

(2) а. **o bar-ma-j al-a*
он идти-NEG-CONV брать-PRS
б. **o bar-ıp al-ma-j*
он идти-CONV брать-NEG-PRS

(3) а. *o bar-ma-j ürü-j*
он идти-NEG-CONV брать-PRS
‘Он не ходит’.
б. *o bar-ıp ürü-me-j*
он идти-CONV брать-NEG-PRS
‘Он не ходит’.

Из примера (1а) видно, что при наличии отрицания на смысловом глаголе сфера действия отрицания шире сферы действия аспектуального значения. (1б) демонстрирует, что при наличии отрицания на вспомогательном глаголе сфера действия хабитуалиса, наоборот, оказывается шире сферы действия NEG, таким образом, в подобных контекстах в фокусе находится отрезок временной шкалы, за пределами которого хабитуальная ситуация имеет место. То же наблюдается в балкарском языке, в то время как в мишарском диалекте татарского отмечается ровно противоположная ситуация:

Таблица 1. Положение NEG в иерархии показателей

	Терский кумыкский	Мишарский татарский [Татевосов и др. 2017]	Балкарский [Лютикова и др. 2006]
Отрицание на вспомогательном глаголе	NEG < ASP	NEG > ASP	NEG < ASP
Отрицание на смысловом глаголе	NEG > ASP	NEG < ASP	NEG > ASP

Двойное отрицание. Также в терском кумыкском наблюдается нетипичное для тюркских языков двойное отрицание — на лексическом и на сериальном глаголах, которое возможно в конструкциях со всеми сериализаторами. Схожая ситуация наблюдается в мишарском диалекте татарского, (4): отрицание на обоих глаголах разрешено, при этом отмечается, что отрицание интерпретируется как двойное с дополнительным значением ‘всё-таки’ [Татевосов и др. 2017]:

(4) *urman* *cer-e-m-i-čä* *tɤr-m-a-dɤ*
дерево гнить-ST-NEG-ST-CONV стоять-NEG-ST-PST
‘Дерево всё равно начало гнить’.

В терском кумыкском отрицание на обоих глаголах также приемлемо, при этом для некоторых комбинацией лексических и сериальных глаголов отмечается появление одного из дополнительных значений: модальное, (5), хабитуальное, (6), раритивное (7).

(5) а. *o* *uxla-ma-j* *ürü-me-j*
он спать-NEG-CONV ходить-NEG-PRS
‘Он всё-таки спит’.

б. *o* *aša-ma-j* *čɨq-ma-j*
он есть-NEG-CONV выходить-NEG-CONV
‘Он должен поесть’.

(6) *o* *unut-ma-j* *čik-ma-j*
он храпеть-NEG-CONV выходить-NEG-PRS
‘Он каждый раз забывает’.

(7) *o* *bar-ma-j* *tur-ma-j*
он идти-NEG-CONV стоять-NEG-PRS
‘Он ходит нечасто’.

Список условных сокращений

CONV — конверб; NEG — отрицание; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; ST — производная основа.

Литература

Абдуллаева и др. 2014 — А. З. Абдуллаева, Н. Э. Гаджиахмедов, К. С. Кадыраджиев, И. А. Керимов, Н. Х. Ольмесов, Д. М. Хангишиев. Современный кумыкский язык / Н. Э. Гаджиахмедов (отв. ред.). Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014.

Гращенков 2015 — П. В. Гращенков. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Лютикова и др. 2006 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Б. Шлуинский, А. Г. Пазельская. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.

Татевосов и др. 2017 — С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская, Д. Ш. Сулейманов. Элементы татарского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2017.

Baker 1989 — M. Baker. Object sharing and projection in serial verb constructions // Linguistic Inquiry. 1989. Vol. 20. № 4. P. 513–553.

Cinque 2008 — G. Cinque. A note on mood, modality, tense and aspect affixes in Turkish // E. E. Taylan (ed.). The verb in Turkish. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 47–59.

Gruzdeva et al. 2024 — A. Gruzdeva, A. Alhazova, A. Golovnina, R. Nasyrova, F. Sadkovsky. Kumyk Verb Classification: Event and Argument Structure // J. Lecavelier, N. Geick, M. Grubic, P. Bharadwaj, M. Zimmermann (eds.). Proceedings of TripleA 10: Fieldwork perspectives on the semantics of African, Asian and Austronesian languages. Potsdam: Universität Potsdam, 2024. P. 47–59.

Sugar 2017 — A. Sugar. Uyghur -*ip* as a verb linker in multiple constructions // Proceedings of the Linguistic Society of America. 2017. Vol. 2. Art. 16.

А. В. Анцупова

НИУ ВШЭ, Москва

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ТАКСИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗИЛОВСКОМ ДИАЛЕКТЕ АНДИЙСКОГО ЯЗЫКА

Мы представляем описание таксисной системы зиловского диалекта андийского языка с опорой на типологическую классификацию таксисных функций [Муравьёв 2017], в которой функции определяются по трём параметрам:

1) хронологическому отношению между временем отсчёта [Reichenbach 1947] и временем ассерции [Klein 1994];

2) видовым ракурсам маркированной (P) и референциальной (Q) ситуаций;

3) дискурсивной роли маркированной (P) ситуации.

Материал собран в селе Зило Республики Дагестан в 2024 г.

Нами предполагается специализированное выражение функций темпоралиса, антериориса, постериориса, консекутива и отрицательного адлимитива, а также совмещённое выражение функций контемпоралиса и кооккурсива.[1]

К семантической зоне одновременности (функции темпоралиса, контемпоралиса и кооккурсива) относятся конструкции:

- с маркером *-ригьи*, сочетающимся с атрибутивизированными глагольными группами и причастиями, см. (1).

(1) *Али ищива в-уъо-рбигьи*
Али.ABS домой M-приходить-PFV.PTCP+TEMP
Патlимати гьаъо.
Патимат.ABS видеть.AOR
‘Когда Али пришёл домой, он увидел Патимат’.

---

[1] Похожая ситуация наблюдается и в других андийских языках — годоберинском и багвалинском, см. [Kibrik (ed.) 1998], [Кибрик и др. 2001].

- с формой *заман* ‘время’, занимающей позицию после атрибутивизированной глагольной группы или причастия, см. (2).

(2) *Али-ди кечlи къорди-р,*
Али-ERG песня.ABS петь-PROG
къатlи-ла-кку в-уъинн-е=сси заман.
улица-IN-EL М-идти-HAB=ATTR время
‘Когда Али идёт по улице, он поёт песню’.

- с адвербиализатором *=гужало* [Майсак 2022], присоединяющимся к финитным глагольным группам, см. (3).

(3) *Али-ди кечlи къорди-р,*
Али-ERG песня.ABS петь-PROG
къатlи-ла-кку в-уъинн-е=гужало.
улица-IN-EL М-идти-HAB=ADVZ
‘Идя по улице, Али поёт песню’.

Аспектуальная композиция конструкций и их функции приведены в Таблице 1.

Таблица 1. Аспектуальная композиция в конструкциях зоны одновременности

Тип конструкции	Видовой ракурс P	Видовой ракурс Q
-ригьи — темпоралис	PFV	PFV
	IPFV	IPFV
	IPFV	PFV
заман — темпоралис, контемпоралис, кооккурсив	IPFV	IPFV
	IPFV	PFV
=гужало — темпоралис, контемпоралис	IPFV	IPFV
	IPFV	PFV

К зоне следования (функции постериориса и препозитивного консекутива) относятся конструкции вида «перфективное причастие + послелог *рехуду* ‘после’» [Maisak 2023] и конструкции с иммедиативным конвербом, см. (4)–(5):

(4) *Кечlи къори-б-чlу рехуду*
песня.ABS петь-PFV.PTCP-CONT после
Али-й-о гьаъ-ийа Патlимати.
Али-F-AFF видеть-FUT Патимат.ABS
‘Али споёт песню и увидит Патимат’.

(5) *Ищива в-уъо-б-лълъугу Али-ди*
домой M-приходить-PFV.PTCP-IMM.CVB Али-ERG
кечlи къори.
песня.ABS петь.AOR
‘Когда Али пришёл домой, он спел песню’.

Аспектуальная композиция конструкций и их функции приведены в Таблице 2.

Таблица 2. Аспектуальная композиция в конструкциях зоны следования

Тип конструкции	Видовой ракурс P	Видовой ракурс Q
PFV.PTCP + *рехуду* — препозитивный консекутив	PFV	PFV
IMM.CVB — постериорис	PFV	PFV
	PFV	IPFV

К зоне предшествования (функции антериориса и постпозитивного консекутива) относятся конструкции вида «инфинитив + послелог *сседу* ‘перед’» и конструкции с конвербом предшествования, см. (6)–(7):

(6) *Ищива в-уъ-ери сседу Али-ди кечlи къори.*
домой M-приходить-INF перед Али-ERG песня.ABS петь.AOR
‘Перед тем как Али пришёл домой, он спел песню’.

(7) *Ищива в-уъинн-е-блъирий Али-ди*
домой M-приходить-HAB-ANT.CVB Али-ERG
кечlи къори.
песня.ABS петь.AOR
‘Перед тем как Али пришёл домой, он спел песню’.

Аспектуальная композиция конструкций и их функции приведены в Таблице 3.

Таблица 3. Аспектуальная композиция в конструкциях зоны предшествования

Тип конструкции	Видовой ракурс P	Видовой ракурс Q
ANT.CVB — постпозитивный консекутив	PFV	IPFV
	IPFV	IPFV
	IPFV	PFV
INF + *сседу* — антериорис	PFV	PFV
	PFV	IPFV
	IPFV	PFV

Зона лимитива (функция отрицательного адлимитива) представлена конструкцией с терминативным конвербом, аспектуальная композиция которой допускает только перфективную маркированную (P) и имперфективную референциальную (Q) ситуации, см. (8).

(8) *Али-ди кечlи къори ищива в-уъи-ло.*
Али-ERG песня.ABS петь.AOR домой M-идти-TERM.CVB
‘Али пел песню, пока не пришёл домой’.

Список условных сокращений

ABS — абсолютив; ADVZ — адвербиализатор; AFF — аффектив; ANT.CVB — конверб предшествования; AOR — аорист; ATTR — атрибутивизатор; CONT — контактный падеж; EL — элатив; F — женский род; FUT — будущее время; ERG — эргатив; HAB — хабитуалис; IMM.CVB — иммедиативный конверб; IN — показатель серии пространственных падежей со значением ‘в’; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; M — мужской род; PFV — перфектив; PFV.PTCP — перфективное причастие; PROG — прогрессив; TEMP — показатель одновременности; TERM.CVB — терминативный конверб.

Литература

Кибрик и др. (ред.) 2001 — А. Е. Кибрик (ред.-сост.), К. И. Казенин, С. Г. Татевосов, Е. А. Лютикова (ред.). Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М.: Наследие, 2001.

Майсак 2022 — Т. А. Майсак. Адвербиализатор *guža* (*гужа*) в андийском языке // Родной язык. 2022. № 1. С. 50–72.

Муравьёв 2017 — Н. А. Муравьёв. Таксис и таксисные формы в языках мира: таксономия и типология. Дисс. … канд. филол. наук. М.: ИЯз РАН, 2017.

Kaye et al., in press — S. Kaye, G. Moroz, N. Rochant, S. Verhees, A. Zakirova. A sketch of Andi (Zilo dialect) // Yu. Koryakov, Yu. Lander, T. Maisak (eds.). The Caucasian languages. An international handbook. Mouton, HSK series. In press.

Kibrik (ed.) 1998 — A. E. Kibrik (ed.). Godoberi. München: Newcastle: Lincom Europa, 1998.

Klein 1994 — W. Klein. Time in Language. London, New York: Routledge, 1994.

Maisak 2023 — T. A. Maisak. Chapter 5. From an adverb/postposition ‘behind’ to a discourse marker: The particle *reχu* in Andi // A. Barotto, S. Mattiola (eds.). Discourse Phenomena in Typological Perspective. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2023. P. 93–133.

Reichenbach 1947 — H. Reichenbach. Elements of Symbolic Logic. New York: The MacMillan Company, 1947.

Д. Д. Белова*,**, А. И. Крюкова***

ИЯз РАН, Москва — НИУ ВШЭ, Москва** —*
*ИРЯ РАН, Москва****

ЧЕМ АККУЗАТИВНЫЕ КАУЗИРУЕМЫЕ ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ АККУЗАТИВНЫХ ПАЦИЕНСОВ? ДАННЫЕ ТАТЫШЛИНСКОГО УДМУРТСКОГО[1]

Каузируемый участник при морфологических каузативных глаголах в удмуртском языке оформляется аккузативом. При каузативации переходного глагола возникает конструкция с двумя аккузативными участниками, Пациенсом/Темой и Каузируемым:

(1) *ruslan* ***vas'a-jez*** ***ukno-(jez)*** *vorsa-t-i-z*
Руслан Вася-ACC окно-ACC закрывать-**CAUS**-PST-3SG
'Руслан попросил Васю закрыть окно'.

С одной стороны, такой паттерн отклоняется от типологической иерархии Б. Комри, которая описывает зависимость падежного маркирования Каузируемого от аргументной структуры производящего глагола [Comrie 1981], и поэтому интересен с точки зрения типологии каузативных конструкций и свойств Каузируемого. С другой — он вписывает эту удмуртскую каузативную конструкцию в ряд конструкций с двойным объектом (*double-object*), которые привлекают внимание исследователей как особый случай приписывания падежей при одном предикате ([Emonds, Whitney 2006] и др.).

В докладе мы рассмотрим синтаксические симметрии и асимметрии в свойствах аккузативных Каузируемых и Пациенсов в татышлинском говоре удмуртского языка[2]. Нас будут интересо-

[1] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00199, https://rscf.ru/project/24-18-00199/.

[2] Данные получены методом анкетирования в ходе полевой работы в Татышлинском районе Республики Башкортостан в 2021–2025 г., а также из корпуса текстов татышлинского удмуртского [КТУ].

вать структурные и падежные грамматические явления, в частности дифференцированное падежное маркирование, пассивизация и номинализация.

Показатель аккузатива на прямом дополнении может быть опущен у существительных, обозначающих животных и неодушевлённые объекты [Крюкова 2023]. Маркирование Каузируемых-животных в конструкциях с одноместным глаголом (2) и Пациенсов-животных в конструкциях с переходным глаголом (3) сохраняет вариативность, в то время как в конструкциях с переходным глаголом Каузируемые-животные маркируются только аккузативом (4).

(2) *maša* ***val-(ez)*** *дрессировать* *kar-e* *no*
Маша лошадь-ACC делать-PRS.3SG ADD
tetč'a-t-e
прыгать-CAUS-PRS.3SG
‘Маша дрессирует и заставляет прыгать лошадь’.

(3) *anaj-ez* *Maša-jez* ***skal-(ez)***
мама-POSS.3SG Маша-ACC корова-ACC
kâskâ-t-e
доить-CAUS-PRS.3SG
‘Мама просит Машу подоить корову’.

(4) *ruslan* ***koč'âš-*(ez)*** *s'iâ-t-i-z* *daru-(ez)*
Руслан кошка-ACC есть-CAUS-PST-3SG лекарство-ACC
‘Руслан заставил кошку съесть лекарство’.

Продуктивным пассивом в татышлинском удмуртском выступает результативная форма на *-emân* [Подгорная 2022]. Позицию подлежащего свободно занимает Пациенс (5а). Продвижение Каузируемого при переходном исходном глаголе невозможно (5б), в отличие от одноместного (5в).

(5) а. *ta* *kn'iga* (**vas'a-jez*) *lâʔǯ'â-t-emân*
этот книга Вася-ACC читать-CAUS-RES
‘Кого-то/*Васю заставили прочитать эту книгу’.
б. **pet'a* (*kn'iga-jez*) *lâʔǯ'â-t-emân*
Петя книга-ACC читать-CAUS-RES
‘Петю заставили читать (книгу)’.

в. *pič'i* *pi* *iz'ə̂-t-emə̂n*
маленький мальчик спать-CAUS-RES
‘Маленького мальчика уложили спать’.

Объём глагольной структуры, сохраняющейся в номинализации, влияет на то, какие аргументы и как могут быть реализованы [Kratzer 1994]. В литературном удмуртском в отглагольном имени на *-on* Каузируемый стоит в номинативе [Tánczos 2015: 115]. В татышлинском говоре этот паттерн не подтверждается: *on*-номинализация каузативного глагола обязательно сохраняет аккузатив Каузируемого:

(6) ***vas'a-*(jez)*** ***ta*** ***kn'iga-jez*** *lə̂ʔǯ'ə̂-t-on* *s'ekə̂t* *už*
Вася-ACC этот книга-ACC читать-CAUS-VN тяжёлый работа
‘Заставить Васю читать эту книгу — тяжёлый труд’.

Помимо проиллюстрированных явлений, мы обсудим контроль субъекта деепричастной клаузы и структурный приоритет. По совокупности диагностик можно заключить, что Каузируемый и Пациенс при каузативации переходного глагола проявляют одинаковые свойства с точки зрения приписывания падежа, однако разные — с точки зрения синтаксического статуса. В ряде контекстов противопоставляются Каузируемые при исходно одноместных и переходных глаголах. В литературе высказывается гипотеза о двух возможных позициях Каузируемого в клаузе, однако обычно они сопряжены с различиями в падеже [Myler, Mali 2021]. Удмуртский, как мы покажем, выбивается из этого типолого-теоретического обобщения.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; POSS — посессив; PST — прошедшее время; RES — результатив; SG — единственное число; VN — глагольное имя.

Источники

КТУ — Корпус татышлинского удмуртского. URL: https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/

Литература

Крюкова 2023 — А. И. Крюкова. Вариативное оформление прямого дополнения в татышлинском удмуртском: типологический взгляд // Доклад, представленный на XXX международной конференции «Дульзоновские чтения». ТГПУ, Томск. 21–24 сентября, 2023 г..

Подгорная 2022 — А. Д. Подгорная. Употребление результатива на -(*е*)*mə̂n* в татышлинском удмуртском // Д. В. Герасимов (ред.). Девятнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2022 г.). СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 111–114.

Comrie 1981 — B. Comrie. Language Universals and Linguistic Typology: Syntax and Morphology. Oxford: Blackwell, 1981.

Emonds, Whitney 2006 — J. Emonds, R. Whitney. Double object constructions // M. Everaert, H. van Riemsdijk (eds.). The Blackwell Companion to Syntax. John Wiley & Sons, Inc., 2006. P. 73–144.

Kratzer 1994 — A. Kratzer. On external arguments // University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics. 1994. № 20. Art. 7. P. 103–130.

Myler, Mali 2021 — N. Myler, Z. O. Mali. Two places for causees in productive isiXhosa morphological causatives // Syntax. 2021. Vol. 24. № 1. P. 1–43.

Tánczos 2015 — O. Tánczos. Causative constructions and their syntactic analysis in the Udmurt language. PhD thesis. Budapest: Pázmány Péter Catholic University, 2015.

О. И. Беляев

МГУ, Москва — ИЯз РАН, Москва

ЮССИВ С ГЛАГОЛОМ РЕЧИ В ТАТСКИХ ЯЗЫКАХ КАК КОНТАКТНО-ОБУСЛОВЛЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

В двух идиомах татской группы языков (< иранские < индоевропейские) — джуури и джалганском — грамматикализована форма юссива, образованная при помощи императива 2 л. ед. ч. глагола *guftire* ‘говорить’ — формы *gu*:

(1) ДЖУУРИ (ИРАНСКИЕ > ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ) адаптировано из [Authier 2012: 155]
mun-u=gu*!* *piş* *me=sox!*
оставаться-3=OPT прочь PROH=делать
‘Пусть остаётся, не прогоняй его!’

(2) ДЖАЛГАНСКИЙ (ИРАНСКИЕ > ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ) (полевые данные)
— *büra-me* *öwlæmiš* *bey-bir-æ*
брат-1SG.POSS женатый PURP-быть$_2$-SUBD
mu-xost-e
EVT-хотеть$_2$-PRS.3SG
— *öwlæmiš* ***boš-gu****,* *be* *me* *čü?*
женатый быть$_1$[IMP.2SG]-JUS LOC я что
‘Мой брат хочет жениться. — Пусть женится, мне что?’

Оба эти идиома распространены в южном Дагестане: джуури — среди горских евреев, преимущественно в городе Дербенте; джалганский — среди мусульман села Джалган Дербентского района. Среди татских идиомов, распространённых в Азербайджане, такой формы не засвидетельствовано [Грюнберг 1963; Mammadova 2017; Suleymanov 2020]. По данным грамматик, в них в этой функции используются формы 3 л. сослагательного наклонения:

(3) АПШЕРОНСКИЙ ТАТСКИЙ (ИРАНСКИЕ > ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ) адаптировано из [Mammadova 2017: 206]
kəm hadi ***b=s-ü****!*
мало речь SBJV=делать-3
‘Пусть он говорит поменьше!’

(4) ШИРВАНСКИЙ ТАТСКИЙ (ИРАНСКИЕ > ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ) адаптировано из [Suleymanov 2020: 161]
yeki biye kümäk
один:голова MOD.приходить$_1$.2/3 помощь
soz-i *be män!*
MOD:делать$_1$-3 LOC я
‘Пусть кто-нибудь придёт и поможет мне!’

Грамматикализацию такой формы нельзя считать общей инновацией джалганского и джуури: по данным лексикостатистики, эти языки не образуют отдельной подгруппы [Koryakov 2022]. Ввиду их географической близости можно предположить, что развитие юссива от глагола ‘говорить’ обусловлено языковыми контактами.

Несомненно, наибольшее влияние на татский оказали тюркские языки, ср. [Authier 2012: 19–20]; однако ни в азербайджанском [Ширалиев, Севортян 1971], ни в кумыкском [Dobrushina 2012: 4–5] подобные формы юссива не отмечены; вместо этого используется особая синтетическая парадигма, которую в тюркологии принято называть оптативом.

Между тем, юссивные формы, идентичные по образованию наблюдаемым в джуури и джалганском, зафиксированы в нахско-дагестанских языках [Dobrushina 2012; 2023], ср.:

(5) ЛАКСКИЙ (НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ) адаптировано из [Эльдарова 1999: 57]
uča ***lasi-ča***
говорить.IMP брать.IMP-говорить.IMP
‘Пусть они возьмут’.

При этом, как отмечает Н. Р. Добрушина [Добрушина 2012: 7], такой сценарий развития юссива хотя и зафиксирован в других ареалах, но, во-первых, не является типологически распространённым; во-вторых, языки, в которых он наблюдается, — дон-

гольский нубийский [Armbruster 1960: 391] и бирманский [Bernot 1980: 161–162; Гусев 2013: 212], — географически далеки от Кавказа. Это позволяет предположить, что в обсуждаемых татских идиомах формы юссива развились именно под влиянием нахско-дагестанских языков.

При этом конкретный источник заимствования неясен. По данным Типологического атласа языков Дагестана [Dobrushina 2023], юссивы, образованные от глаголов речи, особенно распространены в цезских и андийских языках, а также в некоторых даргинских идиомах и в лакском. Сейчас билингвизм между татскими и нахско-дагестанскими языками не распространён, однако в прошлом значимым центром распространения джуури был Кайтаг, и, учитывая распространённость юссивов этого типа в некоторых даргинских языках, можно предположить, что влияние шло именно с этой стороны. Однако данные о наличии подобных форм юссива именно в кайтагском отсутствуют; судя по примерам С. М. Темирбулатовой, в этой функции используется синтетический оптатив [Темирбулатова 2004: 173]. Кроме того, о контактах носителей даргинских идиомов и татов-мусульман ничего не известно, тогда как влияние джуури на джалганский представляется маловероятным.

В докладе будет подробно рассмотрена морфологическая структура и семантика обсуждаемых форм, а также ареальное распространение юссивов, образованных от глаголов речи, в языках Дагестана.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; EVT — «эвентуалис» / éventuel [Authier 2012]; IMP — императив; JUS — юссив; LOC — локатив; MOD — модальная форма; OPT — оптатив; POSS — посессив; PROH — прогибитив; PRS — настоящее время; PURP — цель; SBJV — сослагательное наклонение; SG — единственное число; SUBD — подчинительный показатель.

Литература

Грюнберг 1963 — А. Л. Грюнберг. Язык североазербайджанских татов. Л.: Издательство АН СССР, 1963.

Гусев 2013 — В. Ю. Гусев. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Темирбулатова 2004 — С. М. Темирбулатова. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала: Издательство типографии ДНЦ РАН, 2004.

Ширалиев, Севортян 1971 — М. Ш. Ширалиев, Э. В. Севортян (ред.). Грамматика азербайджанского языка (Фонетика, морфология и синтаксис). Баку: Издательство «Элм», 1971.

Эльдарова 1999 — Р. Г. Эльдарова. Лакский глагол (система глагольного словоизменения). Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1999.

Armbruster 1960 — C. H. Armbruster. Dongolese Nubian: A grammar. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.

Authier 2012 — G. Authier. Grammaire juhuri, ou judéo-tat, langue iranienne des Juifs du Caucase de l’est. Wiesbaden: Reichert, 2012.

Bernot 1980 — D. Bernot. Le prédicat en birman parlé. Paris: Selaf, 1980.

Dobrushina 2012 — N. Dobrushina. What is the Jussive for? A study of third person commands in six Caucasian languages // Linguistics. 2012. Vol. 50. № 1. P. 1–25.

Dobrushina 2023 — N. Dobrushina. Jussive // M. Daniel, K. Filatov, T. Maisak, G. Moroz, T. Mukhin, Ch. Naccarato, S. Verhees (eds.). Typological Atlas of the Languages of Daghestan (TALD), v 2.0.0. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, NRU HSE, 2023. (URL: https://lingconlab.ru/tald/055_jussive.html. Accessed 11.09.2025)

Koryakov 2022 — Yu. B. Koryakov. Derbent-area Tatic: sociolinguistics and affiliation. Talk presented at the HSE ConLab seminar. October 4, 2022.

Mammadova 2017 — N. Mammadova. Eléments de description et documentation du tat de l’Apshéron, langue iranienne d’Azerbaïdjan. Thèse de doctorat. Paris: INALCO, 2017.

Suleymanov 2020 — M. Suleymanov. A grammar of Şirvan Tat. Wiesbaden: Reichert, 2020.

О. С. Волков*, П. Л. Коган*,**

ИЯз РАН, Москва — НИУ ВШЭ, Москва***

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОКУСНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ЯЗЫКАХ КЕЧУА

В докладе будет рассмотрено несколько показателей языков кечуа, объединённых специфическими свойствами. Морфологический статус данных показателей непрозрачен — они являются связанными морфемами, но вместе с тем обладают широкой транскатегориальностью. При этом в сферу действия данных показателей зачастую попадает составляющая (или даже клауза) целиком, а значения, которые они выражают, характерны во многих языках мира для фокусных частиц.

Семантика этих показателей весьма расплывчата — так, в грамматике уальяга [Weber 1989: 357] они объединены в группу т. н. “shading” suffixes (букв. «суффиксы, выражающие тонкие оттенки значения»). В докладе мы остановимся на темпоральном употреблении таких показателей, ограничив их набор тремя — дисконтинуативом *-ña*, континуативом *-raq* и рестриктивом *-lla* (терминология и показатели взяты из грамматики яуйос [Shimelman 2017]; в большинстве описанных языков кечуа встречаются когнатные показатели). При этом если для дисконтинуатива и континуатива темпоральные употребления уже были ранее отмечены, то для рестриктива они, как кажется, описываются впервые.

Темпоральные функции классических фокусных частиц довольно часто становились предметом отдельных теоретических исследований (см. подробный обзор в [Neeleman, van de Koot 2022]). Существенно, что в большинстве таких работ анализируется лишь механизм возникновения подобных функций, на ограниченном материале, — а собственно семантические тонкости игнорируются. Морфологически связанные элементы с фокусной семантикой, существенно более редкие в языках мира согласно

[König 1991: 20], чем фокусные частицы, в темпоральных употреблениях обычно вовсе не исследуются.

В докладе мы делаем упор именно на детализированное семантическое описание — на материале текстовых данных шести языков кечуа, в основном распространённых на территории Эквадора. При этом представляется, что морфологический статус единиц имеет важное значение — будучи более грамматикализованными (в терминологии [Boye, Harder 2012]), чем классические фокусные частицы, связанные показатели взаимодействуют с видо-временными показателями глагола на одном уровне.

Так, например, показатель рестриктива *-lla* в южном пастаса по данным текстов сочетается с финитными глагольными формами значительно реже, чем с нефинитными — и только в нетемпоральных употреблениях (см. про подобные употребления в имбабура [Tellings 2014]). При этом для причастий, являющихся вершиной вложенной клаузы, темпоральные употребления частотны — с семантикой непосредственного предшествования (1) или — в комбинации со словообразовательным показателем дуратива — подчёркнутой одновременности (2).

(1) ЮЖНЫЙ ПАСТАСА (адаптировано из [Мф 4:20])
chasna *rima-shka-n-lla-pi* *chay*
так говорить-PASS.PTCP-3SG-REST-LOC тот
redi-ya-k *runa-kuna-ka* *redin-kuna-ta*
сеть-VBLZ-AGT человек-PL-TOP сеть-PL-ACC
saki-shpa *Jesus-ta-na* *kati-rka-kuna*
оставлять-CONV.SS Иисус-ACC-DISC следовать-PST-PL
‘И они тотчас [как только он это сказал], оставив сети, последовали за Ним’.

(2) ЮЖНЫЙ ПАСТАСА (адаптировано из [Waters et al. 1998])
kunkaymanta-shi *urma-rka* *ñampi-n-pi*
внезапно-REP упасть-PST дорога-3SG-LOC
kallpa-hu-shka-n-lla-pi
бежать-DUR-PASS.PTCP-3SG-REST-LOC
‘Без какого-либо предупреждения он упал на тропу, прямо пока бежал’.

Для всех трёх исследуемых показателей в темпоральных употреблениях характерна семантика иммедиатности, как в (1), — на денотативном уровне или на уровне импликатуры. Показатели тяготеют к употреблению в таксисных контекстах, но не ограничиваются ими (кроме рестриктива); в абсолютных контекстах существенную роль для интерпретации показателей играют видо-временные формы глагола.

В заключение проводятся типологические параллели, причём как традиционные (с языками Северной Евразии, см., например, [Stoynova 2021]), так и менее ожидаемые — с полинезийскими языками, где и фокусные, и видо-временные значения выражаются аналитически и соответствующие элементы также находятся на одном уровне грамматикализации.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ACC — аккузатив; AGT — имя деятеля; CONV.SS — деепричастие, кореферентное субъекту главной клаузы; DISC — дисконтинуатив; DUR — дуратив; LOC — локатив; PASS.PTCP —пассивное причастие; PL — множественное число; PST —прошедшее время; REP — репортатив; REST — рестриктив; SG —единственное число; TOP — топик; VBLZ — вербализатор.

Источники

Мф — Wycliffe, Translators. Yaya Diospa mushu killkachishkan shimi. New Testament in Quechua, Southern Pastaza. Wycliffe Bible Translators, Inc, 2008.

Литература

Boye, Harder 2012 — K. Boye, P. Harder. A usage-based theory of grammatical status and grammaticalization // Language. 2012. Vol. 88. № 1. P. 1–44.

König 1991 — E. König. The Meaning of Focus Particles. A Comparative Perspective. London, New York: Routledge, 1991.

Neeleman, van de Koot 2022 — A. Neeleman, H. van de Koot. The interpretation and distribution of temporal focus particles // Natural Language and Linguistic Theory. 2022. Vol. 40. P. 793–835.

Shimelman 2017 — A. Shimelman. A Grammar of Yauyos Quechua. (Studies in Diversity Linguistics 9). Berlin: Language Science Press, 2017.

Stoynova 2021 — N. Stoynova. A nonstandard type of affix reordering: The restrictive *kən* in Ulcha // Studies in Language. 2021. Vol. 46. № 1. P. 1–39.

Tellings 2014 — J. Tellings. *Only* and focus in Imbabura Quichua. Annual Meeting of the BLS 40, 2014. Book of abstracts. P. 523–544. DOI: https://doi.org/10.3765/bls.v40i0.3156

Waters et al. 1998 — A. L. H. Waters, C. Tödter, C. Zahn, G. L. de Hoyos. Yaya rukunchikunapa Kwintashkakuna Kwintukuna: (Comunidades y Culturas Peruanas). Ministerio de Educación, 1998.

Weber 1989 — D. J. Weber. A Grammar of Huallaga (Huánuco) Quechua. Berkeley: University of California Press, 1989.

С. С. Главатских

НИУ ВШЭ, Москва

БЫТЬ ИЛИ *МĀ*-БЫТЬ? ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ КОПУЛЫ *VIDOW* В ШУГНАНСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

В шугнанском языке (иранская ветвь индоевропейской языковой семьи) существует четыре варианта построения клаузы с глаголом-связкой. Первый и основной — конструкция без выраженного сказуемого, в которой субъекты первого, второго лица и третьего лица множественного числа требуют также особых лично-числовых клитик. Другой вариант, образуемый при помощи частицы *yast* ‘есть’, употребляется только в экзистенциальной и предпосессивной конструкции (ср. (1)). При референции к будущему в качестве глагола-связки используется глагол *sitow* ‘становиться’.

(1) *Safīna molimā* (**yast*).
Сафина учитель.F есть
‘Сафина — учительница’.

В фокусе этого исследования находится особый, четвёртый тип копулы — выраженные формы глагола *vidow* ‘быть’, которые встречаются только в узком круге контекстов, объединённых ирреальной семантикой [Parker 2023: 360–366; Урманчиева 2004]. В процессе работы мы стремились, во-первых, определить, в каких конкретно контекстах встречается выраженная форма *vidow* (и возможно ли её опустить), и во-вторых, как в контекстах, требующих или лицензирующих *vidow*, выражается отрицание. Вторая задача представляет особый интерес, поскольку в зоне отри-

[1] Мы благодарим Университет Центральной Азии и Факультет гуманитарных наук НИУ ВШЭ за помощь в проведении этого исследования.

цания в шугнанском языке также имеются выражения, по семантике либо относящиеся к зоне реалиса, либо ирреалиса (отрицание-связка *nist* и показатель глагольного отрицания *na-* — реалис, и прохибитив *mā-* — ирреалис [Parker 2023: 367]).

В докладе представлены результаты работы, проведённой в экспедиции в г. Хорог в июне 2025 года, и при удалённой работе с носителями. Наши наблюдения дополнены данными корпуса шугнанского языка [Makarov et al. 2022].

Мы утверждаем, что контексты использования *vidow* можно классифицировать следующим образом: целевые клаузы, оптативные клаузы с показателями *nog*, *lāk*, *dinay*, *aganay* (ср. (2)), дезидеративные клаузы с предикатом *fortow* ‘хотеться’ (ср. (3)), модальные конструкции с *boyad* ‘деонт. быть должным’, императив.

(2) *Nog* *ikšič* *serūn* ***(*vi-d*).
надеяться сейчас прохладный **быть-PRS.3SG**
‘Вот бы сейчас было прохладно!’

(3) *Rezā=yard* *for-t,* *rūšt* *kūrta* *wam=and*
Реза=DAT хотеть-PRS.3SG красный платье D3.F.SG.O=LOC
***(*vi-d*).
быть-PRS.3SG
‘Реза бы хотела, чтобы у неё было красное платье’.

Во всех пяти классах контекстов как показатель отрицания употребляется *mā-*, а показатель *na-* недопустим. Однако для ещё одного класса, протасисов условных неконтрафактивных конструкций, для которых [Parker 2023: 366] также постулирует обязательность копулы *vidow*, мы находим, что копула не обязательно присутствует в выраженном виде:

(4) *Aga* *Amina* *ar* *Xaraɣ* *ca* (***vi-d***)
если Амина DOWN Хорог SUBD **быть-PRS.3SG**
wam *nān* *mis* *ar-ed.*
D3.F.SG.O мать тоже DOWN-D2
‘Если Амина в Хороге, то её мама тоже там’.

В условных конструкциях с отрицанием в протасисе также используются только показатели отрицания из зоны реалиса:

(5) *Aga Amina ar Xaraɣ ca* ***na-vi-d*** /
если Амина DOWN Хорог SUBD **NEG-быть-PRS.3SG**
****mā-vid*** *yā pas ar Rix̌ůn.*
PROH-быть-PRS.3SG D3.F.SG тогда DOWN Рушан
‘Если Амина не в Хороге, то она в Рушане’.

Итак, в контекстах обязательного выражения связки *vidow* при отрицании обязателен показатель прохибитива *mā-,* а контекст, в котором *mā-* недопустим, является контекстом в том числе и для невыраженной связки; обобщая, можно сказать, что в шугнанском языке система выражений ирреалиса однозначно включает пять видов контекстов, а предполагаемый в [Parker 2023: 366] шестой (условные конструкции) скорее остаётся за её пределами. Также можно осторожно предположить, что шугнанская система ирреалиса на настоящий момент находится в состоянии своеобразного выравнивания, при котором контексты прохибитива *mā-* и выраженной связки совпадают всё в большей степени.

В докладе будет предложен к рассмотрению ареальный контекст подобной связи выраженной копулы с ирреальностью.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; D2 — указательное местоимение, степень удалённости «у слушающего»; D3 — указательное местоимение, степень удалённости «вдали и от слушающего, и от говорящего»; DAT — датив; DOWN — показатель вертикального дейксиса «вниз»; F — женский род; LOC — локатив; O — косвенная форма местомения; NEG — отрицание; PRN — местоимение; PRS — настояще-будущее время; SG — единственное число; SUBD — подчинительный союз.

Литература

Урманчиева 2004 — А. Ю. Урманчиева. Седьмое доказательство реальности ирреалиса // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики, вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 28–74.

Makarov et al. 2022 — Yu. Makarov, M. Melenchenko, D. Novokshanov. Digital Resources for the Shughni Language // A. K. Ojha, S. Ahmadi,

Ch.-H. Liu, J. P. McCrae (eds.). Proceedings of The Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-Resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference. Marseille: European Language Resources Association, 2022. P. 61–64. https://aclanthology.org/2022.eurali-1.9.

Parker 2023 — C. Parker. A Grammar of the Shughni Language. PhD thesis. Montreal: McGill University, 2023.

К. О. Дунаева

НИУ ВШЭ, Москва

УСЛОВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В АШХАРСКОМ ДИАЛЕКТЕ АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКА

Доклад посвящён условным конструкциям в ашхарском диалекте абазинского языка, подробно не описанным в существующей литературе: в грамматиках [Генко 1955; Табулова 1976] они не упоминаются, а в работе [Чкадуа 1970] кратко рассматриваются вместе с абхазскими и тапантскими. Мы рассмотрим способность различных показателей маркировать (ир)реальность условия, а также взаимодействие условных показателей с темпоральными. Данные были собраны в ходе экспедиции Международной лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ[1] в аулы Апсуа и Старо-Кувинск Карачаево-Черкесской республики в 2023–2025 годах.

Условные конструкции в ашхарском абазинском относятся к типу, названному в типологическом обзоре Храковского [Храковский 1998: 87–92] «осложнённым предложением»: антецедент составляет нефинитная глагольная форма («условный конверб с показателями *-rəj*, *-zarəj* и *-zəj*, суффикс *-zəj* при этом не упоминается ни в одной работе, посвящённой абхазо-абазинским языкам), а консеквент — финитная, причём показатель связи между двумя частями полипредикативной конструкции отсутствует.

В зоне **реального условия** показатель *-rəj* используется для референции к будущему (1) и хабитуальным и генерическим ситуациям в настоящем и прошедшем.

(1) *mə́wsa* *bzə́ja-nə* *čə-j-rə́-hazər-**rəj***
М. хороший-ADV RFL.ABS-3M.ERG-CAUS-готовить-**COND**

[1] Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Экспедиция поддержана Фондом образовательных инициатив НИУ ВШЭ в рамках конкурса «Открываем Россию заново».

a-wnəjvajrsəjtájt d-zə́-ça-la-wa-š
SP-университет 3H.ABS-POT-выйти-LAT-IPF-FUT
‘Если Муса хорошо подготовится, поступит в университет’.

Показатели *-zəj* и *-zarəj* по умолчанию обозначают законченные ситуации в прошлом (2), однако в сочетании с показателем имперфектива *-wa-* используются в хабитуальных и дуративных контекстах в настоящем, а также в тех случаях, когда условие предшествует следствию, но относится к временному плану настоящего. Такие конвербы могут иметь и футуральную интерпретацию (3).

(2) *jacə́ fatə́jma a-zadáč’a-k^{w}a j-q̇a-l-çá-**zəj***
вчера Ф. SP-задача-PL 3N.ABS-LOC-3F.ERG-делать-**COND**
waçə́ ja-s-a-l-h^{w}a-wá-š
завтра 3N.ABS-1SG.IO-DAT-3F.ERG-говорить-IPF-FUT
‘Если Фатима вчера решила все задачи, она завтра скажет мне об этом’.

(3) *waĉə́ zarájma a-q̇ála d-cə́-w-**zarəj***
завтра З. SP-город 3H.ABS-идти-IPF-**COND**
lə́-mata-k^{w}a j-a-də́-l-galə-w-j
3F.PR-вещь-PL 3N.ABS-CSL-LOC-3F.ERG-собирать-IPF-DCL
‘Если Зарема завтра поедет в город, она сейчас собирает вещи’.

Сочетание суффиксов *-zarəj* и *-zəj* с основой будущего времени *-wa-š-* IPF-FUT помимо футуральности может выражать проспективность или желание субъекта ситуации (4).

(4) *raswl a-kət d-a-jə-**wa-š-zəj**,*
Р. SP-аул 3H.ABS-CSL-идти-**IPF-FUT-COND**
č’ajrkajssk a-čə nχara g’ə-j-ma-w-ṭ
Ч. 3N.PO-возле работа NEG.EMP-3M.IO-иметь-IPF-DCL
‘Раз Расул хочет вернуться в аул, значит, работы в Черкесске нет’.

Допустимые темпоральные интерпретации условных показателей в сочетании с темпоральными показаны в Таблице 1.

Для выражения **контрфактивного** и маловероятного гипотетического условия (*future less vivid* в терминах [Iatridou 2000])

Таблица 1. Темпоральная интерпретация условных конвербов

	условный показатель	**темпоральная интерпретация**
∅ (перфективная основа)	*-zarəj*/*-zəj*	прошедшее
-wa- IPF		непрошедшее
-wa-š- IPF-FUT		будущее (проспектив)
∅ (перфективная основа)	*-rəj*	будущее, хабитуалис

конверб в антецеденте маркируется с помощью суффиксов *-zəj*/*-zarəj*; в консеквенте выступают формы одного из двух сослагательных наклонений. Такие предложения темпорально нейтральны: маркирование антецедента и консеквента не зависит от временной локализации, а интерпретация задаётся контекстом (5).

(5) *zaəjra* *h-čə́* *sas-rá* *d-á-j-**zarəj***
Заира 1PL.IO-возле гостить-MSD 3H.ABS-CSL-идти-**COND**
ŝábəž *h-gʷə́rʁ'a-wa-ša-n*
сильный 1PL.ABS-радоваться-IPF-FUT-PST.DCL
'Если бы Заира пришла к нам в гости (вчера/сегодня/завтра), мы были бы рады'.

В докладе будет более подробно рассмотрена дистрибуция условных конвербов с точки зрения временной локализации, таксисной отнесённости антецедента и консеквента и других параметров, выделенных в типологических обзорах условных конструкций, см. [Храковский (ред.) 1998; Thompson et. al. 2007], а также приведено сравнение ашхарских данных с данными тапантского диалекта и абхазского языка.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABS — абсолютив; ADV — адвербиалис; CAUS — каузатив; COND — кондиционал; CSL — цислокатив; DAT — датив; DCL — декларатив; ERG — эргатив; F — женский род; FUT — будущее; H — че-

ловек; IO — косвенный объект; IPF — имперфектив; LAT — латив; LOC — локативный преверб; M — мужской род; MSD — масдар; N — средний род; NEG — отрицание; NEG.EMP — эмфатическое отрицание; PL — множественное число; PO — аргумент послелога; POT — потенциалис; PR — посессор; RFL — рефлексив; SG — единственное число; SP — специфичность.

Литература

Генко 1955 — А. Н. Генко. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. Москва: Изд. АН СССР, 1955.

Табулова 1976 — Н. Т. Табулова. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1976.

Храковский 1998 — В. С. Храковский. Глава 1. Уступительные конструкции: семантика, синтаксис, типология // В. С. Храковский (ред.). Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 9–91.

Храковский (ред.) 1998 — В. С. Храковский (ред.). Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998.

Чкадуа 1970 — Л. П. Чкадуа. Система времен и модальных образований в абхазо-абазинских диалектах. Тбилиси: Мецниереба, 1970.

Iatridou 2000 — S. Iatridou. The grammatical ingredients of counterfactuality // Linguistic Inquiry. 2000. Vol. 31. № 2. P. 231–270.

Thompson et. al. 2007 — S. A. Thompson, R. E. Longacre, S. J. J. Hwang. Adverbial clauses // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 255–262.

Л. А. Зайцев*, Е. В. Шерстнева[1]**

МГУ, Москва — НИУ ВШЭ, Москва***

ПРОБЛЕМА ГАРМОНИИ ГЛАСНЫХ И КОМПАРАТИВЫ В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Финской фонологии свойственна гармония гласных: в одной словоформе могут встречаться либо гласные заднего ряда *a*, *o*, *u*, либо переднего — *ä*, *ö*, *y*. Гласные *e*, *i* нейтральны для гармонии и встречаются в одной словоформе с любыми другими. Аффиксы с любыми ненейтральными гласными имеют алломорфы с *u* и *y*, с *o* и *ö* или с *a* и *ä*: *talo-ssa* ‘в здании’, но *kylä-ssä* ‘в селе’ [Suomi et al. 2008: 51].

Классическое обобщение: если в основе гласные заднего ряда, аффикс выбирает заднерядный алломорф, иначе передний [Там же] (в т. ч. после основ только с *e*, *i*: *lieme-ssä* ‘в супе’).

С учётом нарушений этого обобщения, замеченных в [Зеленский 2018: 43–45], таких как задний ряд после нейтральных основ в аффиксах *-o*, *-lloin* (*tek-o* ‘деяние’, *si-lloin* ‘тогда’) и некоторых иных и передний ряд в имперсонале от *virkkaa* ‘говорить’ (*virke-tään* ‘говорят (безл.)’), оптимизируем анализ.

Все гласные заведомо имеют значение признака ряда («архифонем» нет). Условно обозначим его [αback]. α имеет значения «+» у *a*, *o*, *u*; «–» у *ä*, *ö*, *y*; «0» у *e*, *i*. Любой гласный с α≠0 имеет «парный» гласный, получаемый однозначно изменением α на противоположное: *a* — *ä*, *o* — *ö*, *u* — *y*.

(1) Ряд первого ненейтрального гласного от начала слова принимают все остальные такие гласные между этим гласным и границей слова.

Так, аффиксы типа *-o*, *-lloin* имеют глубинно задние гласные, а большинство гармонирующих аффиксов — передние: {tek+o+stä} > /teosta/ ‘о деянии’, но {täytt+o+stä} > /täytöstä/ ‘о наполнении’.

---

[1] Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году.

Морфонологическое правило (2), переводящее *a*, *ä* в *e* перед рядом аффиксов (в т. ч. имперсонала), применяется до фонологического (1), ср. причастие наст. в.: {virkka+vä} > /virkkava/, но {virkka+ttä+vä} > {virke+ttä+vä} > /virkettävä/.

Но эта более экономная модель сингармонизма, как и классические [Suomi et al. 2008; Goldsmith 1985], не предусматривает следующего.

Другой контекст (2) — исход двусложной основы перед аффиксом компаратива: *vanha* ‘старый’ — *vanhe-mpi*. При подходе, описанном выше, для двусложных прилагательных с нейтральным гласным первого слога и *a* во втором предсказывается передняя гармония в косвенных формах компаратива, ср. *virketään*. Однако корпусные данные показывают, что немногочисленные прилагательные такой структуры с засвидетельствованным чередованием гласного второго слога (*inha* ‘злой’, *hilja* ‘тихий’, *kiva* ‘приятный’, *liila* ‘сиреневый’, *vinha* ‘быстрый’) в сравнительной степени принимают как переднюю, так и (в большинстве случаев) заднюю гармонию (см. число вхождений в Таблице 1).

Таблица 1. Формы сравнительной степени
с задней и передней гармонией
в веб-корпусах [Aranea] и [fiTenTen24]

Лексемы	Aranea		fiTenTen24	
	задн.	передн.	задн.	передн.
kivempi	3123	67	18106	335
hiljempi	706	39	4611	262
vinhempi	33	6	85	10
inhempi	2	0	19	1
liilempi	0	0	2	0

Вхождения с задней гармонией составляют в основном примеры с сохранной финской орфографией, ср.: «*...tarvittaessa* ***pyytää*** *vaihtia* ***hiljemmaksi*** *sanomalla "****hiljennä****"*» [Aranea].

Большинство анализов не предсказывает такое варьирование, поскольку основа для аффикса компаратива нейтральна. Предла-

галось предшествование правил гармонии всем остальным [Зеленский 2018: 43–45], что объясняет случаи с гласными заднего ряда компаративов (но не вариативность), но оказывается неприемлемо, поскольку предполагает {keːltä+o} > {keːltä+ö} > */kieltö/ (вместо *kielto* ‘запрет’ от *kieltää* ‘запрещать’).

Возможен анализ неожиданной задней гармонии этих компаративов через постулирование глубинно задней морфонемы {ɨ} в первом слоге их основ, поверхностно совпадающей с {i}; через регулярное $|\text{mpä}|_{\text{CMP}}$ > {mpa} при таком вокализме основы и раньше, чем (2); через расположение правила (1) позже словообразовательных сандхи и раньше, чем (2), вызываемого словоизменительными морфемами; наконец, через постулирование задней неогубленной {ɐ}, как в первом слоге *meri* ‘море’ и *veri* ‘кровь’ (*ver-ta-nsa* ‘его крови (партитив)’, но *vere-ssä-nsä* ‘в его крови’), ликвидируемой в гласной основе этих лексем специальным правилом. Вопрос выбора между этими анализами остаётся открытым и усугубляется при наблюдении за основами суперлатива от тех же корней.

Список условных обозначений

| | — исходное морфонологическое представление; { } — промежуточное или терминальное морфонологическое представление; / / — фонологическое представление; $|\text{mpä}|_{\text{CMP}}$ — суффикс компаратива, имеющий исходное морфонологическое представление |mpä|; + — морфемная граница в морфонологическом представлении.

Источники

Aranea — Araneum Finnicum Maius. Finnish Web (crawled in June to August 2014, version 1.3.00), 1,200,000,10 tokens. URL: http://ucts.uniba.sk/aranea_about/_finnicum.html.

fiTenTen24 — Finnish Web Corpus (crawled in October–December 2019, January 2020 and July-September 2024, with Finnish Wikipedia from August to September 2024), 5,428,940,906 tokens. URL: https://www.sketchengine.eu/fitenten-finnish-corpus/.

Литература

Зеленский 2018 — Д. М. Зеленский. Генеративно-фонологическое описание литературного финского языка. Выпускная квалификационная работа. М.: МГУ, 2018.

Goldsmith 1985 — J. A. Goldsmith. Vowel Harmony in Khalka Mongolian, Yaka, Finnish and Hungarian // Phonology. 1985. Vol. 2. № 1. P. 253–275.

Suomi et al. 2008 — K. Suomi, J. Toivanen, R. Ylitalo. Finnish sound structure – Phonetics, phonology, phonotactics and prosody. Oulu: Oulu University Press, 2008.

Л. А. Зайцев

МГУ, Москва

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И ТИПОЛОГИЯ ЗВУКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ОБОСНОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ: РЕФЛЕКСЫ ПРАУРАЛЬСКИХ ГЛАСНЫХ СРЕДНЕГО ПОДЪЁМА В РАННЕПРАМАРИЙСКОМ И УСЛОВИЯ ИХ РАСЩЕПЛЕНИЯ

Для прамарийского языка А. В. Савельев [Savelyev 2022] реконструирует систему гласных с пятью парами исконных фонем, противопоставленных по напряжённости/ненапряжённости (с разными рядами соответствий по диалектам) и развивающихся из пяти раннепрамарийских (исходно ненапряжённых) фонем *ɪ, *ʊ, *ʏ, *e, *ɔ соответственно под влиянием соседствующих глайдов и более специфических контекстов.

В свою очередь, раннепрамарийская система развивается из прауральской, различавшей три подъёма и явно упростившейся в сторону двух подъёмов, вероятно, под тюркским влиянием (ср. идеи [Bereczki 1994]). ПУ[1] гласные среднего подъёма расщепляются между двумя раннепрамарийскими подъёмами: для ПУ *e известны только узкие рефлексы [UL: 133], но ПУ *ę > ПМ[2] *ʏj (> собственно прамарийский *û), *ɔ, ПУ *o > ПМ *ɔ, *ʊ [Savelyev 2022]. Условиям этих двух расщеплений и посвящён данный доклад.

Для ПУ *ę Савельев [Savelyev 2022] предлагает как рефлекс по умолчанию ПМ *ʏj, а для ПУ *ę > ПМ *ɔ приводит как контекст соседство кластера согласных, содержащего губной или велярный [Savelyev 2023]. В комментарии к записи в блоге Юхо Пюстюнена Анте Айкио [Aikio 2018] указывает на фонетическую природу велярных и ретрофлексных согласных (ввиду ПУ *kęčči

[1] ПУ — прауральский.

[2] ПМ — раннепрамарийский.

‘горький’ > ПМ *kəčə) как на возможную мотивацию для ПУ *ę > ПМ *ə и приводит контрпример к формулировке Савельева: ПУ *ępti > собственно прамарийское *ûp ‘волосы’.

Ретрофлексность ПУ *č подтверждается ОУ[3] рефлексами [UL: 139, 143, 145–146] и соответствием ПУ *-č- ~ ПИЕ[4] *-r-, ср. ПУ *woča ‘ограда, загородка’ ~ ПИЕ *u̯er- ‘ограждать, защищать’ [Живлов 2021], а также развитием ПУ *nč > Венг[5] *r*, для которого Айкио [Aikio 2018: 79–83] предполагает путь *nč > *ǯ > *ž > *r*, хотя возможно и *nč [ɳ/nt͡ʂ] > *[d͡ʐ], как *mp, *nt, *ńć, *ŋk > *b*, *d*, *gy* [ɟ], *g* [Там же], с дальнейшим развитием в плавный через стадию ретрофлексного одноударного/аппроксиманта *[d͡ʐ] > *[ɽ/ɻ]. При этом последние два предположения поддерживаются индоарийской параллелью: в РВ[6] интервокальный ретрофлексный звонкий развивался в ретрофлексный латерал (РВ *īḷ-e* ‘взывать.PRS-1SG.MED’, но *ī́ḍ-yo*, без внешних сандхи *ī́ḍ-ya-s* ‘взывать-GER-NOM.SG’ [RV.1.1.1a, 2b — Bloomfield 1906: 12, 244]), в хинди [ɖ] ~ [ɽ] — синхронная аллофония: Х[7] диал. [reːɽijoː], [roːɽ] ~ станд. [reːɖijoː], [roːɖ] <= англ. *radio*, *road* [Masica 1991: 91–92].

Спектр щелевой фазы ретрофлексных согласных имеет ослабленные верхние частоты, но усиленные нижние, так что такие согласные кластеризуются как акустически низкие (“[+flat]”) по Якобсону с губными, велярными и фарингальными [Hamann 2003: 63–64].

Тогда ПУ *ę > ПМ *ə перед кластером с акустически низким согласным. Гласный получает огубленность как артикуляционный коррелят этого акустического ключа, то же свойство согласного предохраняет *ę от развития в передний *ʏj с высокой второй формантой. Причём губной согласный составляет контекст только в кластере с другим акустически низким (губным), ср. ПУ *lęmpi ‘болото’ > ПМ *ləwb(ə̂) ‘низменность’ [Savelyev 2023], ПУ *ęppi > ПМ *əb(ə̂) ‘свёкор’ [Там же, UL: 161, UEW: 14].

[3] ОУ — обско-угорский.

[4] ПИЕ — праиндоевропейский.

[5] Венг —венгерский.

[6] РВ — язык Ригведы.

[7] Х — хинди.

Похоже устроено развитие ПУ *o. Как правило, ПУ *o > ПМ *ʊ рядом с губным согласным, иначе ПМ *ɔ [Aikio 2014: 157]. Сужение ПУ *o под действием только *p- было ограничено в *i-основах: ПУ *poŋi > ПМ *pɔŋ-ъš ‘пазуха’, но *poča-j > *pʊčjʌ > ПМ *pʊjčʌ ‘олень’ [Savelyev 2023]. Отдельная группа лексем с сужением ПУ *o без губных согласных: ПУ *oksi- ‘тошнить’, *soksi ‘червь’, *oksa ‘ветвь’, *koksa ‘сухой’ и *kočka ‘орёл’, дающие собственно прамарийские *ûks-ə̑nč-, *šûks, *ûks, *kûkšə̑ [Savelyev 2022] и *kût/čkəž [Aikio 2014: 157] соответственно (*û < ПМ *ʊ), — представляет второй контекст: перед ПУ кластерами *ks и *čk, то есть ПМ *ʊ так же развивается под влиянием губных, велярного (в класстерах) и, возможно, ретрофлексного согласных — акустически низких.

Список условных сокращений

1 — 1 лицо; GER — герундив; MED — медиальный залог; NOM — номинатив; PRS — настоящее время; SG — единственное число.

Источники

UEW — K. Rédei. Uralisches etymologisches Wörterbuch 1–3. Budapest: Akadémiai Kiadó / Wiesbaden: Harrassowitz, 1986–1991.

Bloomfield 1906 — M. Bloomfield. A Vedic Concordance. Lahore: Motilal Banarsidass, 1906.

Литература

Живлов 2021 — М. А. Живлов. Генезис индоевропейской оппозиции глухих и звонких придыхательных смычных в свете данных внешнего сравнения. Доклад, представленный на Симпозиуме «Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков», посвященном 90-летнему юбилею академика РАН Владимира Антоновича Дыбо). Москва. 27–28 апреля, 2021.

Aikio 2014 — Luobbal Sámmol Sámmol Ánte (Ante Aikio). On the reconstruction of Proto-Mari vocalism // Вопросы языкового родства. 2014. № 11. С. 125–158.

Aikio 2018a — Luobbal Sámmol Sámmol Ánte (Ante Aikio). Comment for Juho Pystynen's blog post: "Proto-Uralic *ë in Mari". URL: https://protouralic.wordpress.com/2018/03/23/proto-uralic-e-in-mari/#comment-1274 [Accessed 08.05.2025]

Aikio 2018b — Luobbal Sámmol Sámmol Ánte (Ante Aikio). Notes on the Development of Some Consonant Clusters in Hungarian // S. Holopainen, J. Saarikivi (eds.). Περὶ ὀρθότητος ἐτύμων. Uusiutuva Uralilainen Etymologia. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2018. P. 77–90.

Bereczki 1994 — G. Bereczki. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I (Studia Uralo-Altaica. Vol. 35). Szeged: University of Szeged, 1994.

Hamann 2003 — S. R. Hamann. The Phonetics and Phonology of Retroflexes. Proefschrift ter verkrijging van de graad van doctor. Utrecht: Universiteit Utrecht, 2003.

Masica 1991 — C. P. Masica. The Indo-Aryan languages. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1991.

Savelyev 2022 — A. V. Savelyev. Mari historical phonology and the areal factor in linguistic reconstruction. Talk presented at the Nostratic Seminar. Moscow. November 24, 2022. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLRSLDnzwiVyKVooebtqBmMoPwwI6Z995B [Accessed 05.04.2023]

Savelyev 2023 — A. V. Savelyev. On the fate of Proto-Uralic medial consonants in Mari. Talk presented at the 18th Sergei Starostin Memorial Conference on Comparative-Historical Linguistics. Moscow. March 23, 2023. URL: https://starlingdb.org/confer/Savelyev2023.pdf [Accessed 08.05.2025]

UL — M. A. Zhivlov. Reconstruction of Proto-Uralic // D. Abondolo, R. Valijärvi (eds.). The Uralic Languages. 2nd Edition. NY, Abingdon: Routledge, 2023. P. 117–175.

А. А. Козлов

НИУ ВШЭ, Москва — ИЯз РАН, Москва

КОГДА ЧТО-ТО ИДЁТ НЕ ТАК, ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ ЯЗЫК ИСПОЛЬЗУЕТ ИНТРАКЛИТИКУ *-S´EJ-*

Этот доклад посвящён семантике и дистрибуции интраклитики *-s´ej˚-* (морфонологический вариант *-s´id´a-*) в лесном ненецком языке. Источник данных — собственная полевая работа автора в Пуровском районе ЯНАО в 2023–2025 годах.

Интраклитики в лесном ненецком языке (как и других северносамодийских языках) имеют значения, которые в европейских языках выражаются фокусными частицами, например *-xaλt˚-* ‘даже; хотя бы’ или *-λ´i-* ‘только’. Интраклитика *-s´ej˚-* также присоединяется к фокусной составляющей, но имеет при этом три разных значения.

Мы выделяем три значения этой интраклитики:

1. A1 ‘незапланированный эффект события’;
2. A2 ‘пришлось; был вынужден’;
3. B ‘противоречие ожиданиям’.

A1: незапланированный эффект события. В этом значении интраклитика выражает незапланированное (и поэтому часто неожиданное) следствие какого-то события (1). Запланированное следствие она обозначать не может (2). Её хорошим переводом в данном случае является русская частица *аж*. Подлежащее в этом значении является неагентивным или сниженно-агентивным.

(1) *pit ŋalkamăna d´atiλ-a-n, wij ʰku-**s´ej˚** matan-λa-j-ʔ*
ты громко топать-GFS-2SG собака-**EMPH** лаять-INCH-SFS-3SG
‘Ты громко топаешь, аж собака залаяла’.

(2) *măn´ purana-j xinλuλ-ŋa-t*
я буран-PX.1SG починить-GFS-1SG

*tajʔn'a /#mansata-(***s´id´a**)-ŋa*
потом завестись-**EMPH**-GFS[3SG]
'Я починил буран, и он завёлся'.

A2: 'был вынужден'. Это значение похоже на A1 тем, что оно предполагает каузацию события другим событием. В этом случае подлежащее агентивное, но ему приходится делать что-то против собственной воли.

(3) {Я к тебе заходил, но тебя не было.}
*pun´a-**s´ej**-ŋ to-ŋa-t*
обратно-**EMPH**-DAT прийти-GFS-1SG
'Пришлось обратно прийти'.

Это значение разделяет с A1 сему каузации, но не разделяет сему незапланированности. С точки зрения каузатора, это может быть вполне себе запланированным результатом:

(4) {Я — начальник. Я заметил, что работник хочет улизнуть с работы и строго ему выговорил.}
*mansλa-s´ čep´-**s´ej**-ŋa-s´*
работать-CVB начать-**EMPH**-GFS-PST
'Пришлось начать работать'.

Однако с точки зрения агенса пропозиции с *-s´ej-* этот эффект действительно незапланированный: агенс совершает действие по принуждению.

Интересно, что в этом значении частица присоединяется к пермиссивному императиву, при этом оператор, обозначаемый частицей, имеет сферу действия выше императива: 'приходится разрешить'.

(5) { — Я схожу погулять? — }
а. *tăta kaj-ʔ*
давай идти-IMP
'Иди!'
б. *tăta kaj-**s´ĕj**-ʔ*
давай идти-**EMPH**-IMP
'Ну ладно, иди' {Уместно, если говорящий в общем против прогулки.}

B: ‘противоречие ожиданиям’

Прототипический пример употребления частицы в этом значении подразумевает, что участником ситуации должен был быть некто A, а стал вместо него B.

(5) *pet′a n′i-maj tu-ʔ, wera-**s′ej** to-maj*
П. NEG-EVID[3SG] прийти-CN В.-**EMPH** прийти-EVID
‘Петя не пришёл, а пришла Вера’. {Хороший контекст для этого предложения: говорящая готовила консультацию перед экзаменом, и Петя, у которого проблемы с предметом, не пришёл, а пришла Вера, хотя она и отличница.}

(6) *mansλa-ʔ taλa, pita ŋaj kon’u-**s′ej**-ŋa*
работать-CVB надо, он/а опять спать-**EMPH**-GFS[3SG]
‘Надо работать, а он спит’. {с возмущением}

В отличие от значений A1–A2, значение B не выражает обусловленности (7):

(7) *ŋami-ta-nta klup-**s′ed’a**-n kæ-pna-nta*
что-DEST-PX.3SG клуб-**EMPH**-DAT идти-COND-PX.3SG
{Мы собираемся уезжать, надо укладывать вещи. А где же Маша? Почему её нет?}
‘— Почему-то она в клуб пошла…’

Обсуждение. Проблемой для моносемического анализа интраклитики является тот факт, что в значениях группы A есть каузация, в значении B скорее нет. В то же время нужно отметить, что во всех трёх значениях пропозиция подается как недолжное с точки зрения какой-то модальной базы:

- A1: незапланированный эффект
  модальная база — воля/намерения фокуса эмпатии,
- A2: ‘вынужден’
  модальная база — воля/намерения агенса предложения
- B: ‘противоречия ожиданиям’
  модальная база — представления о мире говорящего.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; COND — условная форма; DAT — дательный падеж; DEST — дестинатив; EMPH — эмфатическая интраклитика; EVID — эвиденциальное прошедшее время; GFS — общая финитная основа; IMP — императив; INCH — инхоатив; PL — множественное число; PST — прошедшее время; PX — посессив; SFS — специальная финитная основа; SG — единственное число.

Э. С. Кунижева

НИУ ВШЭ, Москва

СОГЛАСОВАНИЕ КОПУЛЫ В АШХАРСКОМ ДИАЛЕКТЕ АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКА

Доклад посвящён согласованию копулы в ашхарском диалекте абазинского языка. Данные были собраны в экспедиции в аул Старо-Кувинск в 2025 году.[1]

Известно, что языки различаются по тому, с чем согласуется копула в конструкциях неглагольной предикации: с субъектом или с комплементом (именной частью предиката). Так, например, считается, что в английском языке копула может согласовываться только с субъектом, в то время как в итальянском языке копула согласуется с комплементом [Hartmann, Heycock 2020].

Согласно описаниям, в тапантском диалекте абазинского языка на копуле индексируется косвенный (не-абсолютивный) участник, то есть копула согласуется[2] с комплементом [Arkadiev 2020]:

(1) *awəj a-č'ḳʷən-xʷəc h-apx'arta*
DIST SP-мальчик-маленький 1PL.PR-школа
a-px'aʕʷ-ḳ ***j-aḳʷa-b***
3N.PR-ученик-INDF **3M.IO**-COP-NPST.DCL[3]
'Этот мальчик — ученик нашей школы'. [Lander 2018]

Однако если у субъекта более проминентные свойства, чем у комплемента, копула может согласовываться с ним. Такое возможно, если субъект удовлетворяет одному из факторов: участие

---

[1] Экспедиция поддержана Фондом образовательных инициатив НИУ ВШЭ в рамках конкурса «Открываем Россию заново».

[2] Здесь и далее для удобства используется слово «согласование», хотя считается, что «индексация» — это более подходящий термин в отношении абхазо-адыгских языков [Ландер 2012].

[3] Глоссы заменены на мои для единообразия.

в речевом акте (первое или второе лицо), референт-человек, определённость, множественное число [Lander 2018]. Подобное поведение копулы можно считать одним из примеров *trigger-happy agreement* — согласования, при котором существует несколько потенциальных контроллеров, выбор между которыми зависит от определённых условий [Comrie 2003].

Развивая наблюдения [Lander 2018] для тапантского диалекта абазинского языка, я рассмотрела на материале ашхарского диалекта, как эти факторы влияют на согласование копулы и как они взаимодействуют друг с другом. Для исследования использовалась анкета со стимулами, в которых субъект и комплемент различались по лицу, одушевлённости, референтности и числу. Данные показывают, что все эти факторы также влияют на согласование копулы в ашхарском диалекте: при субъекте с более проминентными свойствами копула может (или должна) согласовываться с ним.

Иерархия в рамках отдельных признаков выстраивается достаточно прозрачно: например, если субъект — участник речевого акта, а комплемент нет, то согласование возможно только с субъектом:

(2) *hara dara g'-**h**-aḳ^{w}ə-m* / **g'-**r**-aḳ^{w}ə-m*
мы они NEG.EMP-**1PL.IO**-COP-NEG / *NEG.EMP-**3PL.IO**-COP-NEG
'Мы не они'.

Однако с систематизацией данных по согласованию и выстраиванием единой иерархии возникают трудности: судя по всему, различные факторы функционируют различным образом. Например, в предложении, в котором субъект отсылает к множественному участнику, а комплемент — к участнику в единственном числе, возможны оба варианта согласования:

(3) *awat a-haq^{w}-k^{w}a hə-z-zə-pša-wa*
DIST.PL SP-камень-PL 1PL.ABS-REL.IO-BEN-искать-IPF
a-tʒə g'-aḳ^{w}ə-m / *g'-**r**-aḳ^{w}ə-m*
SP-дом NEG.EMP-**3N.IO**+COP-NEG / NEG.EMP-**3PL.IO**-COP-NEG
'Эти камни — это не тот дом, который я ищу'.

В то же время в ситуации, когда субъект отсылает к участнику первого лица, возникает запрет на индекс третьего лица, то есть на согласование с комплементом, см. (2).

Интересно также то, как множественное число взаимодействует с другими признаками. В примерах (2) и (4), несмотря на множественный комплемент, копула может согласовываться только с субъектом: в примере (2) на это влияет первое лицо, а в (4) — референт-человек. Таким образом, эти факторы оказываются более приоритетны при выборе контроллера согласования, чем множественное число.

(4) *awəj a-phʷəspa a-χʷaqa-kʷa*
DIST SP-девушка SP-гора-PL
j-χ'-a-rə-kʷ-ĉaẑa-w *aŝa*
3PL.ABS-REL.LOC-CSL-3PL.IO-LOC-говорить-IPF SP+песня
***l**-aḳʷə-w-ṗ* / ****r**-aḳʷə-w-ṗ*
3F.IO-COP-IPF-NPST.DCL / ***3PL.IO**-COP-IPF-NPST.DCL
'Эта девушка — это горы, про которые поют песню'. (Контекст: легенда про название горного хребта по имени девушки.)

В докладе я подробнее рассмотрю взаимодействие разных признаков, влияющих на согласование, и попытаюсь сформулировать некоторые обобщающие правила, а также проведу сопоставление со схожими явлениями в других языках.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ABS — абсолютив; BEN — бенефактив; COP — копула; CSL — цислокатив; DCL — декларатив; DIST — дистальный демонстратив; F — женский род; INDF — неопределённость; IO — непрямой объект; IPF — имперфектив; LOC — локативный преверб; M — мужской род; N — средний род; NEG — отрицание; NEG.EMP — эмфатическое отрицание; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; PR — посессивность; REL — релятивизация; REL.LOC — релятивизация места; SP — специфичность.

Литература

Ландер 2012 — Ю. А. Ландер. Релятивизация в полисинтетическом языке: адыгейские относительные конструкции в типологической перспективе. Дисс. … канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2012.

Arkadiev, submitted — P. Arkadiev. Abaza: a grammatical sketch // Submitted to Yu. Koryakov, Yu. Lander, T. Maisak (eds.). The Caucasian Languages. An International Handbook. De Gruyter Mouton. Revised version of June 2020.

Comrie 2003 — B. Comrie. When agreement gets trigger-happy // Transactions of the Philological Society. 2003. Vol. 101. № 2. P. 313–337.

Hartmann, Heycock 2020— J. M. Hartmann, C. Heycock. (Morpho)syntactic Variation in Agreement: Specificational Copular Clauses Across Germanic // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 10. P. 1–28. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02994

Lander 2018 — Yu. Lander. Copula in Abaza and the typology of indexing. Talk given at the 20th International Congress of Linguists. Cape Town, South Africa. July 4, 2018.

Е. И. Лидогостер

РГГУ, Москва

КУДА ПРОПАДАЮТ ANTE И POST: ЛОКАЛИЗАЦИЯ APUD В ТЕЛЕНГИТСКОМ ЯЗЫКЕ

Для некоторых локализаций[1], таких как ANTE ‘перед’ и POST ‘за’, существенны наличие у ориентира фасадной стороны или положение наблюдателя относительно ориентира, для некоторых же других эти параметры существенными не являются: например, локализация APUD ‘около’ определяется как «локализация рядом с ориентиром / вблизи к ориентиру» [Плунгян 2002: 20].

В докладе будут представлены результаты исследования системы пространственных значений теленгитского языка (тюркские языки; горно-алтайская (центрально-восточная) группа; киргизско-кыпчакская подгруппа), в котором соотношение функций пространственных имён, отвечающих за локализации APUD ‘около’, ANTE ‘перед’ и POST ‘за’, на наш взгляд, представляют значительный интерес для типологии пространственных систем. Сбор материала проводился летом 2025 года в селе Улаган (Улаганский район республики Алтай) методом элицитации по предварительно составленной анкете.

Для теленгитского языка, как и для других тюркских языков, согласно [СИГТЯ 1988: 501], характерно наличие грамматикализованных имён с пространственно-временной семантикой. Синтаксические отношения между пространственными именами и именами, обозначающими ориентир, маркируются дважды: посессивом на пространственном имени и генитивом на ориентире. Значения ориентации II (в терминах [Мельчук 1998]) выражаются

[1] Локализацией мы называем семантические категории, входящие в понятие «локализация» в [Мельчук 1988], а также конкретно-языковые граммемы, выражающие такие значения.

соответствующими падежными граммемами на пространственных именах.

По данным [ГСАЯ 2017], рассматриваемые локализации кодируются служебными именами, представленными в Таблице 1.

Таблица 1. Служебные имена для APUD, ANTE, POST в алтайском языке

Локализация	**Служебное имя**	**Пример**	**Перевод**
APUD	*јан-ын-да*	*магазин-ыҥ јан-ын-да*	‘около магазина’
ANTE	*алд-ын-да*	*мен-иҥ алд-ын-да*	‘передо мной’
POST	*кийн-ин-де*	*тура-ныҥ кийн-ин-де*	‘за домом’

Наши данные показывают, что по крайней мере в теленгитском языке служебное имя с основой *јан-* ‘около’ локализации APUD может заменять служебные имена с основами *алд-* ‘перед’ и *кийн-* ‘за’, в том числе в контекстах, где у ориентира есть фасад (1), и в контекстах, где положение объекта и наблюдателя по разные стороны ориентира заданы однозначно (2).

(1) *Тура-ныҥ јан-ын-да* / *алд-ын-да*
дом-GEN APUD-POSS-LOC / ANTE-POSS-LOC
инек öт-те.
корова проходить-PST
‘Перед домом прошла корова’.

(2) *Ижэк-ыҥ јан-ы-наҥ* / *кийн-и-неҥ*
дверь-GEN APUD-POSS-ABL / POST-POSS-ABL
бала кара-йт.
ребёнок выглянуть-PRS
‘Из-за двери выглядывает ребёнок’.

Подобное поведение предлогов с семантикой APUD не наблюдается, например, в русском и английском языках, где примеры типа (3) будут обладать сомнительной приемлемостью в контексте

прохождения коровы вдоль фасада здания, а примеры типа (4), как кажется, и вовсе невозможны:

(3) *Корова прошла около дома.* / *A cow passed by the house.*
(4) ???*Ребёнок выглянул от двери.* / ???*A child looked out from the door.*

Сопоставление теленгитских данных с данными других языков ставит вопрос о необходимости выделения нескольких подтипов APUD — широкого, как в теленгитском, т. е. нечувствительного к фасадности, и узкого, как, например, в русском.

Список условных сокращений

ABL — аблатив; ANTE — локализация ‘перед’; APUD — локализация ‘около’; GEN — генитив; LOC – локатив; POSS — посессив; POST — локализация ‘за’; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время.

Литература

ГСАЯ — Грамматика современного алтайского языка. Морфология / И. А. Невская (отв. ред.), Н. Д. Алмадакова, А. Н. Майзина, А. А. Озонова, А. Э. Чумакаев (ред.). Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», 2017.

Мельчук 1988 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Том II: Пер. с фр. / Н. В. Перцов, Е. Н. Саввина (ред.). Москва — Вена: «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1988.

СИГТЯ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Э. Р. Тенишев (отв. ред.), Н. А. Баскаков, Н. З. Гаджиева, А. Н. Кононов, Б. А. Серебренников, А. А. Юлдашев (ред.). М.: Наука, 1988.

М. Г. Меленченко

НИУ ВШЭ, Москва

РЕЗУЛЬТАТ И РЕЗУЛЬТАТИВ В ШУГНАНСКОМ ПЕРФЕКТЕ[1]

Доклад посвящён исследованию значений, связанных с семантикой «результата», у Перфекта в шугнанском языке (‹ восточноиранские). Традиционные грамматики в качестве основного значения этой формы выделяют именно подобные значения (ср. [Карамшоев 1963: 161–162]), при этом в работе [Меленченко 2023] утверждается, что в современном шугнанском языке в г. Хорог (Таджикистан) основным у Перфекта стало значение непрямой эвиденциальности, а значение результата было утрачено. Тем не менее, некоторые современные употребления Перфекта позволяют предполагать, что в какой-то степени эти значения сохранились.

Работа с информант:ками, проведённая в 2025 году в Хороге, показала, что по крайней мере для части носитель:ниц шугнанского языка приемлемо использование Перфекта «результата» (далее ПР) в контекстах, где смена состояния субъекта имеет место и важна для дискурса (≈ отвечает на *QUD*) (1–2). Такие употребления запрещаются с обстоятельствами точного времени, а также, по-видимому, с наречием *ґал* ‘ещё’. Аналогичные примеры со сменой состояния объекта неприемлемы (могут иметь только эвиденциальное прочтение) (3). Наличие «смены состояния» зависит от глагола, и многим глаголам (например, *вирих̆тоw* ‘разбить’) подобные употребления вообще недоступны (4).

(1) % *Нāй, уз=ум* (**панч̣=анд*) ***хӯӯ̆ч̣***.
нет я=1SG пять=LOC кушать.PF
‘[Ты голодна?] — Нет, я уже **покушала** (*в пять часов)’.

---

[1] Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

(2) ОК *Уз=ум* (**бийор* / **ғал*) *касал* ***сиц***.
я=1SG вчера ещё больной стать.PF.F/PL
‘[Ты нехорошо выглядишь, что с тобой?] — Я (*вчера) **заболела** / (*ещё) **болею**’.

(3) *… *уз=ум wам* ***хӯўч***.
я=1SG D3.F.SG.O кушать.PF
‘[Где моё яблоко? — Прости,] я его **съела**’.

(4) * *Уз=ум ху чāшка* ***вирӯҳ̌ч***.
я=1SG REFL чашка разбить.PF
‘[Почему ты такая грустная?] — Я **разбила** свою чашку’.

Между носитель:ницами шугнанского языка существует большая вариативность в оценке приемлемости разных предложений с Перфектом типа (1–2). Для некоторых глаголов ПР разрешают все информант:ки (например, *ситтоw* ‘стать’ с некоторыми комплементами), для других — значительная часть (например, *хӣдоw* ‘кушать’), для других — никто или почти никто (например, *йаттоw* ‘приходить’, *вирихт̌оw* ‘разбить’). Некоторые информант:ки запрещают вообще все употребления ПР. Социолингвистические корреляты этой вариативности ещё предстоит изучить.

Любопытно, что существует тип контекстов, в которых употребления ПР всегда приемлемы с любыми глаголами — это предложения со значением ‘вот уже X, как я…’, включающие в себя подчинительный союз *ца* (5). Такие контексты также разрешают, например, употребление Презенса (‘вот уже неделя, как я работаю’).

(5) ОК *Йима йи афтā, уз=ум ху чāшка* *(*ца*) ***вирӯҳ̌ч***.
вот INDEF неделя я=1SG REFL чашка SUBD разбить.PF
‘Вот уже неделя, как я **разбила** свою чашку’.

Полученные данные всё же свидетельствует об утрате (пусть и на данном этапе частичной) значения «результата» у шугнанского Перфекта. Вместе с тем, теоретическая характеристика этого процесса оказывается затруднительной. В частности, неясно, как шугнанский Перфект встраивается в известное типологическое противопоставление результатива и перфекта, согласно которому результативы лексически ограничены (так как не все гла-

голы имеют «смену состояния»), а перфекты (в узком смысле) могут образовываться от всех глаголов [Недялков, Яхонтов 1983: 12]. В шугнанском языке Перфект «результата» в большинстве случаев лексически и дискурсивно ограничен, но совершенно не ограничен в конструкциях типа ‘вот уже X, как я…’.

Можно предположить, что особенности всех употреблений ПР в шугнанском связаны с различиями результирующих состояний разных глаголов. Для некоторых глаголов состояние настолько естественно, что формы Перфекта являются настоящими стативами (см. [Меленченко 2024] о глаголах типа *хʔêвдоw* ‘лежать, спать’), другие состояния требуют особой дискурсивной ситуации, третьи приемлемы только в контексте, который предполагает коэрсию в стативность (‘вот уже X, как я…’). В докладе я представлю эти и некоторые другие собранные данные и попытаюсь вписать их в типологию результатива и перфекта.

Список условных сокращений

1 — 1 лицо; D3 — демонстратив третьей серии (‘тот’); F — женский род; INDEF — неопределённый артикль; LOC — локатив; O — косвенный падеж; PF — Перфект; PL — множественное число; REFL — рефлексив; SG — единственное число; SUBD — подчинительный союз.

Литература

Карамшоев 1963 — Д. Карамшоев. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе: Академия наук Таджикской ССР, 1963.

Меленченко 2023 — М. Г. Меленченко. Эвиденциальный перфект в шугнанском языке // Вопросы языкознания. 2023. № 6. С. 120–137.

Меленченко 2024 — М. Меленченко. Стативный Перфект в шугнанском языке. Доклад, представленный на конференции «Малые языки в большой лингвистике». Москва, МГУ. 12–13 апреля, 2024.

Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // В. П. Недялков (отв. ред.). Типология результативных конструкций: результатив, статив, пассив, перфект. Ленинград: Наука, 1983. С. 5–40.

С. К. Михайлов

НИУ ВШЭ, Москва

ОПРЕДЕЛЁННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА ДИСКУРСИВНЫХ РЕФЕРЕНТОВ В АРТИКЛЯХ МИРА[1]

Определённые артикли в языках мира варьируются по тому, какие ограничения они накладывают на **дискурсивного референта** (дреф) именной группы (ИГ) [Schwarz 2019; Albers 2024 и мн. др.]. Для некоторых артиклей важно противопоставление по слабой/сильной известности дрефа (севернофризский, немецкие диалекты и проч.), для других по типу концепта, обозначаемого ИГ (реюньонский креольский и проч.). Бывают и более идиосинкратичные артикли [Owusu 2022; Михайлов 2023; и др.]. В типологическом исследовании Беккер [Becker 2021] выделяет четыре межъязыковых типа (МТ) определённых артиклей: определённый, сильный определённый, слабый определённый и артикль припоминания («recognitional»).

Наша цель — дополнить типологию Беккер данными двух определённых артиклей, которые пресуппонируют **салиентность** дрефа и не вписываются в четыре упомянутых МТ, а также обобщить результаты наших предшественни:ц в единых терминах на шкале (1). Помимо данных из литературы, мы опираемся на данные севернохантыйского языка (казымский диалект), полученные методом элицитации с носителями в селе Казым в 2024 г.

---

[1] В настоящей работе использованы результаты проекта «Языковое и когнитивное многообразие в формальных моделях, компьютерных инструментах и образовательных ресурсах», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году. Я благодарен Полине Наследсковой (л.с.) за ценные комментарии и за то, что она указала мне на монографию Беккер.

(1) Шкала салиентности-известности[2]
слабая известность[i] > сильная известность[ii] > салиентность[iii] > относительная максимальная салиентность[iv] > (абсолютная максимальная салиентность[v])

Слабая и сильная известность (1.[i-ii]) различаются тем, был ли дреф введён в дискурс ранее (сильная изв.) или он должен быть аккомодирован исходя из общего фона разговора (слабая изв.; [Roberts 2003]). Принято считать, что сильные («анафорические») артикли требуют сильной известности [Becker 2021; Schwarz 2009], хотя этот вопрос остаётся нерешённым [Coppock 2022] (подробнее — в докладе).

Сильная известность очерчивает более узкий круг контекстов, чем слабая известность, но более широкий, чем салиентность.

Дреф является **салиентным** (1.[iii]), если на него направлено внимание коммуникантов [Barlew 2014; Gundel et al. 1993]. Барлю показывает (2), что в языке булу (< банту; Камерун) для употребления артикля (2б) требуется именно салиентность, тогда как известности (2а) недостаточно.

(2) адаптировано из [Barlew 2014: (5)]
а. [К Абондо в автобусе подсаживается незнакомый мужчина и говорит:]
#***vjǎn*** ***tè*** *wɔ́* *fài* *də́n*
солнце TE PN1$_1$ светить сегодня
Ожид.: ‘Солнце сегодня яркое’.[3]
б. [То же, что в (2а), но мужчина сначала отдёргивает занавеску, заслонявшую солнце.]
vjǎn ***tè*** *wɔ́* *fài* *də́n*
солнце TE PN11 светить сегодня
‘Солнце сегодня яркое’.

Ещё более узкий статус дрефа требует салиентный артикль северохантыйского языка (3), который маркирует максимальную

[2] «>» обозначает, что статус дрефа слева от > очерчивает более широкий круг контекстов, чем статус справа.

[3] Перевод наш.

салиентность среди дрефов, удовлетворяющих данному предикату.[4] Обычно, **этот статус** (1.[iv]) связан с личными местоимениями [Roberts 2003], при этом другие артикли в таких контекстах неприемлемы (напр., [Arkoh, Matthewson 2013: (80); Barlew 2014: (9)]).

(3) [«Слева из комнаты вышла девочка. Ещё одна девочка$_k$ вышла справа.»]
*λ~~н~~w$_k$ / [OK]**ewe-n$_k$** *još-ən* *lipət* *tăj-əs*
он(а) / девочка-SAL рука-LOC цветок иметь-PST[3SG]
‘У неё$_k$ [досл.: у девочки] в руках были цветы’.

Нам не известен ни один определённый артикль, требующий **абсолютной максимальной салиентности** (1.[v]). Этот статус дрефа в языках мира оформляется деакцентированными или нулевыми местоимениями [Gundel et al. 1993, 2010].

Таким образом, мы предлагаем выделить два новых типа артиклей: салиентный артикль (2) и максимально салиентный артикль (3). Хотя оба типа на данный момент представлены в единственном экземпляре и тем самым не могут претендовать на статус МТ, мы считаем, что они указывают на значимость салиентности для исследований артиклей в целом. В докладе мы представим конкретные формулировки статусов на шкале салиентности-известности (1) и сравним её с референциальной шкалой Беккер [Becker 2021].

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; LOC — локатив; PN11 — местоимение 11 класса; PST — прошедшее; SAL — салиентный артикль; SG — ед. ч.; TE — артикль языка булу.

Литература

Михайлов 2023 — С. К. Михайлов. Севернохантыйская посессивность и типология детерминации // Родной язык. 2023. № 2. С. 6–51.

[4] Этот артикль подробно описан в [Mikhailov 2024]. Мы, однако, предлагаем новый анализ, основанный на полученных нами примерах, включая (3).

Albers 2024 — U. Albers. A three-way distinction in definiteness: sortal, individual, and functional concepts in Réyoné // Linguistics. 2024. Vol. 62. № 5. P. 1185–1223.

Arkoh, Matthewson 2013 — R. Arkoh, L. Matthewson. A familiar definite article in Akan // Lingua. 2013. Vol. 123. P. 1–30.

Barlew 2014 — J. Barlew. Salience, uniqueness, and the definite determiner *-te* in Bulu // T. Snider, S. D'Antonio, M. Weigand (eds.). Proceedings of the 24th Semantics and Linguistic Theory Conference. New York: New York University, May 30 – June 1, 2014. P. 619–639.

Becker 2021 — L. Becker. Articles in the world's languages. Berlin: De Gruyter, 2021.

Coppock 2022 — E. Coppock. On definite descriptions: can familiarity and uniqueness be distinguished? // D. Altshuler (ed.). Linguistics meets philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. P. 109–136.

Gundel et al. 2010 — J. K. Gundel, M. Bassene, B. Gordon, L. Humnick, A. Khalfaoui. Testing predictions of the Givenness Hierarchy framework: a crosslinguistic investigation // Journal of pragmatics. 2010. Vol. 42. № 7. P. 1770–1785.

Gundel et al. 1993 — J. K. Gundel, N. Hedberg, R. Zacharski. Cognitive status and the form of referring expressions in discourse // Language. 1993. Vol. 69. № 2. P. 274–307.

Mikhailov 2024 — S. Mikhailov. Semantics of the Northern Khanty Salient Article: definiteness, salience, and obviation // Voprosy jazykoznanija. 2024. № 1. P. 7–38.

Owusu 2022 — A. P. Owusu. Cross-categorial definiteness/familiarity. PhD dissertation. New Brunswick: Rutgers University, 2022.

Roberts 2003 — C. Roberts. Uniqueness in definite noun phrases // Linguistics and philosophy. 2003. Vol. 26. № 3. P. 287–350.

Schwarz 2009 — F. Schwarz. Two types of definites in natural language. PhD dissertation. Amherst: University of Massachusetts, 2009.

Schwarz 2019 — F. Schwarz. Weak vs. strong definite articles: meaning and form across languages // A. Aguilar-Guevara, J. Pozas Loyo, V. Vázquez-Rojas Maldonado (eds.). Definiteness across language. Berlin: Language Science Press, 2019. P. 1–37.

А. Г. Монастырская

независимый исследователь, Санкт-Петербург

ХАБИТУАЛИС В ПРОШЕДШЕМ В ХРИСТИАНСКОМ УРМИЙСКОМ

Данное исследование посвящено типам маркирования хабитуалиса в прошедшем времени в христианском урмийском, относящемся к группе северо-восточных новоарамейских идиомов. Материалы были получены в ходе полевой работы в селе Урмия (Краснодарский край, Россия) и в селе Верин Двин (Арташатский район, Армения) в 2024–2025 гг. путём элицитации, а также с использованием полевого корпуса.

Согласно [Khan 2016], в христианском урмийском представлена сложная система средств выражения хабитуальной семантики в прошедшем времени. Наиболее часто для обозначения хабитуальной ситуации используется бывшая прогрессивная конструкция, грамматикализовавшаяся в стандартный имперфектив (PROG), — такие примеры регулярно встречаются в полевом корпусе, а также порождаются в качестве первой реакции на хабитуальные стимулы (как презентные, так и претеритальные, в соответствующей форме):

(1) *yəmm-i* ***bašul=əva*** *basima* *+zad*
мать(F)-P.1SG готовить.PROG=3.RETR приятный.M суп(M)
‘Мама (постоянно) готовила вкусный суп’.

Однако в христианском урмийском имеется также префикс *ci-*, функционирующий как специализированный показатель хабитуалиса в прошедшем:

(2) *yəmm-i* ***ci-bašl-a-va***
мать(F)-P.1SG HAB-готовить.PRS-SS.3F-RETR
basima *+zad*
приятный.M суп(M)
‘Мама (постоянно) готовила вкусный суп’.

Наконец, ещё одним средством выражения хабитуалиса в прошедшем является претеритальная форма Ирреалиса:

(3) *yəmm-i* ***bašl-a-va*** *basima* *+zad*
мать(F)-P.1SG готовить.PRS-SS.3F-RETR приятный.M суп(M)
‘Мама (постоянно) готовила вкусный суп’.

Целью настоящего исследования было определить особенности дистрибуции этих трёх форм в хабитуальных контекстах. Мы постарались проанализировать, какой набор значений покрывает каждая из форм, а также рассмотреть их ограничения на сочетаемость с различными аспектуальными операторами.

Более подробно взглянуть на сложившуюся систему позволяют диахрония и диалектные данные: известно, что на более ранних этапах развития идиома префикс *ci-* имел гораздо более широкий набор функций, выполняя роль основного имперфективного (и индикативного) показателя. Однако из-за функционального расширения Прогрессива префиксальный имперфектив существенно сузил свою семантику и превратился в специализированный показатель хабитуалиса (ср. [Khan 2007: 94–95]), сохранив тем не менее остаточные функции имперфектива — среди них способность описывать длительные однократные события (как стативные, так и динамические), а также возможность сочетаться с предикатами индивидного уровня [Kratzer 1995], описывающими неотъемлемые свойства участника, что обычно невозможно для хабитуальных показателей.

При этом в христианском урмийском, а также в других северо-восточных новоарамейских идиомах имперфективный префикс не достигает конечной стадии грамматикализации [Khan 2007: 94], вследствие чего ему скорее должен быть присвоен статус квазиграммемы, поскольку он не обладает свойством обязательности.

Можно предполагать, что процессы формирования хабитуальных функций у Ирреалиса и у префикса *ci-* тесно связаны, так как первая форма выступает в роли опционального аналога второй. Об этом также свидетельствует то, что они имеют практически идентичную, сильно ограниченную дистрибуцию, ориентированную на контексты с хабитуальным состоянием, на данный момент уже утратившим актуальность. Наконец, Прогрессив, при-

обретая статус обязательного «индикативного» маркера, заполняет ряд лакун, в том числе хабитуалис (как в прошедшем, так и в настоящем). Помимо этого, на него не действуют ограничения, свойственные префиксальной форме и ирреалису, благодаря чему Прогрессив способен покрывать гораздо более широкий спектр значений. Стоит отметить и нарративные особенности, а именно то, что префиксальная форма и Ирреалис обычно исполняют роль «нарративного хабитуалиса», то есть используются для описания последовательности ситуаций, в которой отсутствует «кульминационный момент», в то время как Прогрессив чаще используется для указания хабитуального состояния, служащего «фоном» для основных динамических событий нарратива.

В докладе мы рассмотрим разнообразные типы хабитуальных контекстов и их оформление Прогрессивом, Ирреалисом и хабитуальным префиксом, что позволит выявить некоторые тенденции в распределении этих форм.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; DEM — указательные местоимения; F — женский род; HAB — хабитуалис; LS — L-суффиксы; M — мужской род; OBL — показатель косвенного падежа; P — притяжательность; PL — множественное число; PROG — прогрессив; PRS — основа настоящего времени; REL — релятор; RETR — маркер ретроспективного сдвига; SG — единственное число; SS — S-суффиксы.

Литература

Khan 2007 — G. Khan. Indicative markers in North Eastern Neo-Aramaic // M. Moriggi (ed.). XII Incontro Italiano di Linguistica Camito-semitica (Afroasiatica). Atti, Soveria Mannelli: Rubbettino, 2007. P. 85–97.

Khan 2016 — G. Khan. The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi. (Studies in Semitic Languages and Linguistics 86). Leiden, Boston: Brill, 2016.

Kratzer 1995 — A. Kratzer. Stage level and individual level predicates // G. N. Carlson, F. J. Pelletier (eds.). The generic book. Chicago: The University of Chicago Press, 1995. P. 125–175.

*Д. Д. Мордашова**,**, П. О. Россяйкин**

МГУ, Москва — ИЯз РАН, Москва***

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ В КОНТЕКСТАХ X-МАРКИРОВАНИЯ[1]

В [von Fintel, Iatridou 2023] делается обобщение о единообразном маркировании (называемом X-маркированием) двух наборов контекстов:

(1) а. глагола в аподосисе контрфактивных условных конструкций, см. (3)
б. модальных показателей «слабой необходимости» (‘следует’), см. (4)
в. контрфактического оптатива (‘я бы хотел’), см. (5)

(2) а. глагола в протасисе контрфактивных условных конструкций, см. (3)
б. вложенного (лексического) глагола в контексте (1б)
в. вложенного (лексического) глагола в контексте (1в)

В этих контекстах характерно появление показателя прошедшего времени, называемого «ложным» (*fake past*), часто в комбинации с другими показателями (например, субъюнктивом типа *бы* или имперфективом) [Iatridou 2000; von Fintel, Iatridou 2023]. При этом в ряде уральских и тюркских языков наблюдается особый паттерн, при котором для X-маркирования используется показатель, имеющий полноценный функционал в зоне «прекращённого прошлого» (прогрессив/хабитуалис в прошедшем (6), плюсквамперфект, антирезультатив; см. [Plungian, van der Auwera 2006]), и только он, что показано в (3)–(6) на примере удмуртского языка (данные авторов).

[1] Исследование поддержано грантом РНФ № 22-18-00285-П.

Аналогичный удмуртскому паттерн обнаруживается, например, в мокшанском, татарском, балкарском и (частично) горномарийском языках (см. [Толдова, Холодилова (отв. ред.) 2018; Закиев и др. 1993; Kasenov 2022; Кашкин и др. (ред.) 2023]).

УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР) (3–6)

(3) *Zal'ina iževsk-is' už šed't-e ke*
Залина Ижевск-EL работа находить-PRS.3SG если
val, otč'ə̂ kȯč'e ***val****.*
быть.PST туда переезжать-PRS.3SG быть.PST
‘Если бы Залина нашла работу в Ижевске, переехала бы туда’. [Подгорная 2024]

(4) *S'i-ono* ***val*** *in'i!*
есть-DEB быть.PST уже
‘Хорошо бы подкрепиться!’

(5) *Tolon gorod-e mə̂nə̂-sal* ***val****,*
вчера город-ILL идти-COND быть.PST
no mon ȯj vu̇tis'kə̂.
но я NEG.PST.1 успеть
‘Вчера съездить бы в город, но я не успел’.

(6) *Mon bertə̂-kə̂ anaj*
я возвращаться-CVB.SIM мать
šə̂d pȯžt-e ***val****.*
суп варить-PRS.3SG быть.PST
‘Когда я вернулся, мама варила суп’. [Подгорная 2021]

Типологическую самобытность этого паттерна можно увидеть на примере деривации слабой необходимости из сильной (DEB, ‘должен’) (4), (7) в сравнении с языками европейского ареала, где требуется дополнительное модальное маркирование (8), или при добавлении PST возникает другой семантический эффект (9).

(7) БАЛКАРСКИЙ
Alim qol-lar-ɨ-n zua-rʁa kerek e-di.
Алим рука-PL-3-ACC мыть-INF должен AUX-**PST**
‘Алиму следует мыть руки’. [Kasenov 2022]

(8) ГРЕЧЕСКИЙ
Tha eprepe na plinis ta piata […]
FUT должен.**PST** NA мыть DEF тарелки
‘Тебе следует мыть тарелки’. [von Fintel, Iatridou 2008]

(9) ПОРТУГАЛЬСКИЙ
Você tinha que tomar um xarope.
ты должен.**PST** принять INDEF сироп
‘Ты должен принять сироп [эффект PST: но я ожидаю, что ты не примешь]’. [Ferreira 2023]

Также следует отметить, что в удмуртском языке показатель прошедшего времени может выражать значение хабитуалиса в прошедшем времени при сочетании с глаголом в форме будущего времени (10), которая сама по себе не может обозначать хабитуалис. Хотя этот контекст не рассматривается в [von Fintel, Iatridou 2023] как контекст X-маркирования, его можно отнести к таковым, учитывая типологическую частотность совмещения значений хабитуального действия в прошлом и контрфактива [Плунгян 2004; Урманчиева 2004].

(10) УДМУРТСКИЙ (ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР)
Oz'ə̂ šə̂d-o-m ***val*** *mi, krugom šə̂də̂-sa.*
так играть-FUT-1PL быть.PST мы кругом играть-CVB
‘Так развлекались мы, водя хоровод’.

В докладе мы подробнее рассмотрим типологию морфологического выражения X-маркирования и варианты анализа семантического вклада показателя прошедшего времени в системах типа удмуртской.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; AUX — вспомогательный глагол; COND — кондиционалис; CVB.SIM — деепричастие одновременности; DEB — дебитив; DEF — определённость; EL — элатив; FUT — будущее время; ILL — иллатив; INDEF —неопределённость; INF — инфинитив; NEG — отрицание; PL —множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Закиев и др. 1993 — Татарская грамматика: В 3 т. Т. 2: Морфология / М. З. Закиев, Ф. А. Ганиев, К. З. Зиннатуллина (ред.). Казань: Татар. кн. изд-во, 1993.

Кашкин и др. (ред.) 2023 — Элементы горномарийского языка в типологическом освещении / Е. В. Кашкин (отв. ред.), М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова (ред.). М.: «Буки Веди», 2023.

Плунгян 2004 — В. А. Плунгян. О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // Ю. А. Ландер В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 273–291.

Подгорная 2021 — А. Д. Подгорная. Аналитические прошедшие времена в татышлинском говоре удмуртского. Экспедиционный отчет. М., 2021.

Подгорная 2024 — А. Д. Подгорная. Глагольные формы в условных предложениях в татышлинском удмуртском. Доклад, представленный на конференции «Малые языки в большой лингвистике 2024», МГУ, Москва. 12–13 апреля 2024 г.

Толдова, Холодилова (отв. ред.) 2018 — С. Ю. Толдова (отв. ред.), М. А. Холодилова (отв. ред.), С. Г. Татевосов, Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцева, И. А. Стенин (ред.). Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М.: «Буки Веди», 2018.

Урманчиева 2004 — А. Ю. Урманчиева. Седьмое доказательство реальности ирреалиса // Ю. А. Ландер В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 28–74.

Ferreira 2023 — M. Ferreira. A square of necessities: X-marking weak and strong necessity modals // Semantics and Pragmatics. 2023. Vol. 16. Art. 8.

Iatridou 2000 — S. Iatridou. The grammatical ingredients of counterfactuality // Linguistic Inquiry. 2000. Vol. 31. № 2. P. 231–270.

Kasenov 2022 — D. Kasenov. Balkar X-marking: a change in progress. Talk presented at the Tu+7: Seventh Workshop on Turkic and Languages in Contact with Turkic, Storrs, CT, United States, February 18, 2022.

Plungian, van der Auwera 2006 — V. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // Sprachtypologie und Universalienforschung — Language typology and universals. 2006. Vol. 59. № 4. P. 317–349.

von Fintel, Iatridou 2008 — K.von Fintel, S. Iatridou. How to say ought in Foreign: The composition of weak necessity modals // J. Guéron, J. Lecarme (eds.). Time and modality (Studies in Natural Language and Linguistic Theory 75). Berlin: Springer, 2008. P. 115–141.

von Fintel, Iatridou 2023 — K.von Fintel, S. Iatridou. Prolegomena to a theory of X-marking // Linguistics and Philosophy. 2023. Vol. 46. № 6. P. 1467–1510.

Д. Д. Мордашова

ИЯз РАН, Москва — МГУ, Москва

ПОЛИСЕМИЯ ФАЗОВОЙ ЧАСТИЦЫ *EJ* ‘ЕЩЁ’ В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА[1]

Доклад посвящён семантике частицы *ej* (*aj*) ‘ещё’ в татышлинском говоре удмуртского языка (< пермские < уральские). В [Baidoullina 2003: 113] она упоминается в ряду частиц, выражающих «просьбу, обращение, предупреждение, призыв», т. е. влияющих на степень категоричности высказывания. В [ГСУЯ 1962: 349–350] частица *-ай* помещается в категорию «модально-волевых» частиц, которые «придают [глаголам] оттенок смягченного приказания, совета, просьбы, нерешительности, ласковой настойчивости или оттенок утверждения», т. е. для неё отмечается функция, близкая к функции русской частицы *-ка*.

Наши полевые данные (собраны методом анкетирования в Татышлинском районе респ. Башкортостан в 2024–2025 гг.) показывают, что сфера употребления этой частицы в татышлинском говоре шире, чем утверждается в грамматиках. В частности, базовым её употреблением является фазовое ‘ещё’ (1), аналогом которого в литературном удмуртском выступает частица *na*.

(1) *Anaj iz'-e* ***ej/aj/na***.
мама спать-PRS.3SG ещё
‘Мама ещё спит’.

Известно, что дистрибуция подобных единиц в языках мира не ограничивается темпоральными контекстами: в [Persohn 2024] набор таких «вне-временных» контекстов исчисляется на мате-

[1] Исследование поддержано грантом Российского научного фонда № 22-18-00285-П «Скалярность в грамматике и словаре: семантико-типологическое исследование» (рук. С. Г. Татевосов).

риале 76 языков, а в [Beck 2020] на примере англ. *still* и нем. *noch* предлагается обобщённое представление семантики таких единиц как скалярных, т. е. вводящих шкалу, на которой упорядочены определённые элементы. В темпоральном прочтении упорядочиванию подвергаются моменты времени (для (1) это моменты t_0 ‘мама спит’ и t_1 ‘мама не спит’); возможна и модификация других типов шкал (см. далее об удмуртских данных). По [Beck 2020], межъязыковое варьирование в употреблениях единиц типа ‘ещё’ может определяться доступными для них типами шкал (временная, пространственная, степенная и др.) и их сферой действия (возможностью оформлять глагольную группу или целую клаузу; темпоральные/локативные адъюнкты).

Мы последовательно рассмотрим семантические и морфосинтаксические свойства частицы *ej* в соответствии с подходом [Beck 2020], дополняя описание релевантными контекстами по [Persohn 2024]. В частности, мы покажем, что для *ej* доступны темпоральная (1), пространственная (2) и степенная (3) шкалы.

(2) *Novoufimsk baškiri-jə̂n* ***ej***.
Новоуфимск Башкирия-LOC ещё
‘Новоуфимск всё ещё в Башкирии’{а следующий город будет в Челябинской области.}

(3) *Kilogram-ez kün' s'ü vit'-ton*
килограмм-ACC три сто пять-DEC
mon'et-en sil' duntem ***ej*** *so.*
монета-INS мясо дешёвый ещё тот
‘350 рублей за килограмм мяса — это ещё дёшево’.

В дискурсивной зоне (где происходит упорядочивание единиц дискурса) функционал частицы *ej* ограничен. Так, она не имеет аддитивных употреблений, которые предполагают, что в дополнение к имеющемуся фокусному элементу существует альтернатива, для которой высказывание с данным фокусным элементом также будет истинно. В этой функции в татышлинском говоре используются частицы *na* или заимствованная из русского *eššo* (4а), а высказывание с *ej* получает темпоральную интерпретацию (4б).

(4) а. ***Eššo*** *kȯn'a* *ke* *aǯ'ami* *lə̂kt-i-z* / *kȯn'a*
ещё сколько если человек приходить-PST-3SG сколько
ke *aǯ'ami* *lə̂kt-i-z* ***na***.
если человек приходить-PST-3SG ещё
'Пришло ещё несколько человек {в дополнение к уже пришедшим.}'

б. *#Kȯn'a* *ke* *aǯ'ami* *lə̂kt-i-z* ***ej***.
сколько если человек приходить-PST-3SG ещё
'Пришло пока только несколько человек {ждём ещё людей}'.
*'Пришло ещё несколько человек {в дополнение к уже пришедшим.}'

Мы также рассмотрим употребления *ej* в контекстах, не покрываемых [Beck 2020]: с формами императивно-оптативной серии и в вопросительных клаузах. Согласно [Persohn 2024: 291, 297], для маркеров типа 'ещё' это типологически редкое сочетание, однако в удмуртском *ej* является базовым способом смягчения просьбы:

(5) *Vu-lə̂* *mə̂n-Ø* ***ej***.
вода-DAT идти-IMP ещё
'Сходи-ка за водой'.

Наконец, мы обсудим распределение функций между частицами *ej* и *na* в татышлинском говоре и предложим для *ej* семантический инвариант, учитывающий её скалярные свойства.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; DAT — датив; DEC — обозначение десятка при числительном; IMP — императив; INS — инструменталис; LOC — локатив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: фонетика и морфология / Отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962.

Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Magistritöö. Tartu: Tartu Ülikool, 2003.

Beck 2020 — S. Beck. Readings of scalar particles: noch / still // Linguistics and Philosophy. 2020. Vol. 43. № 1. P. 1–67.

Persohn 2024 — B. Persohn. The polyfunctionality of ‘still’ expressions: A cross-linguistic exploration (Research on Comparative Grammar 4). Berlin: Language Science Press, 2024.

М. А. Наумова

независимый исследователь, Москва

О РАСПРЕДЕЛЕНИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПАДЕЖЕЙ В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

В докладе рассматривается конкуренция направительных (иллатив, элатив) и локативных (локатив) падежей в татышлинском говоре удмуртского языка с опорой на анализ пермских локативных падежей, представленный в [Усачёва 2011: 166].

Материал собран в 2024–2025 гг. в экспедициях в Татышлинский район Республики Башкортостан в сёла Нижнебалтачево, Старокальмиярово и деревни Старый Кызыл-Яр и Верхнебалтачево методом анкетирования, а также путём анализа корпуса экспедиционных текстов [КТУ]. Обсуждаемые примеры получены методом элицитации, если не указано иное.

Особенностью финно-пермских [Козлов 2017] и, шире, финно-угорских [Huumo 2010] языков, является «лативный сдвиг» — использование направительных падежей, изначально маркирующих ситуацию движения в конечный пункт или из исходного пункта, в локативных контекстах (определяющих стативное местонахождение):

(1) *Vas'a us'tet-ze park-e / ʔpark-ân âšt-i-z.*
Вася ключ-ACC.POSS.3SG парк-ILL парк-LOC потерять-PST-3SG
‘Вася потерял ключи в парке’.

Анализ пространственных падежей в [Усачёва 2011: 166–171] позволяет интерпретировать использование направительных падежей в локативных контекстах для большого числа глаголов «лативного сдвига», сочетающихся с направительными и местными падежами в финно-угорских языках (*aʔǯ'ânâ* ‘видеть’, *kâlânâ* ‘слышать’, *vatânâ* ‘прятать’, *bas'tânâ* ‘взять, купить’, *dugdânâ* ‘остановиться’ *merttânâ* ‘сажать’ и др.). Так, для использования инес-

сива (локатива) требуется, чтобы локализация участника ситуации совпадала с участником Место на протяжении всей ситуации:

(2) *Nəlpi-jos kn'iga-jez klass-e / klass-ân vat-i-zâ.*
ребёнок-PL книга-ACC класс-ILL класс-LOC прятать-PST-3SG
‘Дети спрятали книгу в классе’.

(3) *Nəlpi-jos kn'iga-jez škaf-e / *škaf-ân vat-i-zâ.*
ребёнок-PL книга-ACC шкаф-ILL шкаф-LOC прятать-PST-3SG
‘Дети спрятали книгу в шкафу’.

Иллатив маркирует случаи, когда в начале ситуации локализации участника и Места не совпадают, а в конце — совпадают, а элатив, когда в начале ситуации локализация участника и Места не совпадают, а в конце — совпадают:

(4) *Vas'a ufa-je / ʔufa-is' kvartira bas't-i-z.*
Вася Уфа-ILL Уфа-EL квартира взять-PST-3SG
‘В Уфе Вася купил квартиру’.

(5) *Vas'a ufa-is' / *ufa-je kn'iga bas't-i-z.*
Вася Уфа-EL Уфа-ILL книга взять-PST-3SG
‘В Уфе Вася купил книгу’.

Для некоторых глаголов оппозиция иная: направительные падежи маркируют положение участника ситуации в её конце, а локатив определяет положение объекта внутри Места:

(6) *Vas'a-jen pet'a-jos mən-o n'ulesk-əti vas'a*
Вася-INS Петя-PL идти-PRS.3PL лес-PROL Вася
pet'a-lə̂ šȯdə̂tek šor-is' šu̇-i-z:
Петя-DAT неожиданно середина-EL сказать-PST-3SG
mi ǯ'ə̂rom-i-m n'ulesk-ə̂ / ʔn'ulesk-ə̂n.
мы заблудиться-PST-1PL лес-ILL лес-LOC
‘Вася и Петя идут по лесу и вдруг Вася говорит Пете: «Мы заблудились в лесу»’.

(7) *ǯ'ə̂rom-em n'ulesk-ə̂n veʔlə̂-sa.*
заблудиться-PST2 лес-LOC ходить-CVB
‘(Вот однажды к ним пришла девочка.) Заблудилась в лесу’. [КТУ]

Таким образом, выбор направительных или локативного падежа при описании пространственных отношений в татышлинском удмуртском зависит как от начальной/конечной локализации участников, так и от фактора, ранее не применявшегося для анализа удмуртского материала — функции падежа. При этом иллатив и элатив выражают фактическое местоположение участника ситуации, а локатив уточняет положение участников ситуации внутри участника Место. В докладе будет подробнее представлено влияние двух факторов на выбор падежа при основных глаголах «лативного сдвига» в татышлинском удмуртском, а также рассмотрены типологические параллели.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; CVB — конверб; DAT — датив; EL — элатив; ILL — иллатив; INS — инструменталис; LOC — локатив; PL — множественное число; POSS — поссесив; PROL — пролатив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PST2 — второе прошедшее время; SG — единственное число.

Источники

КТУ — Корпус татышлинского удмуртского. URL: https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/

Литература

Козлов 2017 — Л. С. Козлов. Директивно-локативная конкуренция в финно-пермских языках // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред). Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2017». Москва: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 177–191.

Усачёва 2011 — М. Н. Усачёва. Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках. Дисс. … канд. филол. наук. Москва: МГУ, 2011.

Huumo 2010 — T. Huumo. Is perception a directional relationship? On directionality and its motivation in Finnish expressions of sensory perception // Linguistics. 2010. Vol. 48. № 1. P. 49–97.

А. В. Овчинникова

НИУ ВШЭ, Москва

К ТИПОЛОГИИ ГЛАГОЛЬНОЙ КОЛЕКСИФИКАЦИИ В ОБЛАСТИ КАУЗИРОВАННОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ[1]

Традиционно в литературе, посвящённой лексической полисемии, обсуждают два основных механизма семантических сдвигов — метафору и метонимию. Если метафора подробно исследовалась в применении к разным лексическим классам, то метонимия изучалась в основном на материале существительных, см. классический пример FRUIT–TREE [Radden, Kövecses 1999], [Апресян 1974] и др. При обсуждении метонимии на глагольном материале [Падучева 2004; Кустова 2004] различают два класса переходов: обусловленных смежностью участников (перепрофилирование аргументов) и смежностью разных фаз ситуации. Второй класс обычно сводится к результативной метонимии, ср. тж. *end-point metonymy* [Brugman 1988; Brugman, Lakoff 1988]. Однако, как показывают недавние лексико-типологические работы [Рахилина, Рыжова 2025], инвентарь фазовой смежности не исчерпывается переносом с процесса на результат. Глаголы, описывающие самые разные этапы одной ситуации, могут распространяться на обозначение ситуации в целом, так что одно и то же событие может кодироваться средствами разных лексических полей.

В данной работе мы представим подобное разнообразие кодирования, выявленное в типологической перспективе для одного типа ситуаций каузированного перемещения: (1) ‘субъект$_S$ берёт из временной локации$_L$ объект$_O$, который принадлежит ему’, эта ситуация включает следующие фазы:

[1] Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году.

— экспозиция: O находится в L
— S перемещается в L
— O переходит к S (и перемещается с S из L)
— результат: O у S и в его распоряжении; O больше не в L

Русский язык может выделять перемещение до L (ср. *сходить за*), переход O к S (*забрать заказ из пункта выдачи* / *получить в пункте выдачи*). Заметим, что из определения (1) следует важное ограничение на тип объекта — он референтен (ср. *сходить за хлебом* [нереф.] / **забрать хлеб* [нереф.] и *сходить за заказом* [реф.] / *забрать заказ* [реф.]).

Для выявления различий между языками была составлена анкета, включающая различные типы ситуаций забирания, кроме того, были проанализированы данные корпусов и словарей. Материалом служат шугнанский, нидерландский, испанский, французский, польский, русский, карачаево-балкарский и ряд других языков.

По данным нашей выборки, для описания рассматриваемой ситуации языки чаще всего задействуют глагол с семантикой перемещения объекта из Source в руку субъекта (‘брать’), т. е. в фокусе оказывается конкретный способ перехода O к S, который распространяется на более сложное событие, ср. (2–3) в шугнанском:

(2) *as stol=ti ručka* ***zêx̌tow***
EL стол=SUP ручка брать.INF
‘взять ручку со стола’ [элицитация]

(3) *Uz xu ziryot-en=um az maktab* ***zox̌-t***.
PRN.1SG REFL ребёнок-PL=1SG EL школа брать-PST
‘Я забрал детей из школы’. [элицитация]

Далее, языки, выражающие (1) с помощью ‘брать’-глаголов, делятся на две группы. В шугнанском представлена сильная колексификация ‘брать’ и ‘забирать’ (о сильной и слабой колексификации см. [François 2008]), тогда как в языках с развитой префиксацией за соответствующую семантику могут отвечать приставочные дериваты от глагола со значением ‘брать’: ср. польск. *ode**brać** kurtkę z pralni* ‘за**брать** куртку из химчистки’, исп. *re**coger*** (< *coger* ‘брать’). При этом сфера покрытия глаголами ‘брать’ и их дериватами ситуаций вида (1) и других типов каузированного сопровождаемого перемещения — тоже предмет ти-

пологического варьирования, ср. русск. *забрать книгу в поход* (при исп. **recoger*) и др.

Наряду с ‘брать’ рассматриваемая ситуация может выражаться глаголами типа нид. *ophalen* ‘забрать’ (< *halen* ‘~принести, пойти взять/получить’), обозначающими всю ситуацию целиком:

(4) *de kind-eren van school* ***ophalen***
DEF ребёнок-PL из школа забирать
‘забрать детей из школы’ [элицитация]

Наконец, языки могут привлекать и другие лексические средства, ср. фр. глагол *récupérer* со значением ‘восстановить, вернуть’, а также различные конструкции с глаголами движения (ср. фр. *passer prendre*).

Наши данные показывают, что каузированное перемещение — неустойчивая семантическая зона, склонная задействовать лексемы смежных полей, и причиной такой межполевой смежности служит сложная фазовая структура ситуации.

Список условных сокращений

1SG — лично-числовая клитика первого лица единственного числа; DEF — определенный артикль; EL — элатив; INF — инфинитив; PL — множественное число; PRN.1SG — личное местоимение первого лица единственного числа; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; SUP — суперэссив.

Литература

Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.

Кустова 2004 — Г. И. Кустова. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры. 2004.

Рахилина, Рыжова 2025 — Е. В. Рахилина, Д. А. Рыжова. О принципах глагольной колексификации // Вопросы языкознания. 2025. № 2. С. 7–25.

Резникова и др. 2020 — Т. И. Резникова, Е. В. Рахилина, Д. А. Рыжова. Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2020. Т. XVI. № 1. С. 9–63.

Brugman 1988 — C. M. Brugman. The story of ‘over’: Polysemy, semantics and the structure of the lexicon. New York: Garland, 1988.

Brugman, Lakoff 1988 — C. M. Brugman, G. Lakoff. Cognitive topology and lexical networks // G. W. Cottrel, S. Small, M. K. Tannenhouse (eds.). Lexical ambiguity resolution: perspectives from psycholinguistics, neuropsychology and artificial intelligence. San Mateo (CA): M. Kaufman, 1988. P. 477−508.

François 2008 — A. François. Semantic maps and the typology of colexification: intertwining polysemous networks across languages // M. Vanhove (ed.). From Polysemy to Semantic Change. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 163−215.

Radden, Kövecses 1999 — G. Radden, Z. Kövecses. Towards a theory of metonymy // K.-U. Panther, G. Radden (eds.). Metonymy in language and thought. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 17−59.

И. О. Ольхов

НИУ ВШЭ, Москва

НЕПОСЕССИВНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОСЕССИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ЛЕСНОМ НЕНЕЦКОМ

В литературе широко представлены описания употреблений посессивных показателей в непосессивных функциях в уральских языках (в числе обзорных статей можно отметить [Nikolaeva 2003]). Хотя контексты таких употреблений описаны подробно для некоторых языков (например, [Budzisch 2017] для селькупского, [Михайлов 2023, 2025] для севернохантыйского), для других такие описания отсутствуют.

Настоящее исследование посвящено системе *беспосессивов* (термин введён С. К. Михайловым в [Михайлов 2023]) в лесном ненецком языке (самодийская ветвь уральской семьи). Данные были получены путём элицитации в экспедиции, прошедшей летом 2025 года в городе Тарко-Сале.

Основные встречающиеся функции беспосессивов обычно описываются с опорой на литературу, посвящённую определённым артиклям [Hawkins 1991, 1978; Enç 1991], вследствие сходства с функциями последних. Для нашей работы также релевантны *ассоциативная функция*, обозначающая ассоциативную связь между маркированной сущностью и некоторым другим участником ситуации, и *этическая*, обращающая внимание собеседника на маркированную сущность.

Ассоциативная функция часто встречается в контекстах пространственной близости и при императивах, при этом обязательна уникальность референта (пример основан на аналогичном хантыйском из [Михайлов 2023]):

(1) ***kiča-λ*** *ta-ʔ*
чашка-P.2SG дать-IMP
‘[Ко мне в гости пришёл друг. На столе стоит чашка (*несколько чашек). Я говорю ему:] Дай мне чашку’.

Также ассоциативный посессив встречается в функции *анафоры*; в этой же функции употребляется *этический посессив* (2-го лица), как отмечают носители — обычно при долгом рассказе:

(2) *škaf ḿu-t ŋop pajnkopa mantæ.*
шкаф внутри-ABL один бутылка упасть
čki ***pajnkopa-xa-j*** / ***pajŋkopa-xa-nt*** /
этот бутылка-DAT-P.1SG бутылка-DAT-P.2SG
pajŋkopa-xa-ntaʔ *ẃit kamta-ŋa-t*
бутылка-DAT-P.2PL вода налить-GFS-1SG
‘Из шкафа выпала бутылка. Я налил в бутылку воду’.

В контекстах *партитивной специфичности* — когда маркированная беспосессивом сущность является частью некоторого ранее упомянутого множества — употребляется беспосессив множественного числа соответствующего лица. Также возможно употребление этического посессива, но не ассоциативного, он вызывает собственно посессивную интерпретацию (3).

(3) *ńaŋa-j wed'aʰku-ʔ to-ŋa-ʔ xelaʰku*
к-P.1SG собака-PL прийти-GFS-3PL белый
piλičena d'iluʔmi. ***xelaʰko-toŋ*** / ***xelaʰku***
чёрный серый белый-P.3PL белый
wed'aʰko-λ / ***#wed'aʰko-j*** *ńaŋa-j mataλa*
собака-P.2SG собака-P.1SG к-P.1SG лаять
‘Ко мне подошли белая, чёрная и серая собаки. Белая на меня залаяла’.

Последняя беспосессивная функция, встречающаяся в лесном ненецком — *глобальная уникальность*, при которой маркируются уникальные объекты природы. С такими референтами используется *собственно глобально-уникальный беспосессив* P.3SG, а также этические беспосессивы (4).

(4) *čuki d'aλ'a-xana* ***xiλa-ta*** / ***xiλa-taʔ*** / ***xiλa-λ***
этот день-LOC снег-P.3SG снег-P.1PL снег-P.2SG
kaʔma-j
пойти-SFS
‘Сегодня выпал снег’.

Примечательно, что употребление P.3SG в данной функции недопустимо в косвенных падежах (5).

(5) *num-kat* / ***num-kta-naʔ*** / ****num-kta-ta***
небо-ABL небо-ABL-P.1PL небо-ABL-P.3SG
xaλ'u-ŋ *tes* *kaʔma-j*
дождь-GEN капля упасть-SFS
‘С неба упала капля’.

Обобщая приведённые данные, мы систематизируем беспосессивы лесного ненецкого в Таблице 1:

Таблица 1. Типы и функции беспосессивов в лесном ненецком

тип беспосессива по посессору	**Ассоциативный посессив** посессор — связанный ассоциативной связью участник ситуации	**Этический посессив** посессор —множество собеседников включая или исключая говорящего	**Собственно глобально-уникальный беспосессив** посессор — вселенная, природа	**Партитивно-специфичный беспосессив** посессор — ранее упомянутое множество + **Этический**
функция	Ассоциативная	Анафора	Глобальная уникальность	Партитивная специфичность

Отдельные свойства рассмотренных маркеров имеют параллели в данных других самодийских языков. В докладе мы подробнее остановимся на этих моментах, а также опишем некоторые другие свойства каждого типа беспосессивов.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; DAT — датив; GEN — генитив; GFS, SFS — финитные основы; IMP — императив; LOC — локатив; P — посессив; PL — множественное число; SG — единственное число.

Литература

Михайлов 2023 — С. К. Михайлов. Севернохантыйская посессивность и типология детерминации // Родной язык. 2023. № 2. С. 6–51.

Budzsich 2017 — J. Budzisch. On the non-possessive use of possessive suffixes in Central and Southern Selkup // Ural-Altaic Studies. 2017. Vol. 25. № 2. P. 59–67.

Enç 1991 — M. Enç. The semantics of specificity // Linguistic inquiry. 1991. Vol. 22. P. 1–25.

Hawkins 1978 — J. Hawkins. Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction. London: Croom Helm, 1978.

Hawkins 1991 — J. Hawkins. On (in)definite articles: implicatures and (un)grammaticality prediction // Journal of linguistics. 1991. Vol. 27. № 2. P. 405–442.

Mikhailov 2025 — S. Mikhailov. Possession and determinacy in Northern Khanty. PhD dissertation. Moscow: National research university Higher School of Economics, 2025.

Nikolaeva 2003 — I. Nikolaeva. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // P. Suihkonen, B. Comrie (eds.). International symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia. Leipzig; Izhevsk: Max Planck Institute of Evolutionary Anthropology; Udmurt State University, 2003. P. 130–145.

А. В. Панова

НИУ ВШЭ, Москва

В ПОИСКАХ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ СО ВЛОЖЕННОЙ ВЕРШИНОЙ В АШХАРСКОМ ДИАЛЕКТЕ АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКА[1]

В докладе мы представим результаты нашего исследования относительных конструкций со вложенной вершиной в ашхарском диалекте абазинского языка. Данные были собраны в ходе экспедиций 2024–2025 гг. в аул Старо-Кувинск Карачаево-Черкесской Республики методом элицитации.

В ашхарском диалекте вершина относительной конструкции может находиться в четырёх возможных позициях: на левой периферии относительной клаузы (1); между элементами относительной клаузы и нефинитным предикатом (далее — внутренняя вершина) (2); после нефинитного предиката (далее — постпредикатная позиция) (3); в финитной клаузе (4).

(1) ***a-ʕʷ-qa-ĉa*** *a-q̇ala* *j-bzaχa-kʷa-w*
SP-два-мужчина-H.PL SP-город REL.ABS-жить-PL-IPF
əwẑa *jə-nχa-w-ṭ*
сейчас 3PL.ABS-работать-IPF-DCL
‘Двое мужчин, которые живут в городе, сейчас работают’.

(2) *a-škol* ***aʒ̂ə*** *jə-nχa-w-z*
SP-школа кто.то REL.ABS-работать-IPF-PST.NFIN
arəj *a-kartina* *jə-ʕʷə-jṭ*
PROX SP-картина 3M.ERG-писать-DCL
‘Кто-то, кто работает в школе, нарисовал картину’.

---

[1] Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Экспедиция поддержана Фондом образовательных инициатив НИУ ВШЭ в рамках конкурса «Открываем Россию заново».

(3) *a-hʷəпар jə-zə-m-ḳa* ***a-cgʷə***
SP-мышь 3N.ABS-REL.ERG-NEG-ловить.IPF SP-кошка
jə-ĉa-w-ṭ
3N.ABS-спать-IPF-DCL
‘Кошка, которая не ловит мышей, спит’.

(4) *jaχ’ṭa* ***ruslan*** *də-g’-m-a-j-ṭ*
сегодня P.N. 3H.ABS-NEG.EMP-NEG-CSL-приходить-DCL
jacə jə-z-ba-z
вчера 3M.ABS-REL.ERG-видеть-PST.NFIN
‘Руслан, которого я видел вчера, сегодня не пришёл’.

В типологических исследованиях часто противопоставляют относительные конструкции с **внешней** и **вложенной** вершиной (см., например, [Dryer 2013]). Например, в кечуа внешняя и вложенная вершины относительных конструкций находятся в разных позициях (внутри главной и внутри зависимой клаузы) и получают разное падежное маркирование (в соответствии с ролью вершины в главной и в зависимой клаузе) [Cole 1987: 277, цит. по Basilico 1996: 499].

Если линейный порядок вершины в постпредикатной позиции скорее свидетельствует о её внешнем статусе, позиция внутренней вершины и вершины на левой периферии делает их кандидатами на вложенную вершину. Одной из целей нашего исследования было выяснить, являются ли вершина на левой периферии и внутренняя вершина вложенными относительно маркирования инструментальным падежом. Похожий тест проводился на материале тапантского абазинского и выявил вложенный статус внутренней вершины и вершины на левой периферии и внешний статус вершины в постпредикатной позиции [Arkadiev, submitted: 88]. Судя по нашим данным, этот вывод справедлив и для ашхарского абазинского. Кроме того, мы представим дополнительные данные, подтверждающие анализ вершины на левой периферии и внутренней вершины как вложенной и вершины в постпредикатной позиции — как внешней.

Другой кандидат на относительную конструкцию со вложенной вершиной — максимализирующая относительная конструк-

ция [Grosu, Landman 1998]. Вершина такой конструкции маркируется показателем адвербиалиса:

(5) ***aχč'a-nə*** *j-w-ma-w*
деньги-ADV REL.ABS-2SG.IO-иметь-IPF
j-a-sə-t
3N.ABS-CSL-1SG.IO-давать(IMP)
'Дай мне все деньги, что у тебя есть'.

В грамматических описаниях абазинского языка конструкциям с адвербиальной вершиной уделено мало внимания; так, почти ничего не известно про её синтаксические и сочетаемостные свойства. Одной из целей нашего исследования было собрать эту информацию. Судя по нашим данным, семантические, морфологические и синтаксические свойства относительной конструкции с адвербиальной вершиной выделяют её в отдельный класс относительных конструкций.

Возможная линейная позиция адвербиальной вершины говорит о её вложенном статусе. В отличие от рассмотренной ранее немаркированной вершины, адвербиальная вершина предпочитает позицию внутри относительной клаузы, не может следовать за нефинитным предикатом и не может находиться в финитной клаузе.

Кроме того, в отличие от немаркированной вершины, адвербиальная вершина практически не сочетается с показателями артикля, множественного числа, числительного, посессивности, сочинения, инструменталиса и с бенефактивным послелогом *zəh^{w}a*. Вложенная вершина ограниченно принимает зависимые — демонстративы и прилагательные.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABS — абсолютив; ADD — аддитив; ADV — адвербиалис; CSL — цислокатив; DCL — декларатив; ERG — эргатив; H — человек; IMP — императив; IO — непрямой объект; IPF — имперфектив; NEG — отрицание; NEG.EMP — эмфатическое отрицание; PL — множественное число; PROX — проксимальный демонстратив; PST.NFIN — прошедшее нефинитное; REL — релятивизация; SP — специфичность.

Литература

Arkadiev, submitted — P. Arkadiev. Abaza. A grammatical sketch // Submitted to Yu. Koryakov, Yu. Lander, T. Maisak (eds.). The Caucasian Languages. An International Handbook. De Gruyter Mouton. Revised version of June 2020.

Basilico 1996 — D. Basilico. Head Position and Internally Headed Relative Clauses // Language. 1996. Vol. 72. № 3. P. 498–532.

Cole 1987 — P. Cole. The structure of internally headed relative clauses // Natural Language and Linguistic Theory. 1987. Vol. 5. P. 277–302.

Dryer 2013 — M. Dryer. Order of Relative Clause and Noun // M. Dryer, M. Haspelmath (eds.) WALS Online (v2020.3) [Data set]. URL: http://wals.info/chapter/90 (дата обращения 07.09.2025).

Grosu, Landman 1998 — A. Grosu, F. Landman. Strange relatives of the third kind // Natural Language Semantics. 1998. Vol. 6. № 2. P. 125–170.

Г. С. Паттерсон

НИУ ВШЭ, Москва

ЯКУТСКИЙ ПРОПРИЕТИВ С НОМИНАЛИЗАЦИЯМИ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ[1]

Настоящий доклад посвящён функционированию якутского проприетива *-лаах* с номинализациями прошедшего времени. Данные были собраны в 2024 и 2025 гг. в селе Хатырык Намского улуса методом элицитации.

Якутский проприетив. Якутский суффикс проприетива *-лаах* присоединяется к именным группам и, среди прочего, может использоваться для оформления предикативной посессивности [Ebata 2011].

(1) *Мин дьиэ-лээх-пин.*
я дом-PROP-C.1SG
‘У меня есть дом’.

Суффикс *-лаах* не только задействован в именной морфологии, но и участвует в кодировании значений ТАМ. Например, с номинализацией будущего времени, он выражает модальность необходимости разных окрасов.

(2) *Кэл-иэх-тээх-пин.*
прийти-FUT-PROP-C.1SG
‘Я должен прийти’.

Для отрицания проприетива в его именных функциях используется абессив -(*Т*)*А* вместе с экзистенциальным отрицанием *суох*.

---

[1] Текст подготовлен к печати в рамках исследования № 25-00-069 «Якутский глагол в типологической перспективе» в рамках Программы Научного фонда Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

(3) *Кини дьиэ-тэ суох.*
он/а дом-ABE NEG
‘У неё нет дома’.

Номинализации. В якутском распространены нефинитные формы, внешне совпадающие с основами некоторых финитных форм и широко использующиеся в полипредикации. Эти формы я далее буду называть номинализациями (см. аргументы за такую позицию в [Ebata 2013]). Помимо этих продуктивных регулярных образований в якутском есть менее регулярное отглагольное имя на *-ЫЫ*.

В этом докладе я рассмотрю употребление *-лаах* с
– отглагольным именем на *-ЫЫ;*
– номинализацией прошедшего времени на *-быт*;
– и с конструкциями с лёгкими глаголами:
  – *-а сылдь-ыбыт-* [-CVB.SIM ходить-PST-]
  – *ан тур-ар-* [-CVB стоять-PRS].

В докладе будет показано, что последние две конструкции также выступают в виде номинализованных клауз.

Конструкции с лёгкими глаголами. Важны для моего доклада конструкции с лёгкими глаголами *-Ан турар* и *-А сылдьыбыта*. Первая конструкция интерпретируется как результатив, если это не вступает в противоречие с обстоятельствами времени (4) или с прагматикой (5), и как экзистенциальное прошедшее (*existential past* [Grønn 2003]) в ином случае.

(4) *Ол муоста {биирдэ, ∅} суулл-ан тур-ар.*
тот мост однажды обвалиться-CVB стоять-PRS
‘Тот мост {однажды ломался, сломан}’.

(5) ?*Мин өл-өн тур-а-бын.*
я умереть-CVB стоять-PRS-C.1SG
‘Я однажды умирал’.

Вторая конструкция может интерпретироваться как хабитуалис в прошедшем или экзистенциально.

(6) *Мин спорд-унан дьарыктан-а сылдь-ыбыт-ым.*
я спорт-INS заниматься-CVB.SIM ходить-PST-PX.1SG
‘Я (раньше / как-то раз) занимался спортом’.

Семантические противопоставления между этими формами сохраняются в полипредикации (7–8), но утрачиваются при присоединении проприетива: в последнем случае оба лёгких глагола выражают только экзистенциальное значение.

(7) *Мин ол муоста суулл-ан*
я тот мост обвалиться
тур-ар-ын бил-э-бин.
стоять-PRS-PX.3.ACC знать-PRS-C.1SG
‘Я знаю, что тот мост сломан’.

(8) *Мин кини урут дьарыктан-а*
я он/а раньше заниматься-CVB.SIM
сылдь-ыбыт-ын бил-э-бин.
ходить-PST-PX.3.ACC знать-PRS-C.1SG
‘Я знаю, что он раньше занимался (спортом)’.

Формы на *-лаах*. В Таблице 1 приведены различные свойства упомянутых аналитических конструкций и форм на *-лаах*.

Среди форм с проприетивом резко выделяется образование от имени на *-ЫЫ*, кодирующее обратимое результативное состояние. Остальные формы синонимичны, интерпретируются как утверждение о том, что событие некоторого вида имело место хотя бы раз. Только для конструкции *-БЫтмАА*х- для некоторых относителей возможно морфологически параллельное отрицание (в значении ‘никогда не’) (9).

(9) %*Хойутаа-быт-а суох*!
опаздывать-PST-ABE NEG
‘Он ни разу не опаздывал!’

Посессивный перфект. В грамматикализации рассматриваемых форм задействована посессивная конструкция, что позволяет отнести их к классу посессивных перфектов, про которые принято считать, что они редко встречаются вне Европы [Drinka 2015, 2017]. По крайней мере в отношении формы на *-ыылаах*, обнаруживается ареальное схождение с бурятским, которое будет подробнее раскрыто в докладе [Дугарова, Яхонтова 1983].

Таблица 1. Доступные интерпретации
и сочетаемость рассматриваемых конструкций

<table>
<tr><th></th><th>интер-
претация
хабитуалис в
прошедшем</th><th>результа-
тивная
интер-
претация</th><th>экзистен-
циальная
интер-
претация</th><th>совместимо с
неотменённым
результатом</th><th>совместимо
с событием,
которое не может
повториться</th><th>высокое
отрицание
‘никогда не’</th><th>низкое
отрицание
‘однажды не’</th></tr>
<tr><td>-Ан турар</td><td>–</td><td>+</td><td>+-</td><td>+</td><td>+</td><td>-</td><td rowspan="3">на конвербе</td></tr>
<tr><td>-А сылдьыбыта</td><td>+</td><td rowspan="4">–</td><td rowspan="4">+</td><td rowspan="4">–</td><td rowspan="5">–</td><td>-А сылдьыбатаҕа</td></tr>
<tr><td>-Ан турардаах</td><td rowspan="3">–</td><td rowspan="2">–</td></tr>
<tr><td>-А сылдьыбыттаах</td></tr>
<tr><td>-БЫттААх</td><td>%(-А) -БЫтА суох</td><td>-БАтАхтААх</td></tr>
<tr><td>-ЫЫлААх</td><td>–</td><td>+</td><td>-</td><td>+</td><td colspan="2">-ЫЫтА суох</td></tr>
</table>

Список условных сокращений

1 — 1 лицо; ABE — абессив; ACC — аккузатив; C — копула/согласование «копулятивной» серии; CVB — конверб предшествования; CVB.SIM — конверб одновременности; DAT — датив; FUT — будущее время; INS — инструменталис; NEG — отрицание; PL — множественное число; PROP — проприетив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PX — посессивный показатель или согласование «посессивной» серии; SG — единственное число.

Литература

Дугарова, Яхонтова 1983 — Г. С. Дугарова, Н. С. Яхонтова. Результатив в монгольском языке // В. П. Недялков (отв. ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 90–95.

Drinka 2015 — B. Drinka. Perfecting the Notion of Sprachbund // M. Cennamo, C. Fabrizio, R. Parlato (eds.). Historical Linguistics 2015: Selected papers from the 22nd International Conference on Historical Linguistics, Naples, 27–31 July 2015. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2019. P. 319–342.

Drinka 2017 — B. Drinka. Language Contact in Europe: The Periphrastic Perfect through History. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Ebata 2011 — F. Ebata. Sakha (Yakut) // Y. Yamakoshi (ed.). Grammatical Sketches from the Field. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa and Tokyo University of Foreign Studies, 2011. P. 179–211.

Ebata 2013 — F. Ebata. Valency retention in Sakha derivational nominalization // Asian and African Languages and Linguistics. 2013. Vol. 7. P. 53–66.

Grønn 2003 — A. Grønn. The Semantics and Pragmatics of the Russian Factual Imperfective. PhD dissertation. Oslo: University of Oslo, 2003.

А. Д. Подгорная

ИЯз РАН, Москва

КОНСТРУКЦИИ РЕЗУЛЬТАТИВНО-ПАССИВНОЙ ЗОНЫ В ИРОНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Работа посвящена аналитическим конструкциям с причастием прошедшего времени на *-т/д* и вспомогательными глаголами *уæвын* ‘быть’, *æрцæуын* ‘прийти’, *цæуын* ‘идти’ и *фæуæвын* ‘закончить(ся)’ в иронском диалекте осетинского языка (иранская группа индоевропейской семьи). Материал был собран в городе Владикавказ в 2023 г. в ходе работы с носителями языка.

Указанные конструкции упоминаются в грамматиках как пассивные [Абаев 1959: 59; Ахвледиани (ред.) 1963: 264, 267; Багаев 1965: 341] и частично описаны в [Выдрин 2011; Татевосов 2019]. Мы покажем, что, хотя сферы употребления конструкций пересекаются, они покрывают различные участки результативно-пассивной зоны (1). Разнообразие конструкций представляет интерес и с точки зрения лингвистической типологии.

(1) а. *Хæдзар* ***амад*** ***у***.
дом строить.PTCP.PST быть.PRS.3SG
‘Дом построен’.

б. *Хæдзар* ***амад*** ***æр-цыд***.
дом строить.PTCP.PST PV-идти.PST.3SG
‘Дом был построен’.

в. *Хæдзар* ***амад*** ***цыд***.
дом строить.PTCP.PST идти.PST.3SG
‘Дом строился’.

г. *Хæдзар* ***амад*** ***фæц-и***.
дом строить.PTCP.PST PV-EXST
‘Дом достроили’.

Конструкция с *уæвын* (1а) является результативной — выражает состояние как результат предшествующего события [Недял-

ков, Яхонтов 1983: 7] (2), однако сочетаемость с наречиями срока и времени события (3) может свидетельствовать о совмещении с пассивом [Там же: 32]. Конструкции с глаголами движения имеют пассивную семантику: приставочный *æрцæуын* образует перфективный пассив (1б), а бесприставочный *цæуын* — имперфективный (1в).

(2) *Фараст сахат у, фæлæ дукани*
девять час быть.PRS.3SG но магазин
ныр=ма ***æхгæд*** ***у*** /
сейчас=ещё закрывать.PTCP.PST быть.PRS.3SG
**æр-цыд* / **цыд* / **фæц-и.*
PV-идти.PST.3SG идти.PST.3SG PV-EXST
‘Уже девять часов, а магазин всё ещё закрыт’.

(3) *А-цы хæдзар дыууæ мæй-мæ 2017 аз-ы*
этот-MOD дом два месяц-ALL год-IN
амад ***æр-цыд*** /
строить.PTCP.PST PV-идти.PST.3SG
у / ***фæц-и*** / **цыд.*
быть.PRS.3SG PV-EXST идти.PST.3SG
‘Этот дом построили за два месяца в 2017 году’.

Образованная с помощью глагола *фæуæвын* конструкция (1г) может быть охарактеризована как комплетивный пассив, см. интерпретацию в (4). Подобные пассивы не отмечаются в других иранских языках или языках кавказского ареала.

(4) *Чиныг ног у æмæ* ***каст***
книга новый быть.PRS.3SG и читать.PTCP.PST
нæ-у / ***не='р-цыд*** /
NEG-быть.PRS.3SG NEG=PV-идти.PST.3SG
#***нæ фæц-и***.
NEG PV-EXST
‘Книга новая и ещё не прочитана’.
#‘Книга ещё не дочитана, то есть её начали читать’.

Сочетаемость конструкций ограничена предельными глаголами, притом комплетивный пассив образуется только от класса

слабых предельных процессов, так как требует наличия выраженной процессной фазы. При переходных глаголах в позиции подлежащего выражается пациентивный участник, агенс редко может быть выражен группой с *къухæй* ‘рукой’, *амалæй* ‘посредством’ и др. Для конструкции с *уæвын* также доступно генитивное маркирование агенса:

(5) *А-цы бандон мæ фыд-ы фыд-ы*
этот-MOD лавка мой отец-GEN отец-GEN
конд у / **æр-цыд* / **фæц-и.*
делать.PTCP.PST быть.PRS.3SG PV-идти.PST.3SG PV-EXST
‘Эта лавка сделана моим дедушкой’.

Образование конструкций от непереходных глаголов признаётся неестественным, однако засвидетельствовано для конструкции с *уæвын* (для меньшего количества носителей также с *æрцæуын*) при наличии единственного пациентивного участника, например для глагола *хауын* ‘падать’ (6), ср. [Татевосов 2019].

(6) *Бæлас* ***хауд у*** /
дерево падать.PTCP.PST быть.PRS.3SG
?æр-цыд / **фæц-и.*
PV-идти.PST.3SG PV-EXST
‘Дерево упало {и лежит на дороге}’.

Примечательно, что глагол движения *цæуын* ‘идти’ в осетинском стал использоваться как вспомогательный при пассиве, не имея при этом, в отличие от его когнатов в других иранских языках и соответствующих глаголов в других языках, значения ‘становиться’ (7), см. [Giacalone Ramat, Sansò 2014]. В докладе свойства конструкций будут рассмотрены подробнее.

(7) *Дон* ***хъарм-гонд*** / *??****хъарм æр-цыд****.*
вода тёплый-делать.PTCP.PST тёплый PV-идти.PST.3SG
‘Вода подогрета / ??стала тёплой’.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ALL — аллатив; EXST — экзистенциальная связка; GEN — генитив; IN — инессив; MOD — модификатор; NEG — отрицание;

PTCP.PST — причастие прошедшего времени; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PV — преверб; SG — единственное число.

Литература

Абаев 1959 — В. И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959.

Ахвледиани (ред.) 1963 — Г. С. Ахвледиани (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при совете министров Северо-Осетинской АССР, 1963.

Багаев 1965 — Н. К. Багаев. Современный осетинский язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965.

Выдрин 2011 — А. П. Выдрин. Пассивные и модально-пассивные конструкции в осетинском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. 2011. Т. VII. № 3. С. 39–46.

Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // В. П. Недялков (отв. ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 5–40.

Татевосов 2019 — С. Г. Татевосов. Аспекты славянского стиля // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 47–81.

Giacalone Ramat, Sansò 2014 — A. Giacalone Ramat, A. Sansò. Venire (‘come’) as a passive auxiliary in Italian // M. Devos, J. van der Wal (eds.). COME and GO off the beaten grammaticalization path. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. P. 21–44.

Н. Г. Романова

СПбГУ, Санкт-Петербург

ТРИГГЕРЫ ДИАХРОНИЧЕСКОГО ИЗМЕНЕНИЯ МАРКИРОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ АРГУМЕНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РЯДА ЯЗЫКОВ ЕВРОПЫ)

Маркирование глагольных аргументов диахронически нестабильно [Сай 2018: 597]. Например, русский глагол *поразиться* в XVIII в. употреблялся только с творительным падежом (*поразиться мастерством*), сегодня употребляется почти исключительно с дательным (*поразиться мастерству*), а в XIX–XX вв. были возможны оба варианта маркирования [Ovsjannikova, Say 2020]. Активное изучение подобных изменений набора конструкций аргументной структуры, сочетающихся с предикатом в определённом значении и с определёнными аргументами, началось только в последние десятилетия [Troberg 2013: 5], и, насколько нам известно, на данный момент не существует обобщающих работ, которые бы рассматривали феномен изменений маркирования с опорой на данные различных языков.

В докладе предлагается предварительная систематизация возможных причин изменений маркирования, опирающаяся на выборку описаний таких изменений в ряде языков Европы и на некоторые работы в рамках узуально ориентированной грамматики конструкций. Мы сосредоточились на «локальных» изменениях, происходящих вне контекста утраты морфологических падежей, а также не связанных с установлением дифференцированного маркирования аргументов или с изменением диатезы. При сборе материала предпочтение отдавалось источникам, фокусирующимся на интересующих нас изменениях, в первую очередь наиболее поздним и полным. В итоге были сопоставлены примеры из приблизительно сорока работ, в которых рассматриваются изменения, затронувшие от одного до нескольких десятков глаголов

или групп глаголов в истории английского, исландского, немецкого, русского, хорватского, французского, литовского, финского и баскского языков.

Изменения в наборе доступных предикату и аргументам конструкций аргументной структуры, то есть появление нового варианта маркирования или утрата существующего, могут рассматриваться как результат «конкуренции» различных вариантов за употребление в речи и за «выживание» в долгосрочной перспективе (см. [De Smet et al. 2018]). В [Zehentner 2019: 301] среди факторов, влияющих на успех варианта, называются когнитивно-физиологические (экспрессивность, экономия), социальные и внутрисистемные. Мы кратко обсуждаем возможную роль первых двух типов в изменениях маркирования и фокусируемся на последнем.

Отталкиваясь от предложенного Х. Дисселем списка факторов, влияющих на способность конструкции к инновативному употреблению в синхронии [Diessel 2019: 140–141], мы разделяем представленные в выборке изменения на три группы. Во-первых, некоторые изменения маркирования связаны со сдвигами в семантике предиката, влияющими на степень его семантической близости к другим предикатам, способным выступать моделями для «семантической аналогии» [De Smet 2013: 65]. Во-вторых, триггерами изменений маркирования у предиката могут становиться изменения в составе коллокатов конструкции, влияющие на её семантику и, по мнению ряда исследователей, на её «когнитивную закреплённость» (*entrenchment*, см. [Bybee 1995: 430]). В-третьих, к изменениям маркирования может приводить изменение парадигматических связей конструкции: с копированием дистрибуции похожей конструкции («парадигматической аналогией») связывают как сокращение, так и расширение круга коллокатов [Zehentner 2019; De Smet 2013]. Примеры изменений каждого типа приводятся в докладе.

Мы отдельно рассматриваем возможную роль языковых контактов. Заимствованные глаголы, получающие конструкцию по аналогии с синонимичными исконными предикатами, предположительно способствуют устранению малопродуктивных конструкций [Barðdal 2008: 156–158]; если заимствование глагола сопровождается калькированием конструкции, он, возможно, спо-

собен выступать моделью для семантической аналогии [Trips, Stein 2019], а его постепенная интеграция в систему маркирования сама представляет собой изменение маркирования [Коноплина 1984: 178–180]. Кроме того, возможно «копирование валентности» без лексического заимствования [Grossman, Witzlack-Makarevich 2019]; в докладе обсуждаются возможные классификации таких случаев.

Литература

Коноплина 1984 — Е. Д. Коноплина. Эволюция синтаксических связей в русском языке XVIII века (конструкции с приглагольным родительным падежом существительного). Дисс. … канд. филол. наук. Л.: Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР, 1984.

Сай 2018 — С. С. Сай. Маркирование актантов двухместных предикатов: предварительные итоги типологического исследования // Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках / Отв. ред. С.С. Сай. СПб: ИЛИ РАН, 2018. С. 5–46.

Barðdal 2008 — J. Barðdal. Productivity: Evidence from Case and Argument Structure in Icelandic. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008.

Bybee 1995 — J. Bybee. Regular morphology and the lexicon // Language and Cognitive Processes. 1995. Vol. 10. № 5. P. 425–455.

De Smet et al. 2018 — H. De Smet, F. D'Hoedt, L. Fonteyn, K. V. Goethem. The changing functions of competing forms: Attraction and differentiation // Cognitive Linguistics. 2018. Vol. 29. № 2. P. 197–234.

De Smet 2013 — H. De Smet. Spreading Patterns: Diffusional Change in the English System of Complementation. New York: Oxford University Press, 2013.

Diessel 2019 — H. Diessel. The Grammar Network: How Linguistic Structure Is Shaped by Language Use. New York: Cambridge University Press, 2019.

Grossman, Witzlack-Makarevich 2019 — E. Grossman, A. Witzlack-Makarevich. Valency and Transitivity in Contact: An Overview // Journal of Language Contact. 2019. Vol. 12. № 1. P. 1–26.

Ovsjannikova, Say 2020 — M. Ovsjannikova, S. Say. The Instrumental Case in the Diachrony of Russian Reflexive Verbs of Emotion: From Cause to Content // Scando-Slavica. 2020. Vol. 66. № 1. P. 118–143.

Trips, Stein 2019 — C. Trips, A. Stein. Contact-Induced Changes in the Argument Structure of Middle English Verbs on the Model of Old French // Journal of Language Contact. 2019. Vol. 12. № 1. P. 232–267.

Troberg 2013 — M. Troberg. Change of Object Expression in the History of French: Verbs of Helping and Hindering. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013.

Zehentner 2019 — E. Zehentner. Competition in Language Change: The Rise of the English Dative Alternation. Berlin/Boston: De Gruyter, 2019.

А. М. Руднева

МГУ, Москва

ВКЛАД АДДИТИВНОСТИ В СЕМАНТИКУ НЕОПРЕДЕЛЁННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ

В докладе мы проанализируем влияние аддитивной частицы *по* на интерпретацию неопределённых местоимений в татышлинском удмуртском, преимущественно рассматривая серию с маркером *ollo*, также употребляющимся в качестве эпистемического адвербиала. Материал собран в ходе полевой работы в Татышлинском районе Республики Башкортостан в 2025 г. Употребление *ollo* WH (*по*) описывалось и для литературного удмуртского [Зубова 2021], и для татышлинского [Khomchenkova 2023], однако в нашем докладе будут представлены новые данные и предложен анализ семантики.

Серия на *ollo* имеет скалярное и экзистенциальное значения. Первое значение доступно во всех контекстах, а второе — только при модальности возможности (1) и операторах нисходящего следования ((2); далее DE). Модифицированная аддитивной частицей серия *ollo* WH *по* в любом контексте квантифицирует универсально, а при модальности возможности (1) и DE-операторах (2) также интерпретируется экзистенциально.

(1) а. *tə̂nə̂d ǯ'ara ollo kə̂še / pȯra-m-ez bas'tə̂-nə̂*
ты.DAT можно INDEF какой печь-PTCP.PST-ACC взять-INF

б. *tə̂nə̂d ǯ'ara ollo kə̂še по*
ты.DAT можно INDEF какой ADD
pȯra-m-ez bas'tə̂-nə̂
печь-PTCP.PST-ACC взять-INF
‘Ты можешь взять любой пирог’ (а, б).
#‘Ты можешь взять какой-то странный пирог’ (а, *б).
#‘Ты можешь взять много разных пирогов’ (*а, б).

(2) а. *vič'-les'* *ȯžət-ez* *nəlpi* *ollo*
пять-GEN2 мало-POSS.3SG ребёнок INDEF
kəše *zadač'a-jez* *uža-ø-z*
какой задача-ACC работать-PST-3SG
б. *vič'-les'* *ȯžət-ez* *nəlpi* *ollo*
пять-GEN2 мало-POSS.3SG ребёнок INDEF
kəše *no* *zadač'a-jez* *uža-ø-z*
какой ADD задача-ACC работать-PST-3SG
Доступно: ‘Меньше пяти детей решили какую-либо задачу’ (а, б).

(3) а. *tolon* *vas'a* *ollo* *kəše* *kn'iga-jez* *ləd'ʒ'-i-z*
вчера Вася INDEF какой книга-ACC читать-PST-3SG
б. *tolon* *vas'a* *ollo* *kəše* *no* *kn'iga-jez* *ləd'ʒ'-i-z*
вчера Вася INDEF какой ADD книга-ACC читать-PST-3SG
в. *tolon* *vas'a* *kəše* *ke* *kn'iga-jez* *ləd'ʒ'-i-z*
вчера Вася какой INDEF книга-ACC читать-PST-3SG
‘Вчера Вася прочитал странную книгу’ (а, *б, *в).
‘Какие только книги Вася вчера не прочитал’(*а, б, *в).
‘Вчера Вася прочитал какую-то книгу’ (*а, *б, в).

(4) а. *vas'a-lə* *ollo* *kəše* *kn'iga-jez* *ləd'ʒ'ə-nə* *kule*
Вася-DAT INDEF какой книга-ACC читать-INF надо
б. *vas'a-lə* *ollo* *kəše* *no* *kn'iga-jez* *ləd'ʒ'ə-nə* *kule*
Вася-DAT INDEF какой ADD книга-ACC читать-INF надо
#‘Васе надо прочитать странную книгу’ (а, *б).
#‘Васе надо прочитать много разных книг’ (*а, б).

Наблюдаемая дистрибуция не предсказывается типологическими теориями в духе [Haspelmath 1997], так как в них рассматривается только классическое экзистенциальное, но не универсальное/скалярное прочтения.

В докладе мы предложим анализ *ollo* WH и *ollo* WH *no* в рамках теории эксгаустификации[1] по [Chierchia 2013]. Мы предполагаем, что *ollo* экзистенциально квантифицирует по широкому домену,

[1] Эксгаустификация — прагматическое усиление высказывания через отрицание не следующих из него альтернатив.

включающему наименее вероятные элементы (*slight possibility* по [Kratzer 1981]). Скалярная альтернатива *ollo* — квантифицирующая по суженному домену стандартная серия WH *ke* (3в). Усиление относительно неё создаёт скалярную семантику (5). Расширенный домен *ollo* объясняет неграмматичность *ollo* WH при ограниченном рестрикторе (6): попытка усиления относительно WH *ke* с эквивалентным доменом приводит к противоречию.

(5) $D_{kâše\ ke} = \{a, b, c\}$; $D_{ollo\ kâše} = \{a, b, c, d, e\}$
EXH SCALAR([[P *ollo wh*]]) = $\exists x \in D_{ollo\{a, b, c, d, e\}}$.
$P(x) \wedge \neg \exists x \in D_{ke\ \{a, b, c, d, e\}}$. $P(x) = P(d \vee e)$

(6) *ollo* *kin* (**so-os*$_{\{a, b, c\}}$ *pol-is'*) *konfet-ez* *s'i-i-z*
INDEF кто тот-PL среди-EL конфета-ACC есть-PST-3SG
'Кто-то странный съел конфету'.
Ожид. 'Кто-то из них съел конфету'.

Вслед за [Россяйкин, Хомченкова 2023] мы предполагаем, что аддитивная частица пресуппонирует истинность одной из фокусных альтернатив пропозиции, что эквивалентно отрицанию её эксгаустификации. При добавлении к *ollo* WH частица *no* отменяет скалярное усиление относительно *ke* и утверждает субдоменные альтернативы, благодаря чему серия *ollo* WH *no* интерпретируется как универсальная FCI.

Недоступность экзистенциального прочтения для *ollo* WH и *ollo* WH *no* при необходимости (4) обусловлена широкой сферой действия этой серии относительно модальных операторов, что коррелирует с грамматикализацией *ollo* из эпистемического маркера.

В докладе мы также рассмотрим взаимодействие аддитивного *no* с другими неопределёнными сериями.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ADD — аддитивная частица; ACC — аккузатив; DAT — датив; GEN2 — второй генитив; EL — элатив; INDEF — маркер неопределённого местоимения; INF — инфинитив; POSS — посессив; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SG — единственное число.

Литература

Зубова 2021 — Ю. Н. Зубова. =*по* при неопределённых местоимениях в удмуртском языке. Доклад, представленный на конференции «Малые языки в большой лингвистике». Москва, МГУ. 23–24 апреля, 2021.

Россяйкин, Хомченкова 2023 — П. О. Россяйкин, И. А. Хомченкова. Скалярность, аддитивность и свободный выбор // Е. А. Забелина, Н. М. Заика (ред.). Двадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2023 г.). СПб: ИЛИ РАН, 2023. С. 154–157.

Chierchia 2013 — G. Chierchia. Logic in Grammar. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. Indefinite pronouns. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Khomchenkova 2023 — I. Khomchenkova. Free choice, universal quantification and indefiniteness in Tatyshly Udmurt. Talk presented at the Workshop on the Semantics of Indefinites. Paris. September, 21–23. 2023.

Kratzer 1981 — A. Kratzer. The notional category of modality // H.-J. Eikmeyer and H. Rieser (eds.). Words, worlds, and contexts: New approaches in world semantics. Berlin: Walter de Gruyter, 1981. P. 38–74.

С. П. Савинова

МГУ, Москва

ГЛАГОЛЬНАЯ ЗОНА ПРОГРЕССИВА В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ

В докладе будет описана глагольная зона прогрессива в татышлинском говоре удмуртского языка (< пермские < финно-угорские < уральские), распространённом в Татышлинском районе Республики Башкортостан. Данные получены методом анкетирования в экспедиции в 2025 г., а также путём анализа корпуса татышлинского говора [КТУ].

Предметом исследования стали форма простого прошедшего (далее — PST) и аналитическая форма, включающая глагол в настоящем времени и показатель ретроспективного сдвига *val* (совпадающий с формой прошедшего времени бытийного глагола; далее — PRS + *val*), в том числе их совместимость с глаголами разных акциональных классов в прогрессивных контекстах и способность выражать разные типологически релевантные значения зоны прогрессива.

Форма PST до этого описывалась в литературе как аспектуально нейтральная [Серебренников 1960: 117; Загуляева 1986], возможность прогрессивных прочтений не рассматривалась; связь между акциональным классом и способностью использоваться в прогрессивных контекстах не была исследована.

Опрос информантов проводился на основе анкеты [Bertinetto et al. 2000: 1–2], включающей в том числе контексты из [Шлуинский 2006]. Акциональные классы выделялись по [Татевосов 2015].

Форма PRS + *val* в литературном удмуртском осмысляется предшественниками как прошедшее длительное [Серебренников 1960: 117]. В описаниях южных диалектов [Baidoullina 2003: 95; Horváth 2013] отмечается, что она задаёт временные рамки, в которые произошло другое действие.

Мы установили, что глаголы в формах PRS + *val* и PST могут употребляться при отсутствии другого действия, для которого выраженное данной формой является фоновым. Контекстная заданность какого-либо момента в прошлом может выражаться с помощью наречий времени (‘вчера в восемь часов’).

Формы PRS + *val* и PST одинаково частотны в прогрессивных контекстах. На выбор между ними влияет акциональный класс глагола.

Обладать прогрессивным прочтениями в обеих формах могут стативные (*vis’ə̂nə̂* ‘болеть’), процессные (*užanə̂* ‘работать’), сильные инцептивно-стативные (*kə̂lə̂nə̂* ‘слышать’), мультипликативные (*kə̂zə̂nə̂* ‘кашлять’) и слабые ингрессивно-непредельные глаголы (*s'ereʔʒ'anə̂* ‘смеяться’), см. (1):

(1) *tolon zə̂t aldar bertə̂-kə̂*
вчера вечер Алдар возвращаться-CVB.SIM
ramil'â uža-Ø val / uža-Ø-z
Рамиля работать-PRS.3SG RETR работать-PST-3SG
‘Вчера вечером, когда Алдар вернулся, Рамиля работала’.

Слабые предельные (*tə̂rmə̂tə̂nə̂* ‘наполнять’) и сильные предельные глаголы (*lez'ə̂nə̂* ‘бросать’) обладают прогрессивным прочтением только в форме PRS + *val*, а в форме PST тяготеют к перфективным прочтениям:

(2) *kuke mon soje aʔʒ'-i-∅ so bekč'e-jez*
когда я тот-ACC видеть-PST-1SG тот бочка-POSS.3SG
tə̂rmə̂t-e val / tə̂rə̂mt-i-z
наполнять-PRS.3SG RETR наполнять-PST-3SG
‘Когда я его видел, он наполнял/наполнил (= в момент, когда я на него посмотрел, он закончил наполнять) бочку’.

Слабые инцептивно-стативные глаголы (*kə̂škanə̂* ‘бояться’) не имеют прогрессивных прочтений (3), форма PRS + *val* интерпретируется как хабитуальная, PST — как перфективная.

(3) *ku mon so šor-ə̂ u̇č’k-i-∅*
когда я тот середина-ILL смотреть-PST-1SG
mon vala-j-∅ što so mə̂n-es’t-ə̂m
я понимать-PST-1SG что тот я-GEN2-POSS.1

kə̂ška-∅ val / kə̂ška-∅-z
бояться-PRS.3SG RETR бояться-PST-3SG
*‘Когда я смотрел на него, я понимал, что он меня боялся’.

В докладе мы также кратко обсудим особенности интерпретации каузативных глаголов в рассматриваемых контекстах: если у каузатива может быть как контактное, так и дистантное прочтение, в прогрессивных контекстах дистантная интерпретация запрещается.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; CVB.SIM — конверб одновременности; EL — элатив; GEN2 — второй генитив; ILL — иллатив; INF — инфинитив; PL — множественное число; POSS — посессив; PRS — настоящее время; PST — первое прошедшее время; RETR — показатель ретроспективного сдвига; SG — единственное число.

Источники

КТУ — Корпус татышлинского удмуртского. URL: https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/

Литература

Загуляева 1986 — Б. Ш. Загуляева. Прошедшее длительное и прошедшее многократное время глаголов в удмуртском языке // В. М. Вахрушев, В. К. Кельмаков (отв. ред). Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: Сборник статей. Устинов: Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Удмурт. АССР, 1986. С. 62–70.

Серебренников 1960 — Б. А. Серебренников. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Издательство АН СССР, 1960.

Татевосов 2015 — С. Г. Татевосов. Глагольные классы и типология акциональности. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Шлуинский 2006 — А. Б. Шлуинский. К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 46–75.

Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Magistritöö. Tartu: Tartu Ülikool, 2003.

Bertinetto et al. 2000 — P. M. Bertinetto, K. H. Ebert, C. De Groot. The progressive in Europe // Ö. Dahl (ed). Tense and Aspect in the Languages of Europe. Empirical Approaches to Language Typology. Berlin, Boston: Mouton De Gruyter, 2000. P. 517–558.

Horváth 2013 — L. Horváth. On the aspectual markers of the Udmurt language: Expressions of aspect in dialects // M. Csepregi, K. Kubínyi, J. Sivonen (eds.). Grammatika és kontextus — új szempontok az uráli nyelvek kutatásában III (Urálisztikai tanulmányok 20) [Grammar and Context : New Approaches to the Uralic Languages]. Budapest: ELTE BTK Finnugor Tanszék, 2013. P. 108–123.

М. С. Смолкина

НИУ ВШЭ, Москва

ВАРИАТИВНОСТЬ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ГОВОРАХ[1]

В современном русском литературном языке (далее — СРЛЯ), так же как и в некоторых говорах русского языка, наблюдается вариативность в использовании относительных местоимений *кто*, *который*, *какой* и *что*[2] при релятивизации. В отличие от СРЛЯ, где зоны конкуренции этих местоимений в большей степени определены [Холодилова 2014], в говорах наблюдается отклонение от литературных норм (ср. примеры из деревни Пятиусово, Тверская область [Ронько и др. 2024]):

(1) *Врачей,* ***кто*** *мне лечил, я всех-всех до единого помню* [ZES1942].
(2) *Тут уже доярки,* ***какие*** *были, собравши* [ZES1942].
(3) *И мёду даю,* ***что*** *есть тут* [LNG1954].
(4) *Вот тот мост,* ***что*** *едешь как на эту Торопу* [GIP1953].

Пример (4) особенно примечателен: при помощи союза *что* релятивизуется позиция именной группы в косвенном падеже (запрещено для СРЛЯ). В докладе будет представлен подход к анализу похожих контекстов.

Основными **задачами** исследования были: (а) описание зон конкуренции относительных местоимений в выбранных говорах; (б) определение параметров, обусловливающих механизм выбора

[1] Настоящая работа выполнена в рамках научно-учебной группы НИУ ВШЭ «Исследования по восточнославянской диалектологии», название проекта «Корпусное и ареальное изучение восточнославянских диалектов», № проекта 25-00-019.

[2] Только финитные конструкции. Рассматривалось *что*-склоняемое и *что*-несклоняемое (подробнее [Зализняк, Падучева 1975 (1997): 78, 94]).

относительного местоимения в определённых контекстах; (в) сопоставление полученных результатов с выводами, сделанными на основе данных современного русского языка [Холодилова 2014] и русского языка XVIII века [Kholodilova 2017].

В ходе исследования было проанализировано 672 контекста с относительными местоимениями, извлечённых из семи устных диалектных корпусов Лаборатории международной конвергенции НИУ ВШЭ[3] (представлены в Таблице 1), для их анализа были использованы различные статистические методы. Были получены следующие **результаты**:

1. Для каждого говора описаны и проанализированы зоны конкуренции рассматриваемых местоимений. Полученные результаты представляют из себя множество таблиц с данными, распределёнными по параметрам варьирования местоимений.
2. Говоры сгруппированы на основе отклонений от правил, установленных для СРЛЯ (прим. использование союза *что* или препозитивного местоимения *который*).
3. Определены универсальные факторы выбора местоимений: (i) одушевлённость вершины; (ii) тип вершины; (iii) рестриктивность относительной клаузы; (iv) релятивизуемая позиция. Последние два параметра являются специфическими для отдельных говоров.

В ходе анализа было также установлено, что доля относительных местоимений в корпусах сильно варьируется от говора к говору. Хотя данный параметр не может быть использован для разделения говоров по разным диалектным группам, его можно использовать для определения их наречной принадлежности. Географическое расположение исследованных деревень и распределение относительных местоимений в соответствующих корпусах представлены на Рис. 1 и Рис. 2.

[3] https://lingconlab.ru/

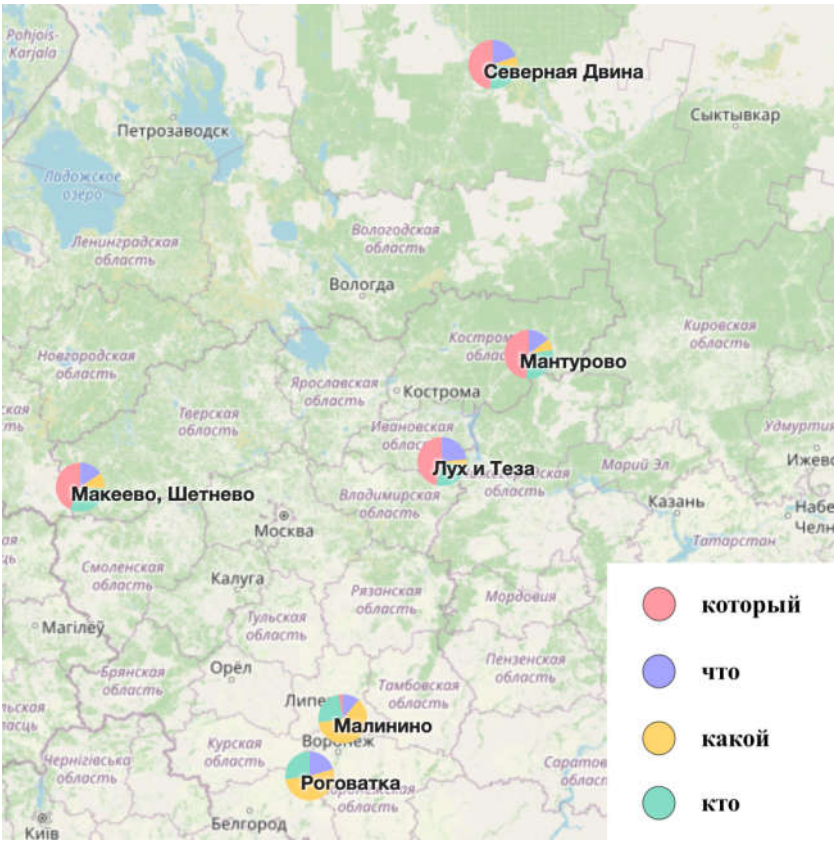


Рис. 1. Все деревни[4]

[4] Доли местоимения *какой* уменьшаются от юга к северу, а доля местоимения *который*, наоборот, возрастает.

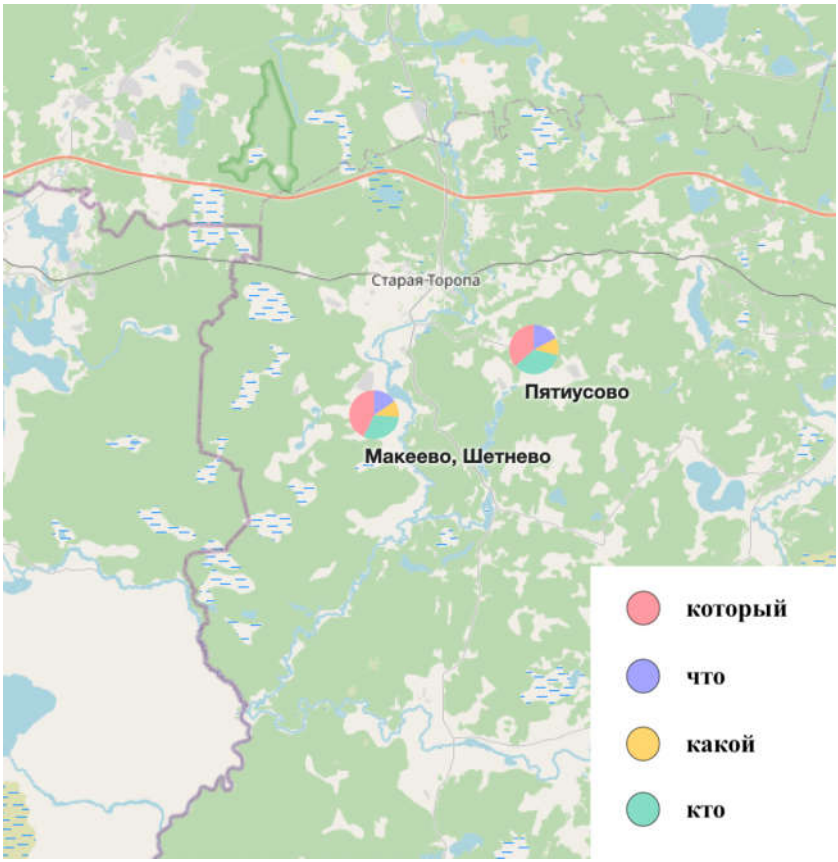


Рис. 2. Деревни Шетнево и Макеево, и Пятиусово

Таблица 1. Перечень корпусов

Корпус	Группа говоров	Наречие
Говоры среднего течения Северной Двины	Архангельская	Севернорусское
Мантуровский говор	Костромская	Севернорусское
Говоры низовья рек Лух и Теза	Владимиро-Поволжская	Восточные средне-русские говоры

Корпус	Группа говоров	Наречие
Говор деревень Шетнево и Макеево	Псковская	Западные средне-русские говоры
Говор деревни Пятиусово	Псковская	Западные средне-русские говоры
Говор села Роговатка	Оскольские межзональные говоры типа Б ю-р. наречия	Южнорусское
Говор села Малинино	Межзональная группа Б ю-р. наречия	Южнорусское

Источники

Ронько и др. 2024 — Р. В. Ронько, Э. В. Агеева, А. В. Анцупова, А. С. Азанова, Е. Е. Войтович, П. С. Гумерова, А. С. Кузьмина, А. В. Манусов, В. Е. Монина, Д. И. Мочульский, М. С. Смолкина. Корпус говора деревни Пятиусово 2024, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: https://lingconlab.ru/pyatiusovo, дата обращения 23.08.2025)

Литература

Зализняк, Падучева 1975 (1997) — А. А. Зализняк, Е. В. Падучева. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Вып. 6. М.: Изд-во ВИНИТИ, 1975. С. 51–101. [Перепечатано: // Семиотика и информатика. Opera selecta. Вып. 35. М.: Языки русской культуры; Русские словари, 1997. С. 59–107.]

Холодилова 2014 — М. А. Холодилова Относительные придаточные // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2014. URL: http://rusgram.ru.

Kholodilova 2017 — M. A. Kholodilova. Competition between 'who' and 'which' in Slavic light-headed relative clauses // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2017. Vol. 6. № 1. P. 118–147.

Д. А. Урывская

РГГУ, Москва

ДИСТАНТНЫЙ РЕФЛЕКСИВ В ДАРГИНСКИХ ЯЗЫКАХ: ДАННЫЕ УСЛОВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Рефлексивное местоимение *sawe* даргинского идиома села Урцаки (Республика Дагестан, Россия) может употребляться в локальных контекстах (1)[1]. При этом катафора менее приемлема, а синтаксическое доминирование рефлексива над антецедентом невозможно в изолированном предложении.

(1) а. *aminat-li*$_i$ ***sare***$_{\mathbf{i/j}}$ *gap<r>arq'-eb*
A-ERG REFL.F <F>похвалить-AOR
‘Аминат$_i$ похвалила себя$_i$/её$_j$’.
б. ??***sare***$_{\mathbf{i}}$ *aminat-li*$_i$ *gap<r>arq’-eb*
REFL.F A-ERG <F>похвалить-AOR
‘Аминат$_i$ похвалила себя$_i$’.
в. ***sinn-i**$_{\mathbf{i}}$ *aminat*$_i$ *gap<r>arq'-eb*
REFL-ERG A <F>похвалить-AOR
Ожид.: ‘Сама$_i$ похвалила Аминат$_i$’. [Добрина 2025]

Также известно, что *sawe* может быть связан вне своей минимальной предикации [Добрина 2025], что характеризует его как дистантный. Различные рефлексивные конструкции, в том числе с дистантными рефлексивами, являются предметом многих исследований [Anagnostopoulou, Everaert 1999; Cole et al. 2001; Reuland 2011], однако поведение данных единиц в составе условных конструкций ранее не рассматривалось.

Традиционно считается, что антецедентом рефлексивного местоимения не может быть именная группа, находящаяся в менее

[1] Данные для исследования были собраны методом элицитации в рамках экспедиции в селе Урцаки летом 2025 года.

привилегированной синтаксической позиции [Chomsky 1981] или ниже в иерархии семантических ролей [Jackendoff 1972]. Известно, что в условных предложениях главная клауза структурно находится выше, чем зависимая [Bhatt, Pancheva 2017]. Когда в протасисе находится рефлексив, нарушения этого тезиса не наблюдается (2).

Во многих нахско-дагестанских языках разрешено командование рефлексива над своим антецедентом [Ganenkov, Bogomolova 2020], однако в урцакинском идиоме мы впервые видим подобное в сложном предложении, где прямой объект не командует адъюнктом (2б). Кроме того, возможной является катафора (2а). Ранее катафора в предложениях с обстоятельственными придаточными отмечалась для цахурского языка [Толдова 1999: 662], но только при условии, что рефлексив не является подлежащим зависимой клаузы. В урцакинском идиоме такого ограничения не наблюдается.

(2) а. *raχle* ***sare***$_{\mathbf{i}}$ *kːuš* *r-ih-arle*
если REFL.F голод F-становиться-COND.3
mu̱hu̱mːad-li-cːe *xadižat*$_{\mathrm{i}}$ *ʕo̱j-r-iq*^{w}*'-ar*
M-OBL-INTER X крик-F-говорить-HAB.3
‘Если сама$_{\mathrm{i}}$ голодная, Хадижат$_{\mathrm{i}}$ кричит на Магомеда’.

б. *tuχtur-li* *a̱χ<r>irq'-u* *xadižat*$_{\mathrm{i}}$
доктор-ERG <F>лечить-FUT X
raxle ***sare***$_{\mathbf{i}}$ *ark'ale* *r-ih-arle*
если REFL.F больной F-становиться-COND.3
‘Доктор лечит Хадижат$_{\mathrm{i}}$, если сама$_{\mathrm{i}}$ болеет’.

Пример (2) также позволяет сделать предсказание о месте урцакинского рефлексива в универсальной иерархии позиций рефлексива, предложенной в [Тестелец, Толдова 1998]. А именно, урцакинский рефлексив может, по меньшей мере, иметь антецедент-подлежащее в любой сопредикатной с ним позиции, а также будучи в составе нефинитной зависимой предикации. Это предсказание согласуется с данными близкородственного муиринского языка (3).

(3) *murad*$_{\mathrm{i}}$ *w-ač'-ib* *senk'un* *rasul-li*$_{\mathrm{j}}$
M M-прийти-AOR COMP P-ERG

sun-i-cːi$_{i/j/k}$ *w-atʼ-ib*
REFL-OBL-INTER M-позвать-AOR
‘Мурад$_i$ пришёл, потому что Расул$_j$ позвал себя$_j$ // его$_{i/k}$’. [Калякин 2023: 44–45]

Наиболее примечательными являются примеры употребления рефлексива в аподосисе. Грамматичными признаются предложения, где антецедент рефлексива из главного предложения находится в зависимой клаузе, что также нарушает правило синтаксического приоритета антецедента.

(4) *mu̱hu̱mːad-li-cːe* ***sare***$_i$ *ʕo̱j-r-iqʷʼ-ar*
M-OBL-INTER REFL.F крик-F-говорить-HAB.3
raχle xadižat$_i$ *kːuš r-ih-arle*
если X голод F-становиться-COND.3
‘Сама$_i$ кричит на Магомеда, если Хадижат$_i$ голодная’.

Таким образом, урцакинские данные дополняют типологию нахско-дагестанских рефлексивов, а возможность употребления рефлексива в более высокой позиции, чем позиция антецедента, потенциально расширяет иерархию, предложенную в [Тестелец, Толдова 1998].

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; AOR — аорист; CL — класс; COMP — комплементайзер; COND — кондиционалис; DEM — демонстратив; ERG — эргатив; F — женский класс; FUT — будущее время; HAB — хабитуалис; INTER — интерлатив; M — мужской класс; N — средний класс; OBL — показатель косвенной основы; REFL — рефлексив.

Литература

Добрина 2025 — И. А. Добрина. Экспедиционный отчёт, 2025.

Калякин 2023 — И. В. Калякин. Рефлексивные местоимения в муиринском языке даргинской группы // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. 2023. Т. 19. № 1. С. 36–65.

Тестелец, Толдова 1998 — Я. Г. Тестелец, С. Ю. Толдова. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // Вопросы языкознания. 1998. № 4. С. 35–57.

Толдова 1999 — С. Ю. Толдова. Местоименные средства поддержания референции // А. Е. Кибрик, Я. Г. Тестелец (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999. С. 629–674.

Anagnostopoulou, Everaert 1999 — E. Anagnostopoulou, M. Everaert. Toward a More Complete Typology of Anaphoric Expressions // Linguistic Inquiry. 1999. Vol. 30. № 1. P. 97–119.

Bhatt, Pancheva 2017 — R. Bhatt, R. Pancheva. Conditionals // M. Everaert, H. van Riemsdijk (eds.). The Wiley Blackwell Companion to Syntax. 2nd ed., 2017. P. 638–687.

Chomsky 1981 — N. Chomsky. Lectures on Government and Binding. Dordrecht: Foris, 1981.

Cole et al. 2001 — P. Cole, G. Hermon, C.-T. J. Huang. Syntax and semantics: Long distance reflexives. Vol. 33. New York: Academic Press, 2001.

Ganenkov, Bogomolova 2020 — D. Ganenkov, N. Bogomolova. Binding and Indexicality in the Caucasus // M. Polinsky (ed.). The Oxford Handbook of Languages of the Caucasus. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 873–907.

Jackendoff 1972 — R. Jackendoff. Semantics in Generative Grammar. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1972.

Reuland 2011 — E. Reuland. Anaphora and Language Design. Cambridge, MA: MIT Press, 2011.

А. И. Фахрутдинова

РГГУ, Москва

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ В УРМИЙСКОМ НОВОАРАМЕЙСКОМ

Исследование посвящено особенностям употребления рефлексивных выражений в урмийском новоарамейском (< северо-восточные новоарамейские < семитские). Данные были собраны в ходе полевой работы в селе Урмия Краснодарского края в июле 2025 года.

Рефлексивные выражения используются для маркирования кореферентности в пределах одной пропозиции [Лютикова 1997]. Они занимают несубъектную позицию и, как правило, требуют наличия грамматически приоритетного антецедента (например, подлежащего) [König, Siemund 2000; Тестелец, Толдова 1998].

Хотя некоторые наблюдения относительно свойств урмийских рефлексивных местоимений уже были сделаны в грамматике [Khan 2016], мы расширяем описание, включая также типологическую перспективу. В частности, впервые на материале семитского идиома рефлексивы рассматриваются в свете иерархии позиции рефлексивов, представленной в работе [Тестелец, Толдова 1998]. Кроме того, данные грамматики не дают ответа на вопрос о позициях, которые может занимать антецедент рефлексива.

Простое рефлексивное местоимение образуется от основы *gan-* ‘душа’ (*ɣan-* [Khan 2016]) с присоединением лично-числовых аффиксов (1). Оно допускает неподлежащный антецедент и может ассоциироваться также с прямым (2) и с косвенным (3) дополнением.

(1) *+kaṭuy*$_i$ *xzi-la* *ka* *gan-o*$_i$ *gav* *nora*
кошка(F) видеть.PST-LS.3F к REFL(F)-P.3F в зеркало(M)
‘Кошка увидела себя в зеркале’.

(2) *Yosəp*$_y$ *muxzi-lə* *ka* *brata*$_i$ *ka*
Й. показать.PST-LS.3M к девочка(F) к

gan-o$_i$ *+al šəčl-o*
REFL(F)-P.3F на фотография(M)-P.3F
‘Иосиф показал девушке$_i$ её$_i$ на фотографии’.

(3) *av*$_i$ *xakuy=əl* *ka diyy-an*$_y$ *baz gan-an*$_y$
он рассказать.PROG=3M к OBL.PRON-P.1PL о REFL(F)-P.1PL
‘Он рассказывает нам о нас’.

Сложный рефлексив, в свою очередь, образуется путём редупликации основы простого рефлексива с добавлением между частями основы предлога *ka*, маркирующего объект (4).

(4) *yala gan-u ka gan-u +xallul=əl*
мальчик(M) REFL(F)-P.3M к REFL(F)-P.3M мыть.PROG=3M
‘Мальчик сам себя моет’.

Такой способ образования встречается в тех случаях, когда форма рефлексива совпадает с формой интенсификатора (рус. *сам*, нем. *selbst*) [Лютикова 2002: 116]. Данная стратегия наблюдается и в урмийском: приведём некоторые примеры употребления интенсификаторов, опираясь на значения, предложенные в [Кибрик, Богданова 1995]:

а) самостоятельное:
(5) *ana gan-i bašul=an кашу*
я REFL(F)-P.1SG варить.PROG=1F
‘Я и сам могу сварить кашу’.

б) неожидаемое:
(6) *Maša gan-o ti-la arxə*
М. REFL(F)-P.3F прийти.PST-LS.3F гость(M).PL
‘Сама Маша пришла в гости!’

На Рис. 1 отображено, какие синтаксические позиции могут занимать урмийские рефлексивы. На иерархии выделены позиции прямого дополнения при двухместном глаголе; прямого дополнения при многоместном глаголе; актанта, сопредикатного с подлежащим; неактантной ИГ, сопредикатной с подлежащим; ИГ, входящей в нефинитную зависимую предикацию; ИГ, входящая в финитную зависимую предикацию [Тестелец, Толдова 1998]. Ожидается,

что составной рефлексив более локален, чем простой, и располагается на иерархии левее. Проверка позиции рефлексива в нефинитной предикации затруднена ввиду непродуктивности нефинитных форм в урмийском. Однако поведение *gan-* ограничено в позиции ИГ, входящей в финитную зависимую клаузу, поэтому нарушения иерархии не происходит.

$Д_{пр}$(2местн) > $Д_{пр}$(битранз) > Коаргумент > Неактант ИГ > $ИГ_{нефин}$> $ИГ_{фин}$

gan-

gan- ka gan-

Рис. 1. Иерархия позиций рефлексивов для урмийского новорамейского

Посессивный рефлексив (*свой*, *его*, англ. *his* и др.), свойства которого мы рассмотрели отдельно, оказывается омонимичен аргументному рефлексиву, однако между ними наблюдаются различия: первый, в отличие от второго, может иметь антецедент за пределами клаузы:

(7) *ana*$_i$ *+byay=ən* *kat* *Ivan*$_y$ *ctav=ət*
я хотеть.PROG=1M COMP И. книга(M)=REL
gan-i$_i$ *ka d-i* *yavvəl-lə*
REFL(F)-P.1SG к OBL.PRON-P.1SG дать.PRS-LS.3M
‘Я хочу, чтобы Иван отдал мне мою книгу’.

(8) **axnax*$_i$ *+byay=əx,* *kat* *Yosəp*$_y$
мы хотеть.PROG=1PL COMP И.
mayy-ini *ka gan-an*$_i$ *xabušə*
приносить.PRS-SS.3M.LONG к REFL-P.1PL яблоко(M).PL
‘Мы хотим, чтобы Иосиф принёс нам яблоки’.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; COMP — комплементайзер; F — женский род; LS — L-серия личных показателей; M — мужской род; OBL.PRON —косвенная форма местоимения; P — посессивная серия личных показателей; PL —

множественное число; PROG — прогрессив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; REL — релятор; SG — единственное число; SS — S-серия личных показателей.

Литература

Кибрик, Богданова 1995 — А. А. Кибрик, Е. А. Богданова. *Сам* как оператор коррекции ожиданий адресата // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 28–47.

Лютикова 1997 — Е. А. Лютикова. Рефлексивы и эмфаза // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 49–74.

Лютикова 2002 — Е. А. Лютикова. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

Тестелец, Толдова 1998 — Я. Г. Тестелец, С. Ю. Толдова. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 35–57.

Khan 2016 — G. Khan. The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Vols. 1–4. (Studies in Semitic Languages and Linguistics 86). Leiden; Boston: Brill, 2016.

König, Siemund 2000 — E. König, P. Siemund. Intensifiers and reflexives: A typological perspective // Z. Frajzyngier, T. Curl (eds.). Reflexives. Forms and Functions. (Typological Studies in Language 40). Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2000. P. 41–74. DOI: 10.1075/tsl.40.03kon.

М. Л. Федотов

LLACAN — CNRS / INALCO, Париж

КАУЗАТИВ В ГБАН (ЮЖНЫЕ МАНДЕ)

В языке гбан[1] обнаруживается продуктивная **каузативная** деривация с суффиксом *-kà*, демонстрирующая необычное синтаксическое поведение.

1. Клауза с каузативным дериватом, образованным от исходно **непереходного** глагола (1б), ведёт себя аналогично обычной клаузе с переходным глаголом (2). ИГ каузатора занимает позицию подлежащего, а ИГ каузируемого — позицию прямого дополнения[2]:

(1) а. *Sǎkǎ ɛ́ fóá.*
рис 3SG\PST нагреваться[PFV.HOD]
‘Рис нагрелся [= горячий]’.
б. *Sɔ̀kù ɛ́ sǎkǎ fóá-**kà̀**.*
Соку 3SG\PST рис нагреваться-**CAUS**[PFV.HOD]
‘Соку **разогрел** рис’.

(2) *Sɔ̀kù ɛ́ bǎbǎ **zɛ̀**.*
Соку 3SG\PST овца убивать[PFV.HOD]
‘Соку **убил** овцу’.

2. Однако клауза с каузативным дериватом, образованным от исходно **переходного** глагола, ведёт себя нетривиальным образом. Вместо единственной предглагольной именной позиции

---

[1] Гбан (*gbǵ*; ISO 639-3: ggu, Glottocode: gagu1242) — один из южных языков манде, на котором говорят около 60 000 человек в центральной части Кот-д’Ивуара. Исследование основано на полевых данных автора, собранных в 2011–2025 гг.

[2] Гбан имеет фиксированный порядок слов S(Aux)OV.

(т. е. стандартной позиции прямого дополнения) здесь наблюдается **две** таких предглагольных позиции (3б). Первую занимает ИГ каузируемого, а вторую — ИГ исходного прямого дополнения (позицию подлежащего по-прежнему занимает ИГ каузатора). Ср. пару примеров с переходным глаголом *mɛ̃̀* ‘бить’ (3а) и с образованным от него каузативным дериватом *mɛ̃̀kà* ‘каузировать бить’ (3б):

(3) а. *Zą́ é Mɔ̃bì* ***mɛ̃̀***.
Жан 3SG\PST Монби бить[PFV.HOD]
‘Жан **побил** Монби’.

б. *Zą́ é* [*mṹ dò*] [*Mɔ̃bì*] ***mɛ̃̀-kà***.
Жан 3SG\PST человек один Монби бить-CAUS[PFV.HOD]
‘Жан **каузировал** кого-то **побить** Монби’.

Обе этих предглагольных позиции могут быть заняты тяжёлыми ИГ, фокализованными ИГ, определёнными и неопределёнными референтными ИГ, в т. ч. именами собственными. Они могут быть разделены некоторыми частицами клаузального уровня (помещаемыми до, между и после обеих позиций). При этом по какой-то причине вторую позицию не может занимать личное местоимение.

В других языках манде подобного «расщепления» предглагольной объектной позиции не засвидетельствовано [В. Ф. Выдрин, л. с.].

3. Для объяснения наблюдаемых фактов можно предложить следующую **диахроническую гипотезу**, основанную на внутренней реконструкции (я благодарен за изначальную идею **Дени Креселю** [л. с.]):

- (Разумно предположить, что) каузативный суффикс *-ka* восходит к каузативному глаголу типа англ. *make* или франц. *faire*.
- Этот глагол управлял (немаркированной) номинализацией от смыслового глагола в качестве своего прямого дополнения.
- Номинализации в языках манде (к примеру, в мандинка, но также и в современном гбан, см. ниже) могут иметь по два (!) левосторонних именных зависимых, оба из которых могут быть немаркированными.

- Таким образом, вся конструкция выглядела следующим образом:

  *Z̰ɑ́ɛ́ [[mṵ̃́dò] [M̰̃bì] mɛ̰̀]$_{NMLZ}$ ***ka***.
  “Жан [чьё-то Монби побива**ние]** **каузировал**”.

- Затем произошёл реанализ: конструкция была переосмыслена как содержащая единственный финитный смысловой глагол с каузативным суффиксом и две именных позиции, теперь уже **клаузального уровня**:

  *Z̰ɑ́ɛ́ [[mṵ̃́dò][M̰̃bì]mɛ̰̀]$_{NMLZ}$ ***ka***.
  “Жан [чьё-то Монби побива**ние]** **каузировал**”.
  →
  Z̰ɑ́ɛ́ [mṵ̃́dò] [M̰̃bì] ***mɛ̰̀-kà***.
  “Жан [кого-то] [Монби] **побить-каузировал**”.

4. Интересно, что буквально все компоненты, необходимые для реализации этого сценария, обнаруживаются — как независимо существующие — и в современном гбан:

- (Полу)вспомогательные глаголы, управляющие немаркированной номинализацией от смыслового глагола в качестве своего прямого дополнения (4):

  (4) ɛ̀̃ [fḭ̃ɑ̃̀=nṵ̃ dà̰] ***dɔ̀***.
  3SG сказка=PL класть[INF/NMLZ] IPFV\делать_хорошо
  ‘Он **хорошо** рассказывает сказки’. (полувспомогательный глагол *dɔ̀* ‘делать хорошо’)

- Номинализации с двумя немаркированными генитивными зависимыми — это засвидетельствовано как для маркированных номинализаций с =lè (5), так и для (более редких и синтаксически ограниченных) немаркированных номинализаций (6):

  (5) [***Fíɛ́lɛ̀*** ^{OK}(m̰̃) ***mṵ̃́*** zɛ̰̀=***lɛ̀***]
  Пьер для человек убивать=NMLZ
  ‘убийство человека Пьером’

  (6) [***Lɛ̀*** (m̰̃) ***nḭ̃́*** là]
  женщина для ребёнок иметь_ребёнка[INF/NMLZ]

" *yą̰.*
3SG IPFV\болеть
‘Женщине рожать ребёнка — трудно’.

5. Наконец, эта гипотеза хорошо согласуется с имеющейся в мандеистической литературе точкой зрения, что языки манде исторически претерпели массовый реанализ аналитических конструкций на базе номинализаций в простые финитные конструкции, в которых ИГ клаузального уровня аналогичным образом восходят к генитивным зависимым номинализаций [Nikitina 2011; Khachaturyan, Nikitina 2016].

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; CAUS — каузатив; HOD — сегодняшнее прошедшее; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; NMLZ — номинализация; PFV — перфектив; PL — множественное число; PST — прошедшее; SG — единственное число.

Литература

Khachaturyan, Nikitina 2016 — M. Khachaturyan, T. Nikitina. Syntactic reanalysis of nominalizations in Mande and its historical consequences. Talk presented at the conference “Syntax of the World's Languages VII” (SWL-VII), NAUM, Mexico City, August 17–19, 2016.

Nikitina 2011 — T. Nikitina. Categorical reanalysis and the origin of S-O-V-X word order in Mande // Journal of African Languages and Linguistics. 2011. Vol. 32. № 2. P. 251–273.

Л. Дж. Н. Финкельберг

НИУ ВШЭ, Москва

НЕВОЛИТИВНОЕ УЧАСТИЕ В СИТУАЦИИ КАК НОВЫЙ ПАРАМЕТР СИСТЕМЫ КОНВЕРБОВ КЕЧУА ЧИМБОРАСО[1]

Этот доклад посвящён особенностям употребления адвербиализатора *-napak* в кечуа Чимборасо (группа северных кечуа). Данные для доклада были собраны корпусным методом на материале перевода Нового Завета [Biblica 2016].

Связь между клаузами в кечуа осуществляется с помощью конвербов — нефинитных глагольных форм. Основными параметрами, по которым различаются конвербы, считаются семантика (причина, цель или таксисные значения) и параметр одно- или разносубъектности [Weber 1989]. Таким образом, адвербиализаторы, образующие конвербы, выражают не только одно из адвербиальных значений, но и то, совпадает ли субъект конверба с субъектом главного глагола. Например, целевой конверб с *-napak* в работах [Floyd, Norcliffe 2016], [Aschmann 2020] описан с точки зрения того, может ли он иметь субъект, коиндексированный с матричным. Однако, согласно результатам нашего исследования, для полного описания функционирования этого показателя нужно учитывать и другие факторы.

С одной стороны, для описания этого показателя важно не то, коидексирован ли субъект конверба, а то, коиндексирован ли его P-участник, т. е. связь работает и на уровне семантики, а не только синтаксиса. Так, в примере (1) P-участник конверба коиндексирован с P-участником главной клаузы:

(1) ***Huañu-chi-napaj*** *japi-shca oveja-cuna-ta shina-mi.*
умереть-CAUS-NAPAK взять-PRF овца-PL-ACC как-FOC
‘{мы} похожи на овец, взятых, чтобы {их} убить’

---

[1] Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

В примере (2) P-участник конверба коиндексирован с S-участником главной клаузы:

(2) *Ñuca-ta* ***pamba-napaj-mari,*** *Ñuca*
1-ACC **похоронить-NAPAK-FOC** 1
aicha-ta-ca *ñaupa-man* *alli-chi-shca.*
тело-ACC-TOP начало-DAT хороший-CAUS-PRF
‘{Она} подготовила моё тело, чтобы меня похоронили’.

С другой стороны, есть примеры, где именно A- или S- участники конверба коиндексированы с субъектом главного глагола. Однако в таких случаях тип связи между клаузами отличается от типичного целевого, поскольку у матричного субъекта нет желания, чтобы ситуация в зависимой клаузе осуществилась. Так, в примере (3) типичная целевая связь невозможна из-за неодушевлённости субъекта главного глагола, в примере (4) — из-за того, что субъект пассивного матричного глагола — неодушевлённый P-участник.

(3) *Cunan-ca,* *ñuca* ***huilla-napaj-ca,***
сейчас-TOP я **говорить-NAPAK-TOP**
pungu *pasca-shca-mi.*
дверь открыть-PRF-FOC
‘Для того, чтобы я работал, открылась дверь’.

(4) *Huasi-ta* ***shaya-chi-napaj*** *chura-shca*
дом-ACC **стоять-CAUS-NAPAK** положить-PRF
callarina-ca, *Jesu-cristo-lla-mi*.
основание-TOP Иисус-Христос-ONLY-FOC
‘Основание, положенное для того, чтобы поддерживать дом, — это Иисус Христос’.

Это употребление адвербиализатора *-napak* сближается с другой его функцией — релятивизатора, образующего относительные предложения со значением ‘который должен делать X’ (5) или ‘который нужен, чтобы делать X’ (6).

(5) *Chai-cuna-ca* *jatun* *llaqui-man* ***ri-napaj,***
этот-PL-TOP большой грусть-DAT **идти-NAPAK**

ñaupa-manta ch'icanyari-shca-cuna-mi.
начало-ABL красться-PRF-PL-FOC
‘Те, кому предназначено быть осуждёнными, уже пробрались’.

(6) *causana-man* ***ri-napaj*** *libro-manta-ca*
жизнь-DAT **идти-NAPAK** книга-ABL-TOP
‘из Книги Жизни (букв. «книги, нужной, чтобы идти к жизни»)’

Таким образом, для использования *-napak* обстоятельственная клауза должна удовлетворять хотя бы одному из двух критериев: 1) её P-участник должен быть коиндексирован с одним из участников главного глагола, 2) целевая связь между клаузами не должна быть волитивной. Клауза может удовлетворять обоим критериям одновременно, как в примерах (7)–(8).

(7) *...cai runa-ca huañu-chi-shca* ***ca-napaj***
этот человек-TOP умереть-CAUS-PRF **быть-NAPAK**
shina ima mana alli-ta-ca mana rura-shca-chu.
как что NEG плохой-ACC-TOP NEG делать-PRF-NEG
‘Этот человек не сделал ничего плохого, чтобы быть убитым’.

(8) *Allpa-pi* ***shita-napaj****, majada tandashca-pi*
земля-LOC **бросать-NAPAK** удобрение урожай-LOC
chura-napaj-lla-pish *mana alli-chu.*
положить-NAPAK-ONLY-ADD NEG хороший-NEG
‘{Соль} слишком плоха, чтобы класть ее в землю (= удобрять)’.

Следовательно, для системы конвербов кечуа можно выделить новое значение (значение неволитивной цели) и новый параметр (параметр коиндексации P-участника конверба с одним из участников матричного предиката), в области пересечения которых функционирует показатель *-napak*. Данный показатель оказывается не прототипическим, поскольку образованные с помощью него конструкции не подпадают под сделанное в [Cristofaro 2003: 157] типологическое обобщение: в прототипических целевых клаузах не встречается такого целевого отношения, при котором исполнитель действия в главной клаузе не контролирует выполнение действия в зависимой.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; CAUS — каузатив; DAT — датив; DUR — дуратив; EVID — *hearsay* эвиденциальность; FOC — фокус; FUT — будущее время; IMP — императив; INF — инфинитив; LOC — локатив; ONLY — ‘только’; PASS — пассив; PL — множественное число; PRF — перфект; PST — прошедшее время; PURP — целевой маркер; REL — релятивизатор; TOP — топик.

Источники

Biblica 2016 — Quichua-Chimborazo New Testament (Mushuj Testamento Diospaj Shimi). Biblica, Inc. 2016. URL: https://bibliamundi.com/wp-content/uploads/2023/09/Quichua-Chimborazo-Bible-New-Testament.pdf.

Литература

Aschmann 2020 — R. P. Aschmann. A Reference Grammar of Ecuadorian Quichua: With a primary focus on Central Highland Quichua. Manuscript, 2020.

Cristofaro 2003 — S. Cristofaro. Subordination. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Floyd, Norcliffe 2016 — S. Floyd, E. Norcliffe. Switch reference systems in the Barbacoan languages and their neighbors // R. van Gijn, J. Hammond (eds). Switch Reference 2.0. John Benjamins Publishing Company, 2016. P. 207–230.

Weber 1989 — D. Weber. A grammar of Huallaga (Huánuco) Quechua (Vol. 112). Oakland: University of California Press, 1989.

И. А. Хомченкова*, Д. Д. Белова*,*

ИЯз РАН, Москва — НИУ ВШЭ, Москва***

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЧАСТИЦЫ ПЕРЕДАЧИ РЕЧИ *РЕ* В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ[1]

В работе рассматриваются синтаксические свойства частицы передачи речи *ре* в татышлинском говоре удмуртского языка (респ. Башкортостан). Это одна из немногих частиц в удмуртских идиомах, проявляющая свойства клитик второй позиции. Хотя клитики второй позиции встречаются в разных финно-угорских языках, их свойства практически не освещены в синтаксической перспективе. В типологической работе [Nevis 1990] утверждается, что в пермских языках у клитик, которые могут занимать вторую позицию, отмечается позиционная вариативность, причём когнатные клитики в разных языках могут проявлять разные свойства.

Частица *ре* в удмуртских идиомах описывается в работах [Arkhangelskiy 2023a, 2023b, 2023c; Teptyuk 2019]. Согласно Т. А. Архангельскому, положение *ре* во второй позиции — это тенденция, а не строгое ограничение, однако подробного статистического анализа корпусных материалов не проводилось. Данные татышлинского говора также не анализировались, поэтому описание синтаксического поведения частицы в этом говоре — актуальная исследовательская задача.

Работа проведена на материале корпуса текстов татышлинского удмуртского [КТУ], а также анкетирования носителей в 2025 г. Частица *ре* встречается в корпусе 256 раз. Она используется как в конструкциях с вводящей предикацией (глаголом речи) (1)–(2), так и без него (3).

[1] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00199, https://rscf.ru/project/24-18-00199/.

(1) *As-se* *so* *ši-e* *mon*
REFL-ACC тот говорить-PRS.3SG я
pe *vord-is'k-emə̂n* *v'az'* *gurt-ə̂n.*
QUOT воспитать-DETR-RES Вязь деревня-LOC
‘Про себя он говорил, что родился, мол, в деревне Вязовка’.[2]

(2) «*Mə̂nam* *tod-em-e* *van'*»,
я.GEN знать-PTCP.PST-POSS.1SG имеется
pe *ši-e* *kijon.*
QUOT сказать-PRS.3SG волк
‘«У меня есть знания», — говорит волк’.

(3) *Šed'tə̂-Ø* ***pe*** *vit'* *türlə̂-ze* *sured-is'.*
найти-IMP QUOT пять разнообразие-ACC.POSS.3SG рисунок-EL
‘(Эта картинка называется «Найди пять отличий».) Найди, мол, пять отличий на картинке’.

Мы анализируем позиции *pe*, во-первых, в клаузах без вводящей предикации (3) и в зависимых клаузах при матричном глаголе речи (1), во-вторых, — в матричных клаузах с глаголом речи (2). В Таблице 1 приведена статистика позиционного распределения *pe* в двух типах клауз («rep» и «matrix», соответственно).

Таблица 1. Позиционное распределение частицы *pe*

	rep	**matrix**
вторая позиция	145 (49%)	19 (6%)
другое	62 (21%)	71 (24%)

На вторую позицию приходится почти половина корпусных вхождений маркера. В большинстве случаев клитика присоединяется после первого слова (4). Исключениями являются именные и послеложные группы с зависимыми, которые *pe*, как правило, не разрывает (6). Однако в корпусе засвидетельствованы случаи, когда она располагается между адъективом *sə̂še* ‘такой’ и именной вершиной.

[2] Все приведённые в работе примеры получены из [КТУ].

(4) *Uˀ* ***pe*** *tod-is'kâ* *ni*, *kâz'â*
NEG.PRS.1SG QUOT знать-PRS уже как
mənam *val* *berâkt-is'k-em*.
я.GEN лошадь вернуть-DETR-PST2
‘Уже не помню, говорит, как моя лошадь развернулась’.

Второй по частоте позицией является приглагольная. В позиции перед глаголом *pe* может фонетически примыкать к нему, что не отмечалось в работах предшественников для других удмуртских идиомов, см. пример (5) и его интонационный контур на Рис. 1. (Случаи, когда клитика может примыкать как к предыдущему, так и последующему слову, засвидетельствованы в литературе, см., например, [Циммерлинг 2013: 54–56].)

(5) … *kâtən aldar*… ***pe*** *mən-e* *uram-eti.*
где Алдар QUOT идти-PRS.3SG улица-PROL
‘(И она рассказывала такую сказку,) где Алдар идёт по улице’.

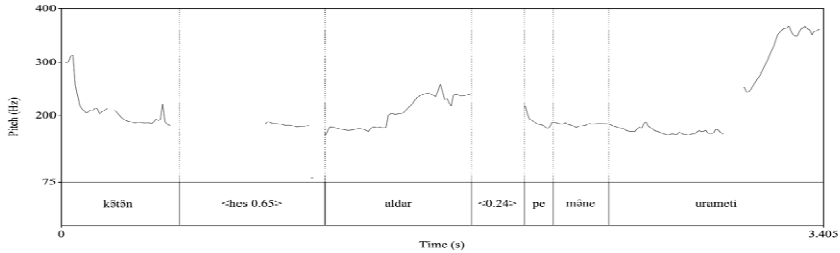


Рис. 1. Интонационный контур примера (5)

Также клитика может встречаться в клаузе больше одного раза. В таком случае она чаще всего занимает вторую и следующую доступную позиции «X1 *pe* X2 *pe* (X3 X4…)»:

(6) *Odig* *nəl* ***pe*** *tubâ-sa* ***pe*** *košk-e.*
один девочка QUOT подняться-CVB QUOT уйти-PRS.3SG
‘Одна девушка лезет’.

В докладе мы покажем, что позиция *pe* в клаузе с глаголом речи зависит также от взаимного расположения клауз. Контексты «matrix + rep» по свойствам *pe* сближаются с группой контекстов без вводящей предикации и с контекстами, где частица употреб-

лена в зависимой клаузе. Контексты «rep + matrix» от них отличаются: в них доминирует приглагольная позиция частицы, а не вторая. Мы также опишем позицию *pe* в клитических кластерах.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; CVB — деепричастие; DETR — детранзитив; EL — элатив; GEN — генитив; IMP — императив; LOC — локатив; NEG — отрицание; POSS — посессивность; PROL — пролатив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PST2 — второе прошедшее время; PTCP — причастие; QUOT — частица передачи речи; REFL — рефлексив; RES — результатив; SG — единственное число.

Источники

КТУ — Корпус татышлинского удмуртского. URL: https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/

Литература

Циммерлинг 2013 — А. В. Циммерлинг. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянских культур, 2013.

Arkhangelskiy 2023a — T. Arkhangelskiy. Dialectal variation of Udmurt discourse clitics // Linguistica Uralica. 2023. Vol. 59. № 2. P. 100–129.

Arkhangelskiy 2023b — T. Arkhangelskiy. Etymology of the Udmurt enimitive *uk* and grammaticalization of discourse particles // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 2023. Vol. 99. P. 9–38.

Arkhangelskiy 2023c — T. Arkhangelskiy. Reported speech and its extensions in Beserman // Journal of Uralic Linguistics. 2023. Vol. 2. № 2. P. 213–240.

Nevis 1986 — J. A. Nevis. Finnish Particle Clitics and General Clitic Theory. PhD dissertation. Columbus: The Ohio State University, 1986.

Teptyuk 2019 — D. Teptyuk. Quotative indexes in Finno-Ugric (Komi, Udmurt, Hungarian, Finnish and Estonian). Tartu: University of Tartu Press, 2019.

Д. С. Цих

НИУ ВШЭ, Москва

СТРАТЕГИИ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО ВЫБОРА В АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ[1]

Работа посвящена изучению и описанию стратегий референциального выбора в адыгейском и кабардино-черкесском языках, образующих адыгскую группу адыго-абхазской семьи. Референциальный выбор — это выбор между различными референциальными средствами, который определяется степенью активации референта в рабочей памяти [Кибрик 2022], т. е. в ограниченном по объёму и динамически обновляемом хранилище информации [Kibrik 1999].

Адыгские языки отличаются последовательным полисинтетизмом [Аркадьев и др. 2009], который проявляется в выражении актантных отношений на глагольном комплексе «посредством личных префиксов, индексирующих лицо и число актанта (агенс, абсолютив, непрямые объекты)» [Ландер 2012: 77].

В адыгских языках референциальный выбор происходит между именной группой, независимыми местоимениями и личными префиксами (или нулём). В исследовании анализируется влияние на референциальный выбор следующих факторов: линейная дистанция, интерференция, одушевлённость, статус протагониста, темпоральная или локальная смена действия и граница эпизода.

Материалами для исследования послужили Кубанский корпус, состоящий из устной кабардино-черкесской речи, записанной в ауле Блечепсин, и тексты на темиргоевском диалекте адыгей-

[1] В данной научной работе использованы результаты проекта «Языковое и когнитивное многообразие в формальных моделях, компьютерных инструментах и образовательных ресурсах», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году.

ского языка, собранные в экспедиции в ауле Джамбечий. В рамках каждого текста были собраны анафорические цепочки для каждого из участников дискурса, которые упоминались более одного раза.

Данные анализировались с помощью двух инструментов: теста χ^2 (хи-квадрат) и дерева решений. С помощью теста проверялось влияние каждого фактора на референциальный выбор. Дерево решений показывает, как факторы взаимодействуют между собой.

Самым значимым фактором является наличие интерференции, т. е. появление одного или нескольких участников, которые играют ту же семантическую роль, что и рассматриваемый референт, в предыдущих трёх элементарных дискурсивных единицах[2] ($p \approx 0.0000$) для обоих языков. При возникновении интерференции говорящий выбирает для обозначения референта исключительно именные группы.

Для текстов из Блечепсина референциальный выбор также определяется одушевлённостью, статусом протагониста и линейным расстоянием. Для текстов из Джамбечий другим значимым фактором выступает только одушевлённость.

Поскольку интерференция связана прежде всего с избежанием неоднозначности, а не с активацией в рабочей памяти, анализ был повторён на данных без случаев интерференции. В этом случае единственным изменением является незначительное влияние линейного расстояния на референциальный выбор.

Важно, что референциальный выбор происходит скорее между именной группой и личным префиксом. Случаи использования независимых местоимений в блечепсинских текстах составляют около 9%, а в джамбечийских — около 4%.

С помощью дерева решений мы можем отследить, как влияют на референциальный выбор различные сочетания факторов. В текстах из Блечепсина линейное расстояние, равное 1 (т. е. упоминание в следующей ЭДЕ), увеличивает вероятность индексации участника личным префиксом, но если референт неодушевлённый и не протагонист, то он может быть выражен и именной группой. При удалении фактора интерференции увеличивается

[2] ЭДЕ в этой работе определяется как «одна произносительная конфигурация» [Кибрик и др. 2022: 57].

влияние фактора одушевлённости, одушевлённый референт скорее будет выражаться префиксом, кроме случаев, где расстояние от предыдущего упоминания составляет 3 ЭДЕ или больше. Обратная ситуация происходит с неодушёвленным топиком — он выражается именной группой, за исключением тех случаев, где расстояние от предыдущего упоминания составляет менее 3 ЭДЕ. На материале текстов из Джамбечий наблюдается сходная картина, отличающаяся только отсутствием влияния фактора протагонистичности на референциальный выбор.

В сравнении с другими языками, например, с русским в работе А. А. Кибрика [1997], в адыгских языках для референциального выбора почти недоступны местоимения — их заменяют личные префиксы. Перспективным направлением представляется сравнительный анализ стратегий референциального выбора в адыгских и других полисинтетических языках.

Литература

Аркадьев и др. 2009 — П. М. Аркадьев, Ю. А. Ландер, А. Б. Летучий, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец. Введение. Основные сведения об адыгейском языке // Я. Г. Тестелец (отв. ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 17–120.

Кибрик и др. 2022 — А. А. Кибрик, В. И. Подлесская (ред.). Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009.

Кибрик 1997 — А. А. Кибрик. Моделирование многофакторного процесса: выбор референциального средства в русском дискурсе // Вестник МГУ. 1997. Т. 4. С. 94–105.

Ландер 2012 — Ю. А. Ландер. Релятивизация в полисинтетическом языке: адыгейские относительные конструкции в типологической перспективе. Дисс.… канд. филол. наук. Москва: РГГУ, 2012.

Kibrik 1999 — A. Kibrik. Reference and Working Memory: Cognitive inferences from discourse observations // K. van Hoek, A. A. Kibrik, L. Noordman (eds.). Discourse studies in cognitive linguistics. Selected papers from the 5th International Cognitive Linguistics conference. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 29–52.

Е. Е. Шведова

НИУ ВШЭ, Москва

МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЙ СТАТУС ГЛАГОЛЬНЫХ ПОРОД В ХРИСТИАНСКОМ УРМИЙСКОМ[1]

В христианском урмийском (< новоарамейские < семитские < афразийские), как и в других семитских языках, существуют глагольные классы, в традиционной терминологии называемые «**породами**». Породы можно описать, с одной стороны, как **словоизменительные типы** (или спряжения [Плунгян 2003: 54]), с другой стороны, как **актантную деривацию**. Цель настоящего доклада — определить морфосинтаксический статус пород в христианском урмийском, проанализировав урмийскую глагольную систему в типологической перспективе.

Устройство урмийской глагольной системы можно описать следующим образом. Корень глагола состоит из двух, трёх или четырёх согласных, видо-временные формы образуются с помощью гласных, вставляемых между согласными корня, а лично-числовое согласование кодируется аффиксально. Для каждой видо-временной формы существует несколько алломорфов, например, основа Претерита может выглядеть как *ССəС-* или как *СиСəС-*, где *С* — слот для корневого согласного. Выбор алломорфа определяется лексически, а именно принадлежностью глагола к той или иной породе. В грамматике [Khan 2016a] выделяется пять пород (I, II, III, QI, QII). Например, глагол *š-k-l* ‘брать’ относится к I породе и имеет основу Претерита *škəl-*, а *l-b-l* ‘нести’ относится ко II породе с основой Претерита ***lu****bəl-*. Кроме то-

[1] Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-01009 «Ареально-типологическое описание новоарамейских идиомов Армении».

го, у некоторых глаголов есть однокоренные корреляты в нескольких породах, тогда породы ассоциированы с определённым значением: I порода является базовой и немаркированной, а II и III породы являются каузативными дериватами от I породы, ср. *d-m-x* I ‘спать’ и *d-m-x* III ‘заставлять спать’.

В докладе мы ответим на следующие вопросы, касающиеся статуса урмийских пород: (i) по каким критериям в урмийском выделяется пять пород, является ли это описание оптимальным с синхронной точки зрения? (ii) насколько продуктивны разные породы в урмийском и каков их деривационный потенциал? (iii) насколько распределение глаголов по породам мотивировано семантикой, и какую семантику добавляет порода? (iv) как урмийская система соотносится с породами других арамейских языков и что такое сравнение может сказать о пути исторического развития арамейских пород?

Материал исследования — словарь урмийских глаголов, который мы создали, опираясь на словарь [Khan 2016b] и данные элицитации. Словарь содержит морфологическую и семантическую разметку, а также информацию о деривационных связях между глаголами. Помимо словаря, использовались данные, полученные при элицитации типологических анкет для определения валентностных профилей различных арамейских языков [Haspelmath 1993; Nichols 2023], собранные в 2024–2025 гг. в селе Верин-Двин (Армения) и городе Крымск (Россия, Краснодарский край). Данные были проанализированы с использованием количественных методов.

В ходе исследования выяснилось, что продуктивность и деривационный потенциал пяти урмийских пород сильно различаются. В докладе мы предложим новое описание урмийской глагольной системы, показав, что на морфологических основаниях в урмийском выделяются только два класса глаголов, так как в породах II, III, QI и QII модели образования основ одинаковы. С семантической точки зрения, только одна из традиционно выделяемых пород (III порода) является продуктивным каузативом. С формальной точки зрения эту породу можно описать не как отдельный словоизменительный тип, а как деривацию внутри одного из двух глагольных классов, выделяемых на морфологических осно-

ваниях. Мы также сравним урмийские породы с породами других семитских языков, таких как арабский и иврит.

С диахронической точки зрения, глагольная система христианского урмийского претерпела сильные изменения по сравнению с более ранними этапами развития арамейских языков — например, полностью исчезли три детранзитивные породы, отвечающие в том числе за выражение понижающей актантной деривации. В докладе мы обсудим, как были перераспределены функции исчезнувших пород, и уделим особое внимание обширному классу урмийских лабильных глаголов.

Литература

Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. Изд. 2-е, исправленное. Москва: Едиториал УРСС, 2003.

Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. More on the Typology of Inchoative/Causative Verb Alternations // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). Causatives and Transitivity. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1993. P. 87–120.

Khan 2016a — G. Khan. The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Volume 1. Grammar: phonology and morphology. Leiden, Boston: Brill, 2016.

Khan 2016b — G. Khan. The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Volume 3. Lexical studies and dictionary. Leiden, Boston: Brill, 2016.

Nichols 2023 — J. Nichols. Realization of the causative alternation: Revised wordlist and examples. Manuscript, 2023.

Е. В. Шерстнева

НИУ ВШЭ, Москва

ВЕРХУШКА АЙСБЕРГА: О СВОЙСТВАХ И РАЗВИТИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ РЕЛЯЦИОННЫХ ИМЁН В АМГУЭМСКОМ ДИАЛЕКТЕ ЧУКОТСКОГО ЯЗЫКА[1]

В научной литературе распространена точка зрения, согласно которой в чукотском языке отсутствуют пространственные реляционные имена [Мальцева 2005; Dunn 1999]. По мнению А. А. Мальцевой, в истории чукотского языка реляционные имена начали инкорпорировать ориентир и потеряли самостоятельность, став деривационными аффиксами. Однако наши данные демонстрируют, что в чукотском языке существуют пространственные реляционные имена, не морфологизованные в аффиксы.

В докладе обсуждается модель образования реляционных имён от пространственных наречий. В качестве примера рассмотрим две единицы: *ɣərɣosa* ‘наверху’ и *ɣərɣosen* ‘верхушка’.

Единица *ɣərɣosen* ‘верхушка’ является реляционным именем: имеет полную парадигму и зависимое в относительной форме (1). У некоторых носителей номинатив имеет форму *ɣərɣos* (косв. *ɣərɣosə-*), а часть носителей не имеет такого имени в лексиконе. Наречие *ɣərɣosa* ‘наверху’, в свою очередь, имеет только пространственные формы (2).

(1) *pʔupuqə-**kin*** ***ɣərɣose-n***
полярная_морковь-REL верхушка-NOM.SG
‘головка полярной моркови (место, где начинается ботва)’ / *‘поверхность полярной моркови’

---

[1] Данные собраны методом элицитации в ходе полевой работы с носителями чукотского языка в экспедиции в село Амгуэма Чукотского автономного округа в 2025 году.

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году.

(2) *senłe-**k*** ***ɣərɣosa***
ящик-LOC вверху
‘над ящиком’

Имя *ɣərɣosen* обозначает часть ориентира, наречие *ɣərɣosa* — локализацию. Так, *ɣərɣosa*, в отличие от *ɣərɣosen*, невозможно плюрализовать (3) и модифицировать (4).

(3) а. **murə-k ɣərɣosa-t enarałʔə-t*
мы-LOC вверху-NOM.PL сосед-NOM.PL
nə-qasɣajpə-qena-t
ST-становиться_буйным-ST.3-PL
Ожид. ‘Над нами [на много этажей вверх] шумят соседи’.
б. *senłe-kin ɣərɣosena-t*
ящик-REL верхушка-NOM.PL
‘поверхности ящика’

(4) а. **penjołɣə-k owʔała-ɣərɣosa*
костёр-LOC тёмный-вверху
Ожид. ‘в темноте над костром’
б. *senłe-kin sełɣə-ɣərɣose-n*
ящик-REL красный-верхушка-NOM.SG
‘красная поверхность ящика’

В пространственных контекстах разница между *ɣərɣosa* и *ɣərɣosen* нейтрализуется. Форма реляционного имени с регулярным локативом означает локализацию ON (5а), а *ɣərɣosa* покрывает область сразу двух локализаций — ABOVE и ON (5б), — а иногда является единственным способом выразить ON.

(5) а. *ɣərʔoŋawət senłe-**kin*** ***ɣərɣose-k***
муха.NOM.SG ящик-REL верхушка-LOC
‘Муха на ящике’.
б. *ɣərʔoŋawət senłe-**k*** ***ɣərɣosa*** / *senłe-**kin*** ***ɣərɣosa***
муха.NOM.SG ящик-LOC вверху ящик-REL вверху
‘Муха [сидит] на ящике’. / ‘Муха [летает] над ящиком’.

Варьируется и падежная форма ориентира. Для небольшой части носителей она является смыслоразличительной: «ориентир-REL *ɣərɣosa*» кодирует ON, «ориентир-LOC *ɣərɣosa*» — ABOVE (6а–б).

Для большинства же, независимо от падежной формы ориентира, это сочетание может выражать значения ON и ABOVE (ср. (5)).

(6) а. *ɣərʔoŋawət* *wiwər**-kin*** ***ɣərɣosa***
муха.NOM.SG доска_для_выделки_шкур-REL вверху
‘Муха [сидит] на верхушке доски для выделки шкур’.

б. *ɣərʔoŋawət* *wiwərə**-k***
муха.NOM.SG доска_для_выделки_шкур-LOC
ɣərɣosa *riŋemjetə-rkən*
вверху [2/3SG.S/A]летать-IPFV
‘Муха летает над доской для выделки шкур’.

Вероятно, в случае с *ɣərɣosa* и *ɣərɣosen* имеет смысл говорить о пространственной конструкции (Таблица 1), где от носителя к носителю меняются ограничения на заполнение слотов и локализационные значения.

Таблица 1. Заполнение слотов пространственной конструкции

Ориентир	-CASE	Пр. основа	Значение
	-REL	RELN. *ɣərɣose-k*	ON
	-LOC	ADV. *ɣərɣosa*	ABOVE

Для послелога *qasa* ‘около’ обнаруживаются схожие ряды лексем (см. Таблицу 2). В словаре [Венстен 2018] встречаются и другие деадвербиальные реляционные имена, например, *ewəsen* ‘низ’ (< *ewəsa* ‘внизу, под’).

Таблица 2. Пары пространственных наречий и реляционных имён

ɣərɣosa ADV. ‘наверху’	*ɣərɣosen* RELN. ‘верхушка’
qasa POSTP. ‘около’	*qasen* RELN. ‘окрестность’

Образование имён от пространственных наречий практически не освещается в типологической литературе. В языках, где такая модель существует, деадвербиальные имена имеют абстрактное

значение (*backness* ‘заднее положение’, *ups and downs* ‘взлёты и падения’). Обычно процесс имеет обратное направление: пространственные наречия грамматикализуются из реляционных имён [Heine, Kuteva 2002]. Имя *ɣərɣosen,* таким образом, имеет значение, которое ожидается от исходной единицы, а не от грамматикализованного наречия. Необычен и переход ABOVE > ‘верхняя часть’: чаще наблюдается метонимический переход от части объекта к области, примыкающей к этой части [Svorou 1994].

Список условных сокращений

A — активный участник переходной конструкции; ABOVE — область пространства над ориентиром; ADV — наречие; LOC — локатив; NOM — номинатив; ON — область пространства на поверхности ориентира; PL — множественное число; POSTP — послелог; REL — показатель относительной формы существительного; RELN — реляционное имя; S — единственный участник непереходной конструкции; SG — единственное число; ST — статив.

Литература

Венстен 2018 — Ш. Венстен.Чукотско-французско-англо-русский словарь. В 3-х т. 2-е изд. Анадырь, СПб.: Лема, 2018.

Мальцева 2005 — А. А. Мальцева. Грамматические средства выражения пространственных отношений (на материале чукотско-корякских языков) // Н. Н. Широбокова (отв. ред.). Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск: ИД «Ника», 2005. С. 42–74.

Dunn 1999 — M. Dunn. A Grammar of Chukchi. PhD dissertation. Canberra: Australian National University, 1999.

Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Svorou 1994 — S. Svorou. The Grammar of Space. Amsterdam: John Benjamins, 1994.

Ф. Г. Шушурин

НИУ ВШЭ, Москва

БИАБСОЛЮТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Введение. В докладе приведены результаты анализа ингушских аналитических конструкций с глаголами *д-а*, *д-оал* + причастная форма на *-ш*, образующих т. н. биабсолютивную конструкцию (далее BIABS). Несмотря на то, что отдельные свойства этих конструкций упоминались, например, в работах [Nichols 2011; Forker 2012], их подробный анализ ранее не проводился. Свойства данной конструкции рассматриваются в сравнении с другими аналитическими (не биабсолютивными) конструкциями с глаголом *лаатт*, что позволяет выделить особенности, характерные именно для BIABS.

Данные. В ингушском языке существуют два вспомогательных глагола — *д-а* ‘быть’ и *д-оал* ‘идти’ — образующих аналитические конструкции с причастиями на *-ш*, субъект которых должен иметь абсолютивное маркирование при переходном предикате (собственно биабсолютивные конструкции).

(1) а. *Ахмад-о кор хьадело.*
А.-ERG окно открывать.PRS
‘Ахмад открывает окно’.[1]

б. *Ахмад кора-ш хьадела-ш в-оал / в-а.*
А. окно-PL открывать-PTCP V-ИДТИ / V-БЫТЬ
‘А. открывает окна (PROG/HAB)’.
(неграмматично с ERG маркированием субъекта)

Другие вспомогательные глаголы, в частности *лаатт* ‘стоять’, образуют аналитические конструкции, сохраняющие исходное падежное маркирование предиката.

[1] Все примеры получены в ходе элицитаций с тремя носителями.

(2) *Ахмад-о кор хьадела-ш лаатт.*
А.-ERG окно открывать-PTCP СТОЯТЬ
‘Ахмад открывает окно (прямо сейчас)’.

Свойства ингушской BIABS.

— Одушевлённость. Подлежащее BIABS должно быть одушевлённым. Замена *Ахмад* на *мух* ‘ветер’ в (1б) ведёт к неграмматичности.

— Возможность вложенного отрицания. Биабсолютивная конструкция возможна с отрицательной формой причастия (3). Для сравнения, с глаголом *лаатт* вложенное отрицание строго неграмматично (4).

(3) *Ахмад кор хьа-ца-дела-ш в-оал.*
А. окно PRV-NEG-открывать-PTCP V-ИДТИ
‘УАхмада не открывается окно’.

(4) **Ахмад-о кор хьа-ца-дела-ш лаатт.*
А.-ERG окно PRV-NEG-открыть-PTCP стоять
Ожид. ‘УАхмада не открывается окно (прямо сейчас)’.

— Аспектуальные свойства. Глагол *д-а* — во всех типах предикатов наблюдается хабитуальная интерпретация (1б; 5б).

(5) а. *Аслан-а ахча иеш.*
А.-DAT деньги нуждаться
‘Аслану нужны деньги’.

б. *Аслан ахча иеша-ш в-а.*
А. деньги нуждаться-PTCP V-БЫТЬ
‘Аслану нужны деньги’.

Глагол *д-оал* — с динамическими глаголами проявляется прогрессивная интерпретация (1б), со стативными предикатами (например, *деза* ‘любить’) употребление BIABS с *д-оал* неграмматично (6).

(6) **Ахмад хьайба-ш деза-ш в-оал.*
А. животное-PL любить-PTCP V-ИДТИ
Ожид. ‘Ахмад любит животных’.

Приведённые факты позволяют сделать вывод, что все аспектуальные значения BIABS конструкции имперфективны. Для срав-

нения, аналитическая конструкция с *лаатт* допускает инхоативное (перфективное) значение (7б), что недопустимо для конструкций с *д-а* и *д-оал*. По-видимому, имперфективная интерпретация является инвариантом всех аспектуальных интерпретаций BIABS конструкции.

(7) а. *Сона Зарина йовз.*
я.DAT З. знать.PRS
‘Я знаю Зарину’.
б. *Сона Зарина йовз-аш лаатт-ар.*
я.DAT З. знать-PTCP стоять-PST
‘Я начал узнавать Зарину’. (то же с ERG-ABS предикатами)

Свойства исходных предикатов. BIABS образуется от глаголов с исходным ERG (1б), DAT (5б) или GEN (8б) маркированием подлежащего. Имперфективная конструкция с аналогичными ограничениями (ограничение на одушевлённость агенса, возможность вложенного отрицания) образуется также и от одновалентных предикатов с абсолютивным субъектом — это означает, что наличие двух абсолютивных аргументов не является необходимым признаком BIABS конструкции.

(8) а. *Са Іаж баа дага доагІа.*
я.GEN яблоко есть сердце.ADV приходить.PRS
‘Я хочу съесть яблоко’.
б. *Со Іаж баа дага*
я.ABS яблоко есть сердце.ADV
доагІа-ш в-а-р.
приходить-PTCP V-быть-PST
‘Я хотел съесть яблоко’.

(9) *Аслан кхувсло / кхувсло-ш в-оал.*
А. прыгать.PRS / прыгать-PTCP V-ИДТИ
‘Аслан прыгает (обычно/сейчас)’.

Выводы. Многие свойства ингушской BIABS конструкции (запрет на неодушевлённые субъекты, возможность отрицания на лексическом глаголе и т. д.) типичны для нахско-дагестанского ареала. Вместе с этим, ингушская BIABS обнаруживает ряд уни-

кальных свойств: в то время как в дагестанских языках BIABS конструкция образуется практически всегда от DAT-ABS или ERG-ABS глаголов, в ингушском языке она видимо *не имеет ограничений на исходные свойства предиката*.

Список условных сокращений

V — классно-числовой показатель; ABS — абсолютив; ADV — адвербиализатор; DAT — датив; GEN — генитив; ERG — эргатив; HAB — хабитуалис; NEG — отрицание; PL — множественное число; PROG — прогрессив; PRS — настоящее время; PRV — преверб; PST — прошедшее время; PTCP — причастие.

Литература

Forker 2012 — D. Forker. The bi-absolutive construction in Nakh-Daghestanian // Folia Linguistica. 2012. Vol. 46. № 1. P. 75–108.

Nichols 2011 — J. Nichols. Ingush grammar (UC Publications in Linguistics. Vol. 143). Berkeley: University of California Press, 2011.

Anastasia Andreeva

HSE University, Moscow

ENGLISH AND GERMAN INTENSIFIERS OF COMPARATIVE DEGREE: LEXICAL SOURCES AND SEMANTIC DEVELOPMENT (THE CASES OF ENGLISH *MILE*(*S*) AND GERMAN *UM LÄNGEN*)[1]

Intensifiers are linguistic devices that scale the quality denoted by the item they are applied to: ***highly*** *complex*. Literature on intensification, particularly in the English language, is extensive; see [Fettig 1935; Bolinger 1972; Paradis 1997; Claridge et al. 2024]. Still, not all types of intensifiers have received much scholarly attention. Specifically, the group of intensifiers that modify comparative forms of adjectives and adverbs (e.g. ***far*** *greater*, but **far great*) is often overlooked. This work aims to analyze the semantic development of such intensifiers in modern English and German.

It has been shown that Germanic intensifiers originate from a variety of semantic domains including quantity and size, value and truth, emotions, manner, etc. [Klein 1998; Lorenz 2002; Claudi 2006]. Based on collocation lists retrieved from BNC, COCA, NOW (for English), DWDS and DeReKo (for German), I have identified lexemes and expressions that function as intensifiers of comparatives in the two languages. I demonstrate that the range of domains giving rise to intensifiers of this subgroup is rather limited: the two primary sources are quantity and size (e.g. English ***heaps*** *better*, German ***viel*** *jünger* 'much younger') and space (English *easier* ***by far***, German ***weit*** *grösser* 'far bigger'). Additionally, some intensifiers develop out of lexemes expressing the speaker's subjective evaluation (English ***significantly*** *safer*, German ***erheblich*** *höher* 'considerably higher').

[1] The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-18-00879 "Principles of polysemy and colexification: the boundaries of what is possible".

Two relatively new intensifiers at the intersection of "space" and "quantity and size" — English *mile*(*s*) (1) and German *um Längen* lit. 'by lengths' (2) — were selected for a more detailed analysis from a constructionalist perspective on language change [Traugott, Trousdale 2013]. The micro-diachronic analysis is based on data from the corpora mentioned above (with the addition of COHA and iWeb).

(1) *They're* ***miles more interesting*** *than most of these guys.* (2013, *talking-time.net* [iWeb])

(2) *Dein Kommentar ist* ***um Längen ausgewogener***. 'Your comment is far more balanced'. (2010, *zanjero.de* [DWDS])

I argue that the measure noun *mile* became an intensifier due to a combination of factors. The usages of *miles* with a spatial adverb and no quantifier (3) might have invited the inference of large distance, which, in turn, gave rise to the degree reading of *miles*. Moreover, an already grammaticalized item belonging to the same subgroup of intensifiers — *far* — may have served as an analogical model for *mile*(*s*). This parallels the development of the intensifier *way*, for which *far* has also provided an analogical template [Margerie 2020]. Finally, hyperbolic and metaphoric usages of the word *mile*, e.g. in the idiom *to beat/miss* ***by a mile***, might have also contributed to the rise of the intensifier; compare (4).

(3) *We had driven half an hour amid the most luxuriant hedge rows, which extended* ***miles further.*** (1860 Ingraham, *The sunny South* [COHA])

(4) *It's a controllable environment, and a more comfortable one — and it's* ***cheaper by a mile***. (2015, *flavorwire.com* [iWeb])

For the German *um Längen*, the degree reading might have first become available through usage with verbs of comparison (5), and via metaphorical extension from contexts involving spatial adverbs (6), as such usages predate the examples with comparatives. Furthermore, an entrenched intensifier *weit* might have provided an analogical model for *um Längen.*

(5) *Hier* ***überrundet*** *Wisbars Film den Stern von Afrika* ***um Längen***. 'In this respect, Wisbar's film surpasses "Star of Africa" by far'. (1957, *Die Zeit* [DeReKo])

(6) *Als man dort vor einiger Zeit über die Beliebtheit der Stars abstimmen ließ, erwies sich, daß Crosby* ***um Längen vorne*** *lag.* 'When a vote was held on the popularity of the stars some time ago, it turned out Crosby was miles ahead'. (1947, *Der Spiegel* [DeReKo])

In my talk, I will elaborate on the suggested scenarios while providing corpus evidence, and discuss similarities in the development and usage of the two intensifiers.

Sources

BNC — Davies, Mark. (2004). British National Corpus (from Oxford University Press). Available online at https://www.english-corpora.org/bnc/.

COCA — Davies, Mark. (2008-). The Corpus of Contemporary American English (COCA). Available online at https://www.english-corpora.org/coca/.

COHA — Davies, Mark. (2010). The Corpus of Historical American English (COHA). Available online at https://www.english-corpora.org/coha/.

DeReKo — Leibniz-Institut für Deutsche Sprache. (2025). Deutsches Referenzkorpus / Archiv der Korpora geschriebener Gegenwartssprache 2025-I-RC1 (RC vom 31.01.2025). Mannheim: Leibniz-Institut für Deutsche Sprache. www.ids-mannheim.de/dereko.

DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. https://www.dwds.de/d/wb-dwdswb.

iWeb — Davies, Mark. (2018). The iWeb Corpus. Available online at https://www.english-corpora.org/iWeb/.

NOW — Davies, Mark. (2016-) Corpus of News on the Web (NOW). Available online at https://www.english-corpora.org/now/.

References

Bolinger 1972 — D. Bolinger. Degree words. The Hague, Paris: Mouton, 1972.

Claridge et al. 2024 — C. Claridge, E. Jonsson, M. Kytö. Intensifiers in Late Modern English: A Sociopragmatic Approach to Courtroom Discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 2024.

Claudi 2006 — U. Claudi. Intensifiers of adjectives in German // Language Typology and Universals. 2006. Vol. 59. № 4. P. 350–369. https://doi.org/10.1524/stuf.2006.59.4.350

Fettig 1935 — A. Fettig. Die Gradadverbien im Mittelenglischen. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1935.

Klein 1998 — H. Klein. Adverbs of Degree in Dutch and Related Language. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1998. https://doi.org/10.1075/la.21

Lorenz 2002 — G. Lorenz. Really worthwhile or not really significant? A corpus-based approach to the delexicalization and grammaticalization of intensifiers in Modern English. (Typological Studies in Language). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 143–161. https://doi.org/10.1075/tsl.49.11lor

Margerie 2020 — H. Margerie. Am I Way Wrong on this One? On the Multiple Semantic Sources and Paths of Development of the Amplifier Way // Lexis [Online]. 2020. Vol. 16. URL: http://journals.openedition.org/lexis/4733 ; https://doi.org/10.4000/lexis.4733

Paradis 1997 — C. Paradis. Degree Modifiers of Adjectives in Spoken British English. Lund: Lund University Press, 1997.

Traugott, Trousdale 2013 — E. C. Traugott, G. Trousdale. Constructionalization and Constructional Changes. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Artyom Badeev

HSE University, Moscow — IL RAS, Moscow

MASS NUMBER IN SHUGHNI?

In Shughni (< Eastern Iranian), nouns of feminine gender can trigger masculine agreement when they denote a collective entity [Karamshoev 1986: 118]. This claim is supported by examples from recent fieldwork, presented in [Parker 2023]:

(1) a. *čāy=i* ***wam*** *mūn* *xud?*
who=3SG D3.OBL.SG.F apple eat.PST
'Who ate that apple?'

b. ***yu*** *mūn* *či-nd*
D3.NOM.SG.M apple who.OBL-POSS
'Whose (pile of) apple(s) is that?'[Parker 2023: 249]

The formation of mass nouns is typically motivated by the number-differentiability threshold, which is itself constrained by the Animacy Hierarchy [Corbett 2019: 79]. Certain "inanimate" nouns do not have plural forms, some of them are uncountable, and therefore are below the number-differentiability threshold, see (2).

(2) a. *aray* *x̌icīc* / *piyoz* / **wox̌* /
three currant / onion / grass /
**x̌ac* / **maskā* / **nuqrā* *mu=rd* *dāk*
water / butter / silver 1SG.OBL=DAT give.IMP
'Give me three currants / onions / grasses / waters / butters / silvers'.

b. **x̌icīc-en* / / **piyoz-en* / **wox̌-en* / **x̌ac-en* /
currant-PL / / onion-PL / grass-PL / water-PL /
**maskāy-en* / **nuqrāy-en* *mu=rd* *dāk*
butter-PL / silver-PL 1SG.OBL=DAT give.IMP
'Give me currants / onions / grasses / waters / butters / silvers'.
[elicitation, 2025]

However, the actual threshold for mass formation in Shughni is evidently higher than "inanimate", since lexemes denoting "lower animate" entities such as ants, worms, fishes, birds, etc. switch to agreement in masculine if conceptualized as a mass (3), following the pattern discussed above. Nouns denoting entities higher in the Animacy Hierarchy, such as "higher animate" and "human", are largely immune to mass formation via a shift to masculine agreement.

(3) *mūrʒak* f. 'ant'
a. *čis carāng ɣullā mūrʒak půnd tīzd=at*
look.IMP how big ant way go.PRS.3SG=CONJ
mā-raf pi ***dam***
PROH-touch.IMP UP D2.F.SG.OBL
'Look what a big ant is walking, but do not touch it'.
b. <…> *mā-raf pi* ***di***
PROH-touch.IMP UP D2.M.SG.OBL
'Look what a (bunch of) big ant(s) is walking, but do not touch it'.
c. <…> *mā-raf pi* ***dev***
PROH-touch.IMP UP D2.PL.OBL
'Look what big ants are walking, but do not touch them'. [elicitation, 2025]

The case of defective nouns (2) is of particular interest. They are (at least normally) uncountable, do not form plural and denote mass entities. However, they still can switch to agreement in masculine (4). In (4b), *x̌ac* 'water' refers to a substance that cannot be contained and whose quantity is indefinable, as opposed to (4a), where the amount is more or less concrete.

(4) a. *māš=ard=en lapaθ x̌ac xoli čud=ata*
we=DAT=3PL much water pour make.PST=CONJ
māš-and ***wam*** (****wi***) *fukaθ na-biroxt*
we-LOC D3.F.SG.OBL D3.M.SG.OBL all NEG-drink.PST
'They gave us a lot of water, but we didn't drink all of it'.
b. *ar panǰ daryo cůndik x̌ac?*
DOWN P. river how_much water

di *isob čīd na-boft*
D2.M.SG.OBL count make.INF NEG-be_able.PRS.3SG
'How much water is there in the Panǰ river? It cannot be counted'. [elicitation, 2025]

Perhaps, mass formation via switching to agreement in masculine is not an irregularity, but a distinct grammatical category to be called, for instance, "mass number". Masculine singular and mass share the same grammatical marking. Thus, the use of formally masculine agreement with nouns of feminine gender is a matter of number, rather than gender.

The distinction between count and mass becomes evident when feminine singular nouns shift to denote mass/collective objects. With nouns of masculine gender, this distinction is neutralized. This "mass number" category is applied to the "second system" as opposed to the "top system" governing the upper part of the Animacy Hierarchy, where only singular vs. plural distinction exists. A split between two systems is not typologically uncommon, see [Corbett 2004: 120] for the discussion.

Abbreviations

1, 3 — 1st, 3rd person; CONJ — conjunction; D1, D2, D3 — proximal, medial, distal demonstrative; DAT — dative case; F — feminine; IMP — imperative; INF — infinitive; DOWN, UP — locative prepositions; M — masculine; NEG — negation; NOM — nominative case; OBL — oblique case; PL — plural; POSS — possessive; PROH — prohibitive; PRS — present tense; PST — past tense; SG — singular.

References

Corbett 2004 — G. G. Corbett. Number. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Corbett 2019 — G. G. Corbett. Pluralia tantum nouns and the theory of features: A typology of nouns with non-canonical number properties // Morphology. 2019. Vol. 29. P. 51–108.

Karamshoev 1986 — D. Karamshoev. Kategorija roda v pamirskix jazykax (šugnano-rušanskaja gruppa). Vypusk 2. [Gender in Pamiri languages (Shugni-Rushani). Vol. 2.]. Dushanbe: Donish, 1986.

Parker 2023 — C. Parker. A Grammar of the Shughni Language. PhD dissertation. Montreal: McGill University, 2023.

Kirill Medushevsky

HSE University, Moscow

FOREST NENETS GLOTTAL STOP PHONOLOGY[1]

Forest Nenets (FN; < Samoyedic < Uralic) is spoken in Yamalo-Nenets okrug, Russia. The data is from the author's fieldwork in Kharampur and Tarko-Sale in July–August, 2025.

In FN there is a glottal stop phoneme /ʔ/ [Salminen 2007; Sammallahti 1974], which diacronically evolved from Coda voiceless obstruents /t/, /s/ [Janhunen 1986]. There are two allophones of /ʔ/: glottal stop [ʔ], which is an elsewhere allophone (1), and aspiration [ʰ], which occurs before [-voice] obstruents or, for some speakers, only before [-son] segments (2), as some speakers use aspiration [ʰ] before [d′] (3) and fricatives, while other use [ʔ] in these contexts.

(1) *niʔni*	young_man 'young man'	
saʔlaʰku	stupid 'stupid'	
ṕiʔḿa	pants 'pants'	
l'empáʔl'u	butterfly 'butterfly'	
(2) *teʰ-š°*	collect_berries-CVB	'collecting berries'
λuʰsa	Russian 'Russian'	
ḿaʰ-t°	chum-DAT 'into chum'	
ẃeʰk°	neck 'neck'	
(3) *teʔ-d'a-n° ~ teʰ-d'a-n°*	collect_berries-SFS-1SG>PL 'I collect berries'	
tuʔ-d'ăʔaj° ~ tuʰ-d'ăʔaj°	fat-AUG 'big piece of fat'	

[1] The results of the project "Language and Cognitive Diversity in Formal Models, Computer Tools and Educational Resources" at Laboratory for Arctic Social Sciences and Humanities, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2025, are presented in this work.

There are also forms where a vowel epenthesis takes place (4). An SPE-type rule for epenthesis is proposed in (5). Note that the FN lateral fricatives /λ/, /λ′/ are considered [+son] despite being voiceless, as they diacronically emerged from rhotics or liquids; therefore, epenthesis occurs in (4d, e).

In (6) an analysis of Surface Representations of *šěʔew°* ‘seven’ and *d′eʔwa* ‘sticks holding the pot over the fire’ is provided. Such an analysis leads to a proposition that *ʔ[+son]{C, #} clusters are banned in outputs, so [ʔ] occurs before sonorants only when a vowel occurs after [+son] in the output.

(4) a. /waʔw°/ → *wăʔaw°* bed ‘bed’
b. /ŋuʔ-m°na/ → *ŋŭʔu-m°na* trace-PROL ‘following (postpos.)’
c. /ḿaʔ-j°/ → *ḿăʔa-j°* chum-POSS.1SG ‘my chum’
d. /ḿaʔ-λ°/ → *ḿăʔa-λ°* chum-POSS.2SG ‘your chum’
e. /paʔλ°ta-ŋa-t°/ → *păʔaλ°ta-ŋa-t°* trick-GFS-1SG ‘I tricked (someone)’

(5) ø → V / Vʔ__[+son]°

(6) /šeʔw°/ → *šěʔew°*
/jeʔwa/ → *d′eʔwa*

It is also important that the vowels around [ʔ] undergo length metathesis and vowel harmony — the same mechanism is observed for processes that vowels undergo around [x] [Salminen 2007; Zubkova 2025]. In (7) it is shown that not only an epenthesis takes place, as was proposed in (4), but also a length metathesis: the underlying long vowel of the first syllable is shortened and the second, epenthesized vowel becomes long.

(7) /waʔw°/ → *wăʔaw°* bed ‘bed’
/waʔw°-j°/ → *waʔwă-j°* bed-POSS.1SG ‘my bed’

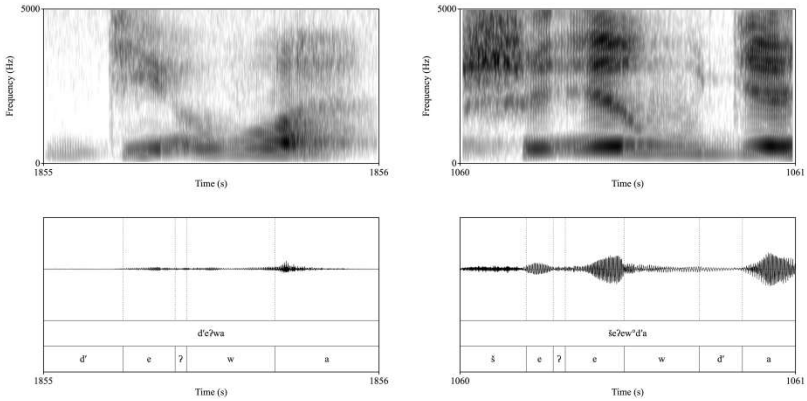


Figure 1. Spectrograms and waveforms of
d'eʔwa ‘sticks holding the pot over the fire’ and *šěʔew° d'a* ‘seven lands’

Abbreviations

1, 2 — 1st, 2nd person; AUG — augmentative; CVB — converb; DAT — dative; GFS — General Finite Stem [Burkova 2022]; IMP — imperative; PL — plural; POSS — possessive marker; PROL — prolative; SFS — Special Finite Stem [Burkova 2022]; SG — singular.

References

Burkova 2022 — N. Burkova. Nenets // M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds). The Oxford guide to the Uralic languages. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 674–708.

Janhunen 1986 — J. Janhunen. Glottal stop in Nenets. (Mémoires de la Société Finno-ougrienne = Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia, Vol. 196). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1986.

Salminen 2007 — T. Salminen. Notes on Forest Nenets phonology // J. Ylikoski, A. Aikio (eds.). Sámit, sánit, sátnehámit. Riepmočála Pekka Sammallahtii miessemánu 21. beaivve 2007, Vol. 253. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2007. P. 349–372.

Sammallahti 1974 — P. Sammallahti. Material from Forest Nenets. Helsinki: Castrenianum, 1974.

Zubkova 2025 — V. Zubkova. Much ado about nothing: or a little more about schwa and vowel harmony. Talk at the Forest Nenets fieldwork group seminar, 2025.

Polina Padalka, Elizaveta Korobova

HSE University, Moscow

PROPERTIES OF NON-VERBAL COMPONENTS IN SHUGHNI COMPLEX VERBS[1]

Complex verbs (CVs), i.e. multicomponent verbal lexemes, are a characteristic feature of Iranian languages. Complex verbs consist of a non-verbal component (NVC), which usually conveys the main lexical meaning, and a light verb that carries grammatical meanings. In Shughni, one of the Eastern Iranian Pamir languages spoken in Tajikistan, complex verbs are widely used but have so far received little scholarly attention. The grammars [Karamshoev 1963; Parker 2023] provide only brief descriptions of Shughni complex verbs.

The term *complex verb* applies to a variety of constructions, ranging from lexicalized to compositional and productive ones. In this study, we apply to Shughni CVs a number of diagnostics used in the literature on the syntactic properties of CVs ([Samvelian 2018; Modarresi, Krifka 2021; Dabir-Moghaddam 1997; Driemel 2020], among others). The aim is to establish the syntactic properties of Shughni CVs and explore the boundary between lexicalized and compositional verbal constructions.

During fieldwork conducted in Kharagh in the summer of 2025, we examined approximately 40 Shughni verbs with nominal and adjectival NVCs. In general, the examined lexemes demonstrated uniform syntactic behavior irrespective of NVC type.

The first set of diagnostics focuses on the separability of Shughni CVs — that is, their ability to be interrupted by other syntactic units. The study revealed that Shughni CVs are highly separable: at least as separable as Persian CVs, and possibly even more so. They can be

[1] Support from the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics is gratefully acknowledged.

easily interrupted by second-position clitics, manner adverbs, pronominal objects, and almost always, by NP objects and adjuncts (1).

The second set of tests investigates the modification of non-verbal components with plural markers and adjectives (for nominal NVCs), and with comparative suffixes and adverbs (for adjectival NVCs). Our findings suggest that Shughni NVCs have limited modification possibilities. Nominal NVCs generally allow adjectival modifiers, and adjectival NVCs can be modified with adverbs and take the comparative suffix (2), while modification with plural markers is much less acceptable.

The third part of our analysis concerns the anaphoric properties of nominal NVCs. Speakers' judgments regarding demonstratives with NVC antecedents were inconsistent, though in some contexts they were accepted by a large number of speakers (3). In the examples below, the components of CVs are in **bold**.

(1) a. ***Yax**=um **čū-d**.*
ice=1SG do-PST
'I **froze**'.

b. *Uz=um tar pārk **bůy** gol-en / wev **čū-d**.*
PRN.1SG=1SG EQ park smell flower-PL D3.PL.O do-PST
'I **smelled** the flowers / them in the park'.

(2) a. *Uz=um xu nān xaǰ **fānd** **δo-d**.*
PRN.1SG=1SG REFL mother strong lie give-PST
'I **told** a big **lie** to my mother'.

b. *Tar čīd mu **gārm-di***
EQ house PRN.1SG.O warm-COMP
***su-t**, čim tar dargo.*
become.M.SG-PST than EQ outside
'I **got warmer** in the house than outside'.

(3) *J̌ac **yāx**$_i$ **ču-d**. (%Yu$_i$ šito.)*
water(F) ice(M) do-PST D3.M.SG cold
'The water **froze**. (%It [ice] is cold)'.

In this talk, we will describe the syntactic properties of Shughni CVs in detail and compare our results with the well-documented CV system of Persian. We will also attempt to propose criteria for distin-

guishing CVs from compositional combinations, relying on the diagnostics mentioned above.

Abbreviations

1 — 1st person; COMP — comparative marker; D3 — third series demonstrative; EQ — equative; F — feminine; M — masculine; O — object; PL — plural; PRN — pronoun; PST — past tense; REFL — reflexive; SG — singular.

References

Dabir-Moghaddam 1997 — M. Dabir-Moghaddam. Compound verb in Persian // Studies in the Linguistic Science. 1997. Vol. 27. № 2. P. 25–59.

Driemel 2020 — I. Driemel. Pseudo-incorporation and its movement patterns // Glossa: a journal of general linguistics. 2020. Vol. 5. № 1. Art. 106.

Karamshoev 1963 — D. Karamshoev. Badzhuvskij dialekt shugnanskogo jazyka [The Bajuvi dialect of the Shughni language]. Dushanbe: Institute of Language and Literature, 1963.

Modarresi, Krifka 2021 — F. Modarresi, M. Krifka. Pseudo Incorporation and Anaphoricity: Evidence from Persian // Glossa: a journal of general linguistics. 2021. Vol. 36. № 1. Art. 124.

Parker 2023 — C. Parker. A Grammar of the Shughni Language. PhD thesis. Montreal: McGill University, 2023.

Samvelian 2018 — P. Samvelian. Specific features of Persian syntax. The Ezāfe Construction, Differential Object Marking and Complex Predicates // A. Sedighi, P. Shabani-Jadid (eds.). The Oxford handbook of Persian linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 226–269.

Irina Politova

HSE University, Moscow

DIRECT OBJECT OMISSION WORKS BETTER WITH IMPERATIVE SENTENCES

Background: In some languages, e.g. Russian, direct objects of transitive verbs can sometimes be omitted. The verbs whose DOs can be omitted for semantic reasons are called *labile verbs*. An overview of their properties and typology can be found in [Dixon 1994] and in [Letuchiy 2013]. However, in other cases objects can be omitted not because they are unknown or irrelevant, but rather to avoid redundant mentions of the same argument in close context. DO ellipsis is analyzed within the broader typology of ellipsis in [Thomas 1979], [McShane 2005] and related works.

While less restricted than subject ellipsis [Letuchiy 2024: 166], direct object ellipsis in Russian is nonetheless constrained by some factors, such as the type of a clause: DO ellipsis is more acceptable in adjunct clauses than in complement clauses [Letuchiy 2024: 213]. The present study extends research on factors regulating direct object omission in Russian. The following factors are analyzed: verb polarity (affirmative vs. negative), verb mood (indicative vs. imperative), contextual availability (the presence of mentions of the omitted DO in the context), and verbal number. I hypothesized that negation, imperative mood, overt expression of the DO, and plural verb morphology might facilitate DO omission, resulting in higher rates of grammatical acceptability.

Method: A questionnaire was designed to elicit acceptability judgments for stimuli across different conditions. In total, 64 sentences with direct object omission were constructed, balanced across the four binary variables listed above. There were also 16 filler sentences, all of which were grammatical, half containing a transitive

verb and half — an intransitive verb. Stimuli were divided into four lists, each list contained 16 stimuli and 16 fillers. The participants were asked to evaluate sentences on a 5 point scale, where 1 indicated "unacceptable", and 5 represented "perfectly grammatical and natural". In total, 92 speakers completed the questionnaire, with 15 to 28 respondents per list. Mean acceptability scores that were assigned to the sentences were then analyzed.

Results: Sentences with verbs in the imperative mood were evaluated by speakers as more acceptable than sentences with verbs in the indicative ($p < 0.001$ according to two-sample t-test conducted on the mean scores of the 64 sentences; see Figure 1). For example, the mean score of the stimulus in (1) was 2.93, whereas its imperative counterpart in (2) scored 4.33.

(1) *My vchera postavili yolku$_i$, no Vasya poka ne ukrashaet∅$_i$.*
'We put up a Christmas tree$_i$ yesterday, but Vasya is not decorating ∅$_i$ yet'.

(2) *My uzhe postavili yolku$_i$, no podozhdi, poka ne ukrashaj∅$_i$.*
'We've already put up a Christmas tree$_i$, but wait, don't decorate ∅$_i$ yet'.

The remaining factors showed no significant effect on the acceptability (negation: $p = 0.39$, see Figure 2; overt mentions of the DO: $p = 0.62$, see Figure 3; verbal number: $p = 0.40$ according to Mann-Whitney test, see Figure 4). The analysis conducted on raw participant scores instead of sentence means produced the same results.

Conclusion: The goal of this study was to identify factors that regulate ellipsis of the direct objects. The results indicate that the imperative mood of the verb positively influences the acceptability of sentences with ellipsis. However, the comprehensive list of factors governing ellipsis requires further investigation.

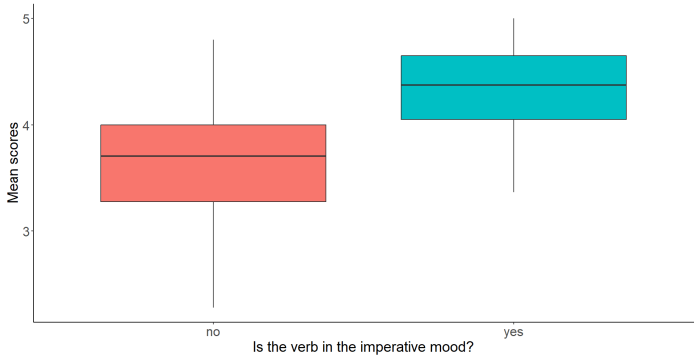


Figure 1. Mean scores with respect to the mood of the verb

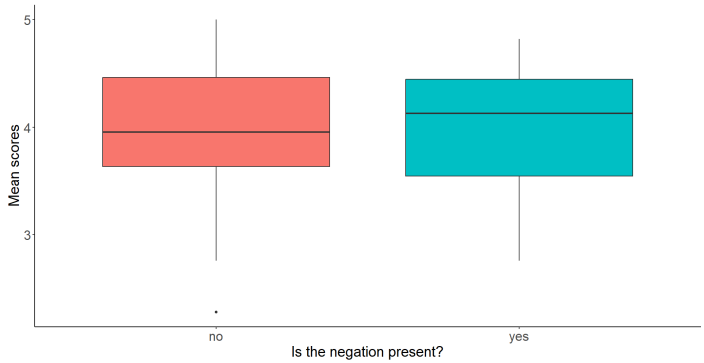


Figure 2. Mean scores with respect to the presence of negation

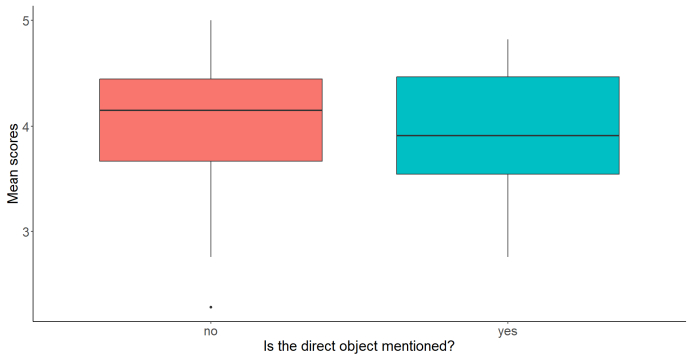


Figure 3. Mean scores with respect to overt mentions of the direct object

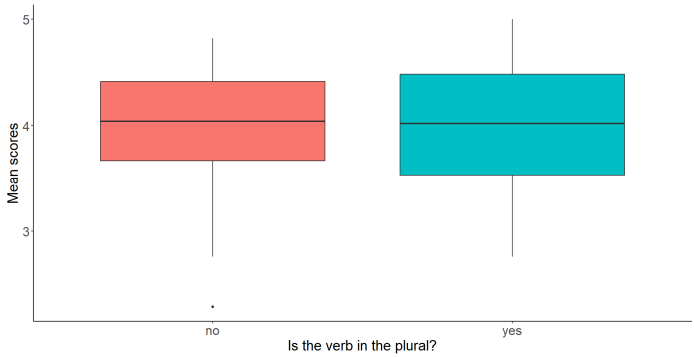


Figure 4. Mean scores with respect to the number of the verb

References

Dixon 1994 — R. M. W. Dixon. Ergativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Letuchiy 2013 — A. B. Letuchiy. Tipologiya labil'nykh glagolov [Typology of labile verbs]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013.

Letuchiy 2024 — A. B. Letuchiy. Russkij sintaksis: strukturnye I nestrukturnye obyasneniya [Russian syntax: structural and non-structural explanations]. Moscow: HSE University Publishing House, 2024.

McShane 2005 — M. J. McShane. A Theory of Ellipsis. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Thomas 1979 — A. L. Thomas. Ellipsis: the interplay of sentence structure and context // Lingua. 1979. Vol. 47. № 1. P. 43–68.

Julia Sinitsyna

MSU, Moscow

METALINGUISTIC COMPARATIVES IN TATYSHLY UDMURT[1]

The study explores how metalinguistic comparatives (MCs) are expressed in Tatyshly Udmurt (< Permic < Uralic, spoken in the Tatyshly district of the Republic of Bashkortostan). I have relied on the field data collected during fieldwork in 2025.

The semantics of an ordinary comparative construction (1) involves a scale of a property belonging to the comparee (John) and a standard of comparison (Bill). Thus, (1) means that the degree d1 (John's height) is compared to the degree d2 (Bill's height) and d1 > d2 ([Bresnan 1973], [Kennedy 2009], etc.). Conversely, MCs (2) deal with the scale of appropriateness, or precision [Morzycki 2011]. These properties apply to the whole proposition. Therefore, when choosing between the propositions 'John is a syntactician' and 'John is a semanticist' the speaker selects the former as the more appropriate description of the situation.

(1) *John is taller than Bill is*.
(2) *John is more a syntactician than a semanticist*. [McCawley 1998]

Cross-linguistically, there are studies on MCs in English [Morzycki 2011], Russian [Zevakhina, Dzhakupova 2015; Zevakhina, Shchipkova 2024], Greek [Giannakidou, Stavrou 2008], Korean [Giannakidou, Yoon 2011], Japanese [Sawada 2010], German [Herburger, Rubinstein 2014], Romanian, French [Goncharov, Irimia 2018], Bulgarian [Goncharov, Irimia 2020], among others. Georgieva [2017] examines the semantics of *-toz′* converbs in Udmurt, which primarily

[1] This research has been supported by Russian Science Foundation grant № 22-18-00285-П.

convey temporal meaning (3) and are also used in clauses expressing preference (4). However, no previous studies of MCs as a separate grammar phenomenon in Udmurt have been conducted.

(3) *Tunne mon* [*šundi̯ pukśi̯-toź*] *uža-j*.
today 1SG sun set-CVB.LIM work-PST[1SG]
'Today I worked until the sun set'. [Georgieva 2018: 91]

(4) … *oti̯n uli̯-toź, śe̯d tel'-i̯n ul-o.*
there live-CVB.LIM dark forest-INE live-FUT[1SG]
'[…] I would rather live in a dark forest than live there'.
[GSUJa 1962: 288, via Georgieva 2018: 93]

In my talk, I am going to discuss the differences in marking strategies used for ordinary comparatives and MCs, for example, acceptability of *-ges* as a comparative parameter marker. Furthermore, the semantic features of MCs will be examined within the framework of the classification originally developed for Russian MCs in [Zevakhina, Dzhakupova 2015].

In Tatyshly Udmurt, the -(*i*)*č'č'ož* converb (dialect form of *-toz'*, see [Danilova 2022; Danilova, Kuznetsova 2021] for its use in temporal contexts in Tatyshly Udmurt) marks the 'standard of comparison' phrase in constructions expressing (im)preferentiality (5a), therefore my findings are consistent with those of Georgieva. The markers *lučʹše* and *čʹem* which are borrowed from Russian, may be optionally expressed in such constructions. The Udmurt counterparts of *lučʹše*, i.e. *äjbät-ges* [good-CMPR], *umoj-ges* [good-CMPR], cannot replace them in such constructions. It is also possible to use two finite verb forms, so the Udmurt construction in (5b) becomes structurally parallel to the Russian one in (6).

(5) a. *Mon* (*lučʹše*) *kul-o-Ø* (*čʹem*) *so-lə̂* *bizʹ-ičʹčʹož.*
I better die-FUT-1SG than 3SG-DAT run-CVB.LIM
b. *Mon lučʹše kul-o-Ø čʹem so-lə̂ bizʹ-o.*
I better die-FUT-1SG than 3SG-DAT run-FUT[1SG]
'I would rather die than marry him'.

(6) *Ja lučʹše umru, čem vyjdu za nego zamuž.*
'I would rather die than marry him'.

The *-č'č'ož* converbs are also attested in MCs expressing (im)probability (7). In these constructions, speakers allow adding a Russian borrowing *skorej* 'sooner'. As for MCs of prototypicality (8), this meaning turned out to be the most difficult to express. Some speakers use the comparative marker *-ges* and *č'em* as a standard marker, others prefer adding a Russian borrowing *bol'še* 'more'.

(7) *So zvonit'$_1$ kar-ič'č'ož$_2$ pil'em us'-o-z.*
3SG call$_{1,2}$-CVB.LIM cloud fall-FUT-3SG
lit. 'The sky will fall before he calls me'.
(= The probability of the sky falling is greater than the probability of him calling me.)

(8) *Mon bol'še kârʒ'a-s' / ʔkârʒ'a-s'-ges č'em art'ist.*
I more sing-PTCP.ACT sing-PTCP.ACT-CMPR than artist
'I am more of a singer than an artist'.

In my talk, I am going to elaborate on the dependence of the morphosyntactic strategy and the semantics of MCs in Tatyshly Udmurt.

Abbreviations

1, 3 — 1st, 3rd person; CMPR — comparative; DAT — dative; FUT — future; CVB.LIM — limitative converb; INE — inessive; PST — past tense; PTCP.ACT — active participle; SG — singular.

References

Danilova 2022 — A. A. Danilova. Sintaksicheskie svojstva deeprichastij na -sa, -kâ, -č'č'ož v tatyshlinskom govore udmurtskogo jazyka [Syntactic properties of participles ending in -sa, -kâ, -č'č'ož in Tatyshly Udmurt] // I. Khomchenkova (ed.). Malye jazyki v bol'shoj lingvistike. Vypusk 4. Moscow: "BukiVedi", 2022. P. 83–99.

Danilova, Kuznetsova 2021 — A. A. Danilova, Yu. N. Kuznetsova. Taksisnye svojstva deeprichastij s pokazateljami -sa, -kâ, -č'č'ož v tatyshlinskom govore udmurtskogo jazyka [Taxis properties of adverbial participles in -sa, -kâ, -č'č'ož in Tatyshly Udmurt] // D. F. Mishchenko, D. V. Gerasimov (eds.). Vosemnadcataja konferencija po tipologii i grammatike dlja molodyh issledovatelej. Tezisy dokladov (Sankt-Peterburg, 25–27 no-

jabrja 2021 g.) [18th Conference on typology and grammar for young scholars. Abstracts (Saint Petersburg, November 25–27, 2021)]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS, 2021. P. 74–78.

Bresnan 1973 — J. Bresnan. Syntax of the comparative clause construction in English // Linguistic Inquiry. 1973. Vol. 4. P. 275–343.

Georgieva 2017 — E. Georgieva. Az ‘ahelyett, hogy’-mellékmondatok az udmurt nyelvben [Preference and substitution clauses in Udmurt] // Folia Uralica Debreceniensia. 2017. Vol. 24. P. 15–38.

Georgieva 2018 — E. Georgieva. Non-finite adverbial clauses in Udmurt. PhD dissertation. Szeged: University of Szeged, 2018.

Giannakidou, Yoon 2011 — A. Giannakidou, S. Yoon. The subjective mode of comparison: metalingusitic comparatives in Greek and Korean // Natural Language and Linguistic Theory. 2011. Vol. 29. P. 621–655.

Giannakidou, Stavrou 2009 — A. Giannakidou, M. Stavrou. Metalinguistic comparatives and negation in Greek // C. Halpert, J. Hartman, D. Hill (eds.). Proceedings of the 2007 workshop on Greek syntax and semantics (MIT Working Papers in Linguistics 57). Cambridge: MIT Press, 2009. P. 57–74.

Goncharov, Irimia 2018 — J. Goncharov, M. A. Irimia. Epistemic comparatives: a cross-linguistic investigation // Wm. G. Bennett, L. Hracs, D. R. Storoshenko (eds.). West Coast Conference on Formal Linguistics. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2018. P. 169–176.

Goncharov, Irimia 2020 — J. Goncharov, M. A. Irimia. Epistemic comparatives and other expressions of speaker’s uncertainty // F. Marušič, P. Mišmaš, R. Žaucer (eds.). Advances in formal Slavic linguistics. Berlin: Language Science Press, 2017. P. 75–95.

Herburger, Rubinstein 2014 — E. Herburger, A. Rubinstein. Is ‘more possible’ more possible in German? // Semantics and Linguistic Theory. 2014. Vol. 24. P. 555–576.

GSUJa 1962 — P. N. Perevoshhikov (ed.). Grammatika sovremennogo udmurtskogo jazyka. Fonetika i morfologija [Grammar of the modern Udmurt language. Phonetics and morphology]. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962.

Kennedy 2009 — C. Kennedy. Modes of comparison // M. Elliott, J. Kirby, O. Sawada, E. Staraki, S. Yoon (eds.). Papers from the 43rd annual meeting of the Chicago Linguistic Society. Volume 1: The main session. Chicago: Chicago Linguistic Society, 2009. P. 141–165.

McCawley 1998 — J. D. McCawley. The Syntactic Phenomena of English. Chicago: University of Chicago Press, 1998.

Morzycki 2011 — M. Morzycki. Metalinguistic Comparison in an Alternative Semantics for Imprecision // Natural Language Semantics. 2011. Vol. 19. № 1. P. 39–86.

Sawada 2010 — O. Sawada. Modes of scalar reversal in Japanese // S. Iwasaki, H. Hoji, P. M. Clancy, S.-O. Sohn (eds.). Japanese/Korean Linguistics 17. Stanford: CSLI Publications, 2010. P. 263–277.

Zevakhina, Dzhakupova 2015 — N. A. Zevakhina, S. S. Dzhakupova. Russian metalinguistic comparative: a functional perspective (December 29, 2015). Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 39/LNG/2015, Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=2709049 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2709049

Zevakhina, Shchipkova 2024 — N. A. Zevakhina, A. A. Shchipkova. Asymmetry in Russian metalinguistic comparatives: Corpus and experimental evidence // Voprosy Jazykoznanija. 2024. № 2. P. 35–51.

Maxim Stepanyants

HSE University, Moscow

FUTURE ANTERIOR MARKER *-RAḲ* IN ASHQARAWA ABAZA

This paper is dedicated to the so-called "future" marker ***-raḳ*** (glossed as -RAK to avoid specific labelling) in the Ashqarawa dialect of Abaza (< Northwest Caucasian), namely, the variety of Staro-Kuvinsk (a settlement in the Karachay-Cherkess Republic, Russia); the data were collected during 2024 and 2025 fieldwork trips.[1] This marker is a characteristic feature of the dialect [Chkadua 1970: 220; Lomtatidze 2011: 451]. It can only occur in dependent clauses, primarily in relative ones (cf. the paper by Arkadiev [2023] on non-finiteness in Abaza), and therefore is not a typical future tense marker and is rather peripheral. I will examine the contexts where it is used, introducing new empirical data, and propose a theoretical account of its functional load and relation to the semantically similar markers *-ra* and *-laḳ* (found in most Abkhaz-Abaza varieties).

The terms used in the semantic description of *-raḳ* by Chkadua [Chkadua 1970: 220–226] require a typologically-informed re-examination. However, in that same study these three functions of this marker were already established: 1) "futurity", 2) habituality and 3) generalized concessive conditional clauses (GCCs). Although a use with the manner relative *-šə* is also documented, I argue that this construction can be analyzed compositionally. An example of a GCCs with *-raḳ* and the additive *-g'əj* is in (1), cf. the paper on the latter [Astafiev, Stepanyants 2024].

To my knowledge, the following use has not been previously described: *-raḳ* can attach to the temporal converbs, e.g., to the converb

[1] The fieldwork was supported by the Foundation for Educational Initiatives of HSE University ("Rediscovering Russia" program).

in *-mca* ‘while’ (but not to the negative converb in *-ḳʷa*); compare with the cognate *-mca*(*ra*) in Tapanta Abaza [Arkadiev 2020: 46–47]. With the converb meaning ‘since’ (2), the form *-əjzš’taraḳ* is produced (this converb has the suffix *-əjzš’tara* in Tapanta Abaza). The habitual interpretation is exemplified in (3)–(4); it is noteworthy that in both cases the semantics of the situation entail anteriority, and no examples of a habitual interpretation lacking this feature are attested in the data available to me (cf. [Chkadua 1970: 224] for some more similar examples).

(1) *sará s-n-á-j-χ-raḳ-g’əj*
I 1SG.ABS-REL.TMP-CSL-come-RE-RAK-ADD
s-psə́ s-š’á-w-ṭ
1SG.PR-soul 1SG.ABS-rest-IPF-DCL
‘Whenever I come back, I have a rest’.

(2) *šarəjzát-əj sar-ə́j h-aba-dər-əjzš’taraḳ*
Sh.-ADD I-ADD 1PL.ABS-REC.ERG-know-SINCE+RAK
pχnə́ pχ’aʒá h-aba-ba-w-ṭ
summer every 1PL.ABS-REC.ERG-see-IPF-DCL
‘Since I met Sharizat, we see each other every summer’.

(3) *jəzzá.g’əj jə-r-dərá-jṭ məwrát*
all 3N.ABS-3PL.ERG-know-DCL M.
d-n-á-j-raḳ hará č’aj
3H.ABS-REL.TMP-CSL-come-RAK we tea
j-hə-ẑá-jṭ
3N.ABS-1PL.ERG-drink-DCL
‘Everyone knows, when Murat comes, we drink tea’.

(4) *məwrát s-čə́ d-an-á-j-raḳ*
M. 1SG.PO-near 3H.ABS-REL.TMP-CSL-come-RAK
č’aj hə-ẑá-n
tea 1PL.ERG-drink-PST.DCL
‘When Murat came, we used to drink tea’.

Example (5) shows a typical context for *-raḳ*, where the dependent situation precedes a future one. However, as Chkadua, too, notes (despite using the term “future”), “in its secondary meanings” the *-raḳ*

form (and its analogues in other dialects) is "tenseless" [Chkadua 1970: 2203]. Anteriority relative to a single past event is illustrated in (6). I suggest that, therefore, *-raḳ* might be better described as a taxis form of **future anteriority** ("future" added for the sake of tradition and a hypothetically possible diachronic source; cf. [Penkova 2024] on similar markers).

(5) *sará j-n-a-z-də́r-raḳ*
I 3N.ABS-REL.TMP-CSL-1SG.ERG-know-RAK
jə-w-á-s-hʷa-ṗ
3N.ABS-2M.IO-DAT-1SG.ERG-say-NPST.DCL
'When I find it out, I will tell you'.

(6) *a-kʷá j-an-á-kʷa-raḳ j-χ'ta-χá-n*
SP-rain 3N.ABS-REL.TMP-CSL-rain-RAK 3N.ABS-cold-INC-PST.DCL
'When it started to rain, it became cold'.

I propose that *-raḳ* is derived from *-laḳ*, the variant used among some elder people of Staro-Kuvinsk, according to my consultant, probably via contamination with *-ra*, which also exhibits future-related uses [Arkadiev, submitted: 25] (the relationship between *-laḳ* and the habitual *-la* remains unclear to me, and here I do not discuss the inner composition of *-laḳ*). The influence of *-ra* can be further illustrated by data from the other Abaza dialect. Note that a certain contextual delimitation between the forms in *-ra* and *-laḳ* has been described for Abkhaz [Hewitt 1979: 39] (which I presume to reflect a more archaic stage; the principle of economy suggests that there must have been such a delimitation). However, it seems that in Tapanta Abaza, which only employs *-laḳ* in GCCs and lacks *-raḳ* entirely, *-ra* can be used in the contexts of anteriority.Thus, *-ra* has almost completely ousted *-laḳ* from the functional domain of anteriority; a similar conclusion is reached in [Chkadua 1970: 222].

Abbreviations

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; ABS — absolutive; ADD — additive; CSL — cislocative; DCL — declarative; ERG — ergative; FUT — future; H — human; IAM — iamitive; INC — inceptive; IO — indirect object; IPF — imperfective;

M — masculine; MNR — manner; N — neuter; NEG — negation; NFIN — non-finite; NPST — non-past; PO — postposition object; PL — plural; PR — possessor; PST — past; RE — refactive; REL — relativization; SG — singular; SINCE — converb ‘since’; SP — specific; TMP — temporal; + — phonetic fusion of adjacent morphemes.

References

Arkadiev 2023 — P. M. Arkadiev. Finitnost' v morfologii i sintaksise: svidetel'stva abazinskogo jazyka. [Finiteness in morphology and syntax: Evidence from Abaza] // Voprosy Jazykoznanija. 2023. № 1. P. 103–131.

Arkadiev, submitted — P. Arkadiev. Abaza. A grammatical sketch // Yu. Koryakov, Yu. Lander, T. Maisak (eds.). The Caucasian Languages. An International Handbook. De Gruyter Mouton. Revised version of June 2020.

Astafiev, Stepanyants 2024 — P. Astafiev, M. Stepanyants. Additive marker *-g’əj* in Abaza // V. S. Olishevskaya, O. V. Kuznetsova (eds.). Dvadcat' pervaja konferencija po tipologii i grammatike dlja molodyh issledovatelej. Tezisy dokladov (Sankt-Peterburg, 21–23 nojabrja 2024 g.) [21st Conference on typology and grammar for young scholars. Abstracts (Saint Petersburg, November 21–23, 2024)]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS, 2024. P. 171–174.

Chkadua 1970 — L. P. Chkadua. Sistema vremjon i osnovnyh modal'nyh obrazovanij v abhazsko-abazinskih dialektah. [The system of tenses and basic modal formations in the Abkhaz-Abaza dialects]. Tbilisi: Metsniereba, 1970.

Hewitt 1979 — B. G. Hewitt. Abkhaz (Lingua Descriptive Studies 2). Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1979.

Lomtatidze 2011 — K. G. Lomtatidze. Ashkhar dialect and its place among other Abkhaz-Abaza dialects. Translation from Georgian into Abkhaz by N. V.Arshba, E. K. Kilba. Sukhumi, 2011.

Penkova 2024 — Ya. A. Penkova. Slavjanskoe predbudushhee v tipologicheskoj perspektive. [The Slavic pre-future in typological perspective]. Moscow: Vinogradov Institute of Russian Language, 2024.

Elizaveta Zabelina

ILS RAS, Saint Petersburg

PATTERNS OF CARITIVE MARKING IN DRAVIDIAN: GRAMMATICALIZATION PATHWAYS IN TELUGU AND BEYOND

The talk is dedicated to the grammaticalization of caritive constructions in Dravidian languages, with a focus on the South-Central Dravidian language Telugu. Caritive denotes explicit non-involvement of a secondary participant (prototypically, companion) in a given situation, see English *without* in *He came without his son*. (cf. [Oskolskaya et al. 2020]). According to this definition, caritive also subsumes privative, "marking the absence of some property (particularly possession relations)", such as English *-less* in *a head**less** chicken* [Phillips 2023; Lapshina 2025]. The research is based on the web-corpora data and data elicited from native speakers.

In Telugu, as well as in most major Dravidian languages, basic caritive and privative constructions are based on negative existential cognate nonfinites derived from 'not be' (< Proto-Dravidian **cil-*) [Burrow, Emeneau 1984: 223; Krishnamurti 2003: 354]. The caritive (1a) and privative (1b) constructions of Telugu are illustrated below.

(1) *a. Jōṇ tana snēhituḍu **lēkuṇḍā** panḍaga-ki vaccāḍu.*
P.N. own friend without festival-DAT come.PST.3SG.M
'John came to the festival **without his friend**'.

b. *pilla **lēni** yuvati*
child not_having young_lady
'a **childless** young woman'

The caritive marker is derived from the negative converb *lē-kuṇḍā* [not_be-NEG.CVB] (1a), and the privative marker is derived from the negative participle of the same negative-exsitential verb *lē-ni* [not_be-NEG.PTCP] (1b).

The grammaticalization status of these forms is transitional: I will try to evaluate it based on the typological questionnaire [Bisang et al 2017]. Thus, I will show that both forms demonstrate no phonetic reduction (-1), there is no change of categorial properties of the source word class (-1), no allomorphy (-1), no obligatoriness (-1) and very weak syntagmatic cohesion and positional variability (-1/+2). However, both forms do demonstrate semantic generalization (+3) and change their word class (+2).

The transition is most evident in their major syntactic restructuring: while in non-caritive uses these forms normally require an adverbial or adjectival complement (2a–b), in caritive uses they require obligatory nominal complements (2c–d).

(2) a. ??? [*gaḍi-lō* ***lē-ni***] *Kumār adi vinalēdu*
room-LOC not_be-NEG.PTCP P.N. 3NM hear.PST.NEG
Exp. 'Kumar, who was not in the room, did not hear it'.

b. ??? [*gaḍi-lō* ***lē-kunḍā***] *Kumār adi vinalēdu*
room-LOC not_be-NEG.CVB P.N. 3NM hear.PST.NEG
Exp. 'Kumar, not being in the room, did not hear it'.

c. *nēnu* [*slīvs* ***lēni***] *ḍres-ni konnānu*
I sleeves not_having dress-ACC take.PST.1SG
'I bought a dress without sleeves'.

d. *Mērī* [*tana goḍugu* ***lēkunḍā***] *pani-ki veḷḷadu*
P.N. own umbrella without work-DAT go.NPST.NEG.3NM
'Mary doesn't go to work without her umbrella'.

In 2(c–d), the nominal complements of the caritive markers refer to the absentees — missing participants, for pragmatic reasons always explicitly present in the sentence.

I will also attempt to expand these findings onto wider Dravidian contexts, showing that language contacts with Indo-Aryan and English might have contributed to the shaping of caritives. Caritive grammaticalization in Dravidian reflects the general areal pattern of encoding complex event types by a combination of a non-finite with a finite verb form; grammaticalization of the non-finite form to the postposition typologically can be analyzed as an instance of satellite-framing [Talmy 2000; Croft et al. 2010]. Finally, I will demonstrate that the primary conceptual sources of caritive grammaticalization in Dravid-

ian languages include negated presence and negated possession (existential-locative).

Abrreviations

1, 3 — 1st, 3rd person; ACC — accusative; DAT — dative; LOC — locative; M — masculine; NEG — negation; NM — non-masculine; NPST — non-past; PST — past; PTCP — participle; SG — singular.

References

Bisang et al 2017 — W. Bisang, A. Malchukov, I. Rieder, L. Sun. Measuring Grammaticalization: A questionnaire // A. Malchukov, W. Bisang (eds.). Grammaticalization Scenarios: Grammaticalization Scenarios from Europe and Asia. Vol. 1. De Gruyter, 2017. P. 89–104.

Burrow, Emeneau 1984 — T. Burrow, M. B. Emeneau. A Dravidian etymological dictionary. 2nd ed. Oxford [Oxfordshire]: Clarendon Press, 1984.

Croft et al. 2010 — W. A. Croft, J. Barðdal, W. B. Hollman, V. Sotirova, Ch. Taoka. Revising Talmy's typological classification of complex event constructions // H. C. Boas (ed). Contrastive Studies in Construction Grammar. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 201–236.

Krishnamurti 2003 — B. Krishnamurti. The Dravidian Languages (Cambridge Language Surveys). Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Lapshina 2025 — K. M. Lapshina. Proprietive and privative affixes in some Uralic languages: On markedness and (non)inflectional status // Voprosy Jazykoznanija. 2025. № 1. P. 95–118.

Oskolskaya et al. 2020 — S. Oskolskaya, N. Zaika, S. Klimenko, M. Fedotov. Defining caritive as a comparative concept // Voprosy Jazykoznanija. 2020. № 3. P. 7–25.

Phillips 2023 — J. Phillips. Negation // C. Bowern (ed.). The Oxford Guide to Australian Languages (Oxford, 2023; online edn, Oxford Academic, 20 July 2023).

Talmy 2000 — L. Talmy. Toward a cognitive semantics. Vol. 2: Typology and process in concept structuring. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

А. В. Алхазова, Д. А. Парамонова (Москва)
Морфологический статус вспомогательного глагола *edi*
в терском диалекте кумыкского языка 3

А. В. Алхазова, В. А. Яровая (Москва)
Сериальные конструкции с отрицанием
в терском диалекте кумыкского языка 7

А. В. Анцупова (Москва)
Средства выражения таксисных отношений
в зиловском диалекте андийского языка 11

Д. Д. Белова, А. И. Крюкова (Москва)
Чем аккузативные каузируемые отличаются от аккузативных
пациенсов? Данные татышлинского удмуртского 16

О. И. Беляев (Москва)
Юссив с глаголом речи в татских языках
как контактно-обусловленное явление 20

О. С. Волков, П. Л. Коган (Москва)
Темпоральные употребления фокусных показателей
в языках кечуа 24

С. С. Главатских (Москва)
Быть или *mā*-быть? Особенности употребления
копулы *vidow* в шугнанском языке 28

К. О. Дунаева (Москва)
Условные конструкции в ашхарском диалекте
абазинского языка 32

Л. А. Зайцев, Е. В. Шерстнева (Москва)
Проблема гармонии гласных и компаративы
в финском языке 36

Л. А. Зайцев (Москва)
Фонетическая типология и типология звуковых изменений в обосновании исторической фонетики: рефлексы прауральских гласных среднего подъёма в раннепрамарийском и условия их расщепления 40

А. А. Козлов (Москва)
Когда что-то идёт не так, лесной ненецкий язык использует интраклитику *-s´ej-* 44

Э. С. Кунижева (Москва)
Согласование копулы в ашхарском диалекте абазинского языка 48

Е. И. Лидогостер (Москва)
Куда пропадают ANTE и POST: локализация APUD в теленгитском языке 52

М. Г. Меленченко (Москва)
Результат и результатив в шугнанском перфекте 55

С. К. Михайлов (Москва)
Определённые ограничения на дискурсивных референтов в артиклях мира 58

А. Г. Монастырская (Москва)
Хабитуалис в прошедшем в христианском урмийском 62

Д. Д. Мордашова, П. О. Россяйкин (Москва)
Прошедшее время в контекстах х-маркирования 65

Д. Д. Мордашова (Москва)
Полисемия фазовой частицы *ej* ‘ещё’ в татышлинском говоре удмуртского языка 70

М. А. Наумова (Москва)
О распределении пространственных падежей в татышлинском говоре удмуртского языка 74

А. В. Овчинникова (Москва)
К типологии глагольной колексификации в области каузированного перемещения 77

И. О. Ольхов (Москва)
Непосессивные употребления посессивных показателей
в лесном ненецком.....81

А. В. Панова (Москва)
В поисках относительных конструкций со вложенной
вершиной в ашхарском диалекте абазинского языка.....85

Г. С. Паттерсон (Москва)
Якутский проприетив с номинализациями
прошедшего времени 89

А. Д. Подгорная (Москва)
Конструкции результативно-пассивной зоны
в иронском диалекте осетинского языка.....94

Н. Г. Романова (Санкт-Петербург)
Триггеры диахронического изменения маркирования
глагольных аргументов
(на материале ряда языков Европы) 98

А. М. Руднева (Москва)
Вклад аддитивности в семантику неопределённых
местоимений в татышлинском удмуртском.....102

С. П. Савинова (Москва)
Глагольная зона прогрессива
в татышлинском удмуртском 106

М. С. Смолкина (Москва)
Вариативность относительных местоимений
в некоторых русских говорах 110

Д. А. Урывская (Москва)
Дистантный рефлексив в даргинских языках:
данные условных конструкций 115

А. И. Фахрутдинова (Москва)
Рефлексивность в урмийском новоарамейском 119

М. Л. Федотов (Париж)
Каузатив в гбан (южные манде).....123

Л. Дж. Н. Финкельберг (Москва)
Неволитивное участие в ситуации как новый параметр системы конвербов кечуа чимборасо 127

И. А. Хомченкова, Д. Д. Белова (Москва)
Синтаксические свойства частицы передачи речи *ре* в татышлинском удмуртском 131

Д. С. Цих (Москва)
Стратегии референциального выбора в адыгских языках: корпусное исследование 135

Е. Е. Шведова (Москва)
Морфосинтаксический статус глагольных пород в христианском урмийском 138

Е. В. Шерстнева (Москва)
Верхушка айсберга: о свойствах и развитии пространственных реляционных имён в амгуэмском диалекте чукотского языка 141

Ф. Г. Шушурин (Москва)
Биабсолютивная конструкция в ингушском языке 145

Anastasia Andreeva (Moscow)
English and German intensifiers of comparative degree: lexical sources and semantic development (the cases of English *mile*(*s*) and German *um Längen*) 149

Artyom Badeev (Moscow)
Mass number in Shughni? 153

Kirill Medushevsky (Moscow)
Forest Nenets glottal stop phonology 157

Polina Padalka, Elizaveta Korobova (Moscow)
Properties of non-verbal components in Shughni complex verbs 161

Irina Politova (Moscow)
Direct object omission works better with imperative sentences 164

Julia Sinitsyna (Moscow)
Metalinguistic comparatives in Tatyshly Udmurt 168

Maxim Stepanyants (Moscow)
Future anterior marker -*raḳ* in Ashqarawa Abaza 173

Elizaveta Zabelina (Saint Petersburg)
Patterns of caritive marking in Dravidian:
grammaticalization pathways in Telugu and beyond 177

Научное издание

ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ТИПОЛОГИИ И ГРАММАТИКЕ ДЛЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Тезисы докладов

Санкт-Петербург, 27–29 ноября 2025 г.

Распространяется бесплатно

Подписано в печать 11.11.2025. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 16,16.
Тираж 50 экз. Заказ № 1136.
Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134
9450922@gmail.com